

Ю. М. Кудашев

*По Английской
набережной*

путеводитель

о. Васильевский

НЕВА

НЕВА

Сенатская пл.

Адмиралтейский

Исаакиевская п

пл. Труда

Английская наб.
Галерная ул.
Конногвардейский бульвар

ул. Якубовича

ул. Почтамтская

ул. Большая Морская

Мойка

Ново-Адмиралтейский канал

Английская наб.
Галерная ул.

Адмиралтейский канал

о. Новая
Голландия

Крюков канал

Мойка

ул. Писка

ул. Труда

Конногвардейский пер.

пер. Почтамтский

Северо-Западный научный и методический центр

Ю. М. Кудашев

*По Английской
набережной*

Санкт-Петербург

1998

ББК 84.Р7
К 88

К 88 Кудашев Б. М. По Английской набережной: Путеводитель/
Под ред. канд. тех. наук Г. И. Дмитриева
СПб., 1997—174 с.

Эта книга об одной из старейших набережных Невы — Английской. Изложена ее история, история отдельных кварталов, площадей, расположенных смежно с набережной, всех домов, история формирования их архитектурного облика. Рассказывается об архитекторах и жителях этих домов, получивших общественное признание. Отмечено влияние на облик набережной различных эпох и исторических событий.

Книга-путеводитель для экскурсоводов и читателей, интересующихся историей города.

Введение

Ход исторического развития России показал, что необходимы крупные преобразования для преодоления ее отсталости. Особо остро этот вопрос встал к началу XVIII в. Это диктовало проведение реформ как во внутренней, так и во внешней политике.

Попыткой преодоления вековой отсталости России и явились петровские реформы. Петр I понял, что экономическую отсталость обуславливали военная слабость государства, путаная система управления, отсталость в развитии культуры, произвол многочисленных приказов и воеводств, тяжелое состояние государственных финансов, поражения в войнах и целый ряд других факторов.

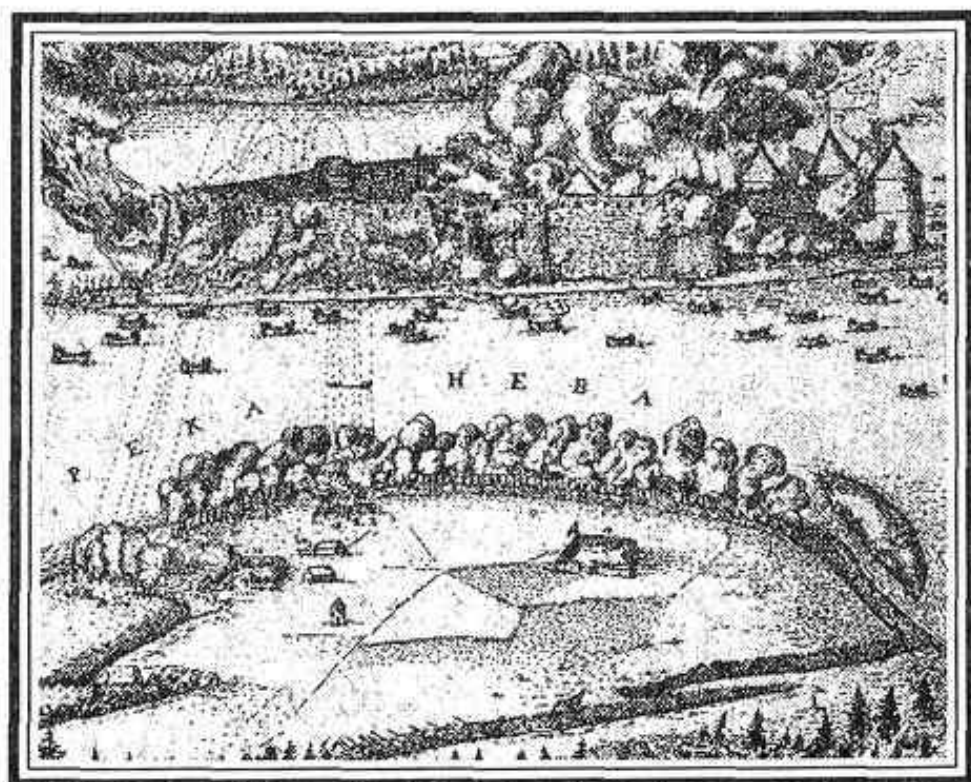
В начале XVII в., в борьбе с притязаниями северных соседей Россия потерпела поражение, несмотря на храбрость и патриотизм, при которых удалось отстоять свою независимость. Однако Россия утратила важную для нее территорию. По Столбовскому миру в 1617 г. русское государство лишилось искони принадлежавших ему берегов Балтийского моря, потеряло возможность удобного сообщения с Западной Европой и вынуждено было вести торговлю с заграницей только через надолго замерзающий Архангельский порт. Это не могло не сказаться на дальнейших судьбах страны в высшей степени отрицательно.

Отсутствие у России выхода к морю вызвало задержку в ее экономическом развитии. Перед страной все более нависала угроза потери национальной независимости. Таким образом, задача получения выхода к морю тесно связывалась с основной проблемой эпохи — проблемой преодоления вековой отсталости России. Разрешение этих задач требовало проведения реформ во всех областях жизни страны: преобразования русской армии, постройки флота, строительства целого ряда промышленных предприятий и т. д.

Это хорошо понимали передовые представители дворянства, купечества, а также круги, наиболее сильно втянутые в товарно-денежные отношения и кровно заинтересованные в развитии торговли (внешней и внутренней) и промышленности. А это также связывалось с необходимостью борьбы за возвращение берегов Балтики.

Проведение реформ предопределило успех России в борьбе с сильным врагом за выход к морю. Русские войска вышли к устью Невы, что, однако, еще не разрешало поставленные задачи: закрепиться на морском побережье, построить военный и торговый флот и создать для них хорошие базы. Все эти вопросы разрешались строительством в устье Невы Петербурга — города-крепости, города-порта, базы Балтийского флота.

Как это было

одным пространством, дающим России прямой выход в Европу на севере, была Балтика. Будучи в Курляндии в 1697 г., Петр говорил о стремлении твердо стать на берегах Балтики. Там уже велись переговоры с курфюрстом бранденбургским об оборонительном союзе против шведов. В Раве Русской у города Львова Петр встретился с Августом II — польским королем и 3 августа 1698 г. договорился о войне со Швецией.

В Преображенском, под Москвой, Петр подписал договоры с Августом II и датским королем Фредериком IV. Это были первые дипломатические документы, скрепленные подписью царя. До этого такого рода акты подписывались лишь русскими послами и скреплялись государственной печатью. В Воронеже, где в 90-х г. XVII в. строился флот, был заложен пятидесятивосьмипушечный корабль “Предистинация” (он был построен русскими мастерами, обучавшимися за границей). В это время шла война с Турцией. Весной 1699 г. русская эскадра встала на якорь у Керчи. Появление русских кораблей произвело на весь мир огромное впечатление. Необходимое перемирие с Турцией было достигнуто, и 8 августа 1700 г. был заключен мир.

На другой же день, 9 августа 1700 г. русское войско двинулось к Нарве. Началась Северная война.

В незапамятные времена, почти за тысячу лет до начала войны, заселили русские люди берега красавицы Невы, вышли к Нарове, к побережью Финского залива. Здесь издавна пролегал водный путь “из варяг в греки”, и ладьи, наполненные русскими товарами, плыли в Швецию, Данию, Славянское поморье. Неоднократно в борьбе со шведскими феодалами и немецкими рыцарями в этом приморском крае лилась кровь русских людей. Здесь в 1240 г. грянула Невская битва, прославившая на века князя Александра

Невского и храбрых русских ратников. Бились за “отчины и дедины” на берегах Балтийского моря русские воины в Ливонской войне (1558-1583) — в царствование Ивана Грозного. Но в борьбе с коалицией (Швеция, Литва, Польша) война для России закончилась неудачно. В 1582 г. было заключено перемирие с Польшей, а в 1583 г. в Плюссе — со Швецией. Россия не только теряла все земли, отбитые в период Ливонской войны в Прибалтике, но и отдавала свои исконные владения — Ям, Копорье, Ивангород. Россию отбросили от моря. В руках России оставались лишь Орешек (крепость в истоке Невы), невские берега и небольшая часть побережья Финского залива (от Стрельны до Лисьего носа). Это было не “окно” в Европу, а маленькая щелочка, которую легко было закрыть, перерезав ниточку — Неву. И в царствование Федора Ивановича (1584-1598) против шведских оккупантов боролись русские войска. По Тявзинскому мирному договору (1595) Россия вернула захваченные шведами земли на побережье Финского залива, на Карельском перешейке с городами Ивангород, Ям, Копорье, Корела.

В начале XVII в., в период смутного времени на Руси, шведы, воспользовавшись русским неустройством, захватили северо-западные земли, заняв Ладогу, Корелу, Орешек, Ям, Копорье, Новгород, дошли до Пскова, подошли к Тихвину. Россия вынуждена была пойти на переговоры. В феврале 1617 г. в селе Столбово (у Тихвина) был заключен мир (вошедший в историю как Столбовский). Швеция возвращала Новгород, но Ивангород, Ям, Копорье, Корела, Орешек и земли по всему течению Невы остались во владении Швеции. Россия была отрезана от моря, отброшена на восток, оторвана от Западной Европы. Швеция сосредоточила в своих руках все выгоды от торговли России с Европой.

Это были ощутимые потери, тормозившие развитие экономики России. С середины XVII в. основной задачей внешней политики России было отвоевание у шведов захваченных ими земель. В период царствования Алексея Михайловича (1645-1676) 17 мая 1656 г. началась новая война. В боевых действиях русские войска заняли города Прибалтики — Динабург (ныне Даугавпилс), Дерпт (Тарту), осадили Ригу. Успешными были действия за приневские земли Карелии и Ижоры. Русские войска осадили Орешек, освободили Корелу, взяли шведскую крепость Ниеншанц и посад Ниен — древний новгородский город Невское Устье, стоявший у впадения реки Охты в Неву, нанесли поражение шведам в морском бою у острова Котлина. Но возобновившаяся война с Польшей за Украину заставила прекратить военные действия и начать переговоры со Швецией. В 1661 г. был заключен Кардисский мирный договор, по которому обе стороны остались при старых

государственных границах. В 1700 г. Россия вступила в Северную войну сухопутной отсталой Московией, а окончила ее в 1721 г. могущественной Российской империей, великой морской державой, с честью отстоявшей свое право на независимое существование. К концу сентября 1700 г. русские войска подошли к Нарве.

В ходе Северной войны российские войска под Нарвой потерпели крупное жестокое поражение, после которого (как считали в Западной Европе) России уже не подняться и с Петром покончено навсегда. Но Петр, который очень тяжело переживал поражение, решил иначе. Разбитые армии хорошо учатся. Россия имела передышку, так как Карл XII уже “списал” Россию со счета и был занят на Польском театре военных действий.

Как потом писал о Нарвской битве Ф. Энгельс: “Нарва была первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях”.

Петр произвел полную реорганизацию в армии, в ее руководстве, вооружил войска новым оружием. Вся Россия помогала царю. Особое внимание было уделено флоту, строительство которого вели верфь в Лодейном Поле на Свири, верфь на реке Сяси. Улучшилось качество и количество артиллерии, сыгравшей главную роль в возобновленных боях Северной войны. Развилась “железная” и оружейная промышленность, направленные на снабжение армии всем необходимым. Командный состав армии пополнялся русскими военачальниками.

Преображенский и Семеновский гвардейские полки стали своеобразными военными школами. Повысилось полководческое искусство той поры (наиболее ярким его представителем был сам Петр). По словам дипломата А. А. Матвеева: “Начав от барабанщичья чина, солдатские чины прямыми заслугами своими прошел”.

Армия стала национальной. Создались новые канцелярии и приказы: Артиллерийский, Морской, Провиантский, Рудокопных дел и др.

В войне наступил коренной перелом. В январе 1702 г. Б. П. Шереметев разбил восьмитысячный отряд шведов под командованием Шлиппенбаха (одного из лучших шведских полководцев), была уничтожена половина отряда и взяты трофеи (среди которых шесть пушек). Это было в пятидесяти километрах от Дерпта.

В июле от шведов были очищены районы Ладожского и Чудского озер. Тогда же Шереметев в Эстляндии вторично разбил наголову войска Шлиппенбаха. Апраксин у реки Ижоры разбил шведские войска Крониорта (знаменитого шведского полководца).

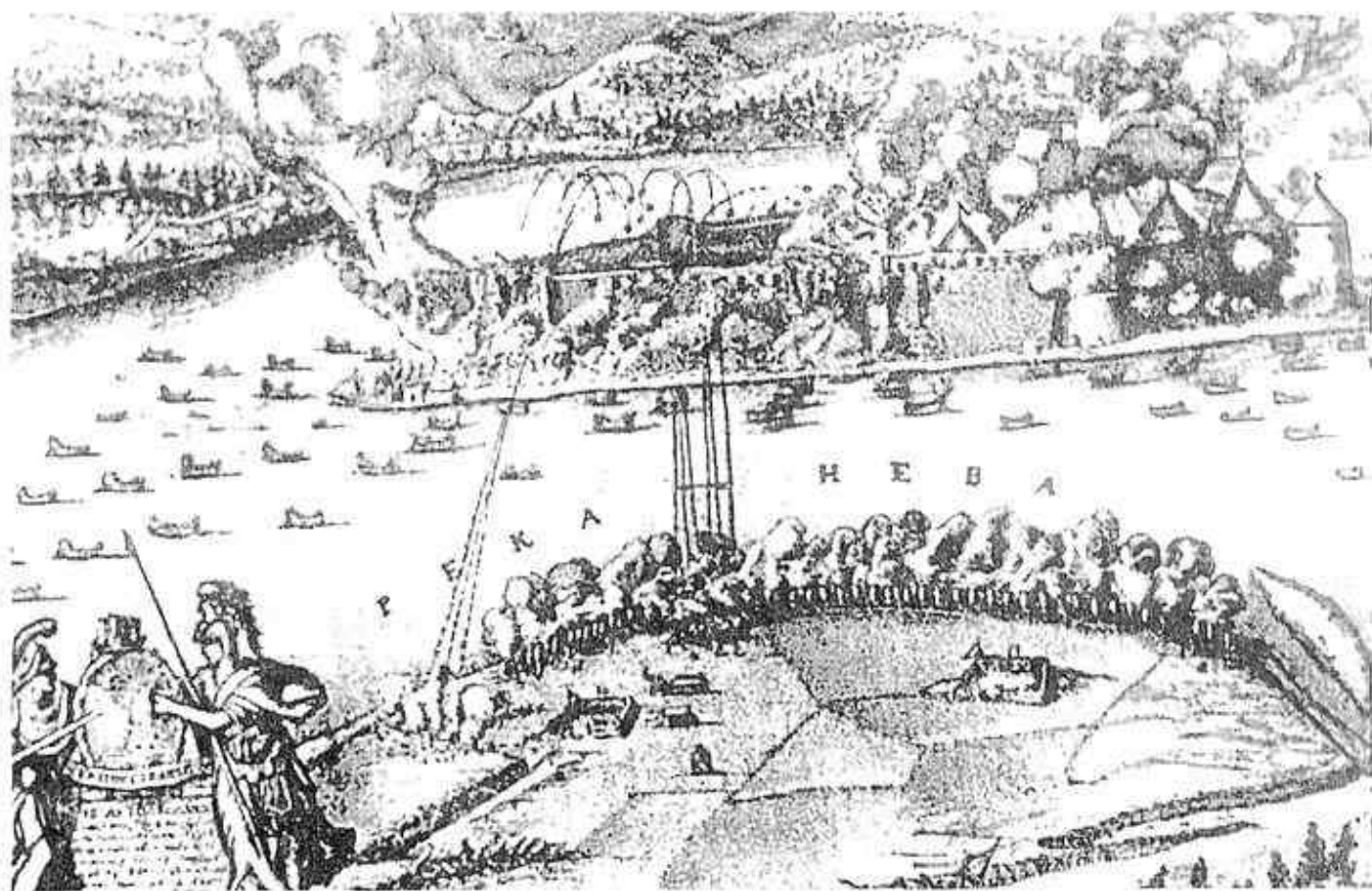
Русские, получив большой опыт военных действий, воспряли духом. Даже враги заговорили о смелости, храбрости и выносливости русских солдат.

Наступил момент, когда для успеха в войне требовалось выйти к морю. Овладев Ижорской землей, русские войска разрезали бы шведскую армию на две части, Эстляндско-Лифляндскую на юге и Финляндскую на севере.

Побережье охранялось сильно укрепленными шведскими крепостями: у истока Невы — Нотебургом (б. Орешек), и недалеко от устья — Ниеншанцем (у впадения реки Охты в Неву).

Петр стал тщательно готовиться к взятию Нотебурга. Важная роль для этого была отведена двум заставам: Ладоге (ныне Старая Ладога), которая стояла в сорока километрах от шведской границы (установленной по Столбовскому миру) и форпосту Лавуйская застава, стоящему на реке Лаве. Обе заставы в период подготовки к войне со Швецией были хорошо укреплены. В устьях Сяси и Волхова были построены новые заставы. Все они выдержали нападение шведов еще в 1701 г.

Из Ладоги Петр собирался руководить наступлением. Был вызван к нему фельдмаршал Б. П. Шереметев. На Свири у деревни Мокришвицы была основана судостроительная верфь (это было начало Олонецкой верфи)

Взятие Нотебурга. Гравюра А. Шхонебека 1703 г.

со всеми мастерскими и жильем. Все это было построено за несколько месяцев. К весне 1702 г. были собраны все сведения для предстоящих военных действий. Вся местность, окружающая Нотебург, была тщательно разведана русским инженером Василием Корчминым и отрядом В. Татищева.

Уже в сентябре 1702 г. у Нотебурга сосредоточились четырнадцать полков Шереметева и Репнина, туда же были доставлены сорок осадных орудий с большим запасом ядер и пороха.

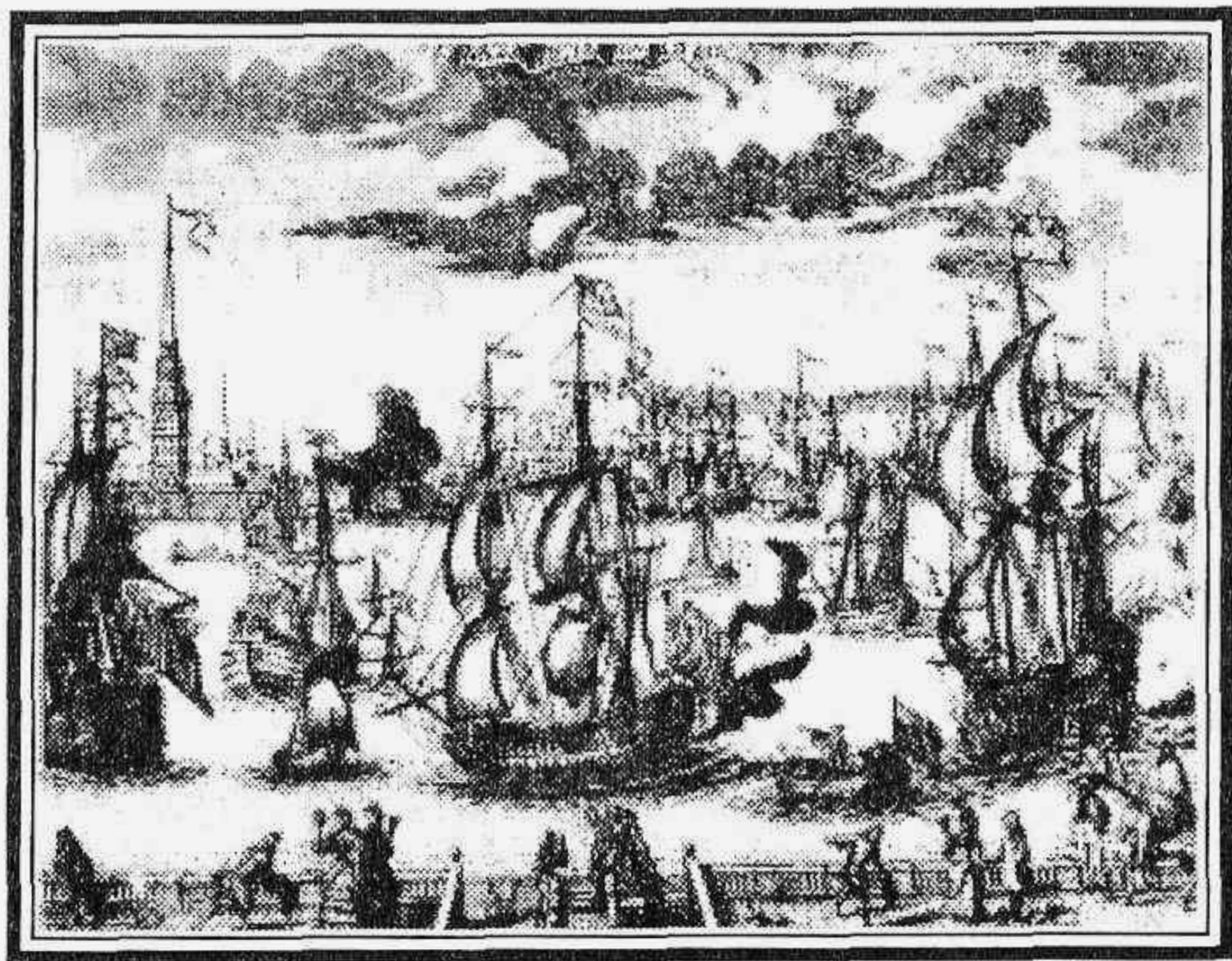
Крепость Нотебург находилась на острове посреди широкой Невы у самого истока. Это бывшая русская крепость Орешек, очень сильно укрепленная в период шведского владычества. Сто сорок две пушки защищали высокие толстые стены крепости с гарнизоном из четырехсот солдат.

Для осуществления штурма нужны были лодки. Пятьдесят больших лодок доставили по суше, прорубив в лесу просеку, и за сутки перетащили вверх по Неве (при участии Петра). Это было 29 сентября. А 30 сентября тысяча гвардейцев-преображенцев под командованием Петра, форсировав Неву, захватили укрепленный плацдарм на правом берегу. Нотебург оказался окруженным осаждающими со всех сторон.

Петр предложил почетную сдачу, но Шлиппенбах отказался. 1 октября вступила в бой артиллерия, и бомбардировка длилась десять дней. Русские войска пошли на штурм, переправившись под стены крепости. Рьяно защищавшиеся солдаты гарнизона лили смолу, кипяток, сталкивали лестницы, чем продлили агонию крепости на некоторое время. После тринадцатичасового штурма осажденные были сломлены и, не повинаясь своим офицерам, попросили капитуляции. Десятки тысяч русских солдат отдали свои жизни за победу, хотя участие артиллерии значительно уменьшило число жертв штурма. Петр высоко оценил труды бомбардиров, которые “зело чудесно дело свое исправили”.

Нотебург был переименован в Шлиссельбург (Ключ-город). С 1945 г. он называется Петрокрепость. Путь к морю отделяли лишь Нева да земляные валы крепости Ниеншанц.

*Там, где город стал
на море*

Приморские земли от реки Нарвы и до Ладожского и Онежского озер были населены русскими в седой древности, в первый период истории Руси, за тысячу лет до Северной войны. Не раз на протяжении XVI-XVII вв. она теряла эти земли, но их ни разу не покидали русские люди. По островам дельты, в устье Невы стояли русские поселки.

Во времена процветания “Господина Великого Новгорода” на территории будущего Петербурга располагались поселения Никольского Ижорского, Спасского Городенского погостов Ореховского уезда Водской пятины. Вся территория современного Петербурга (кроме Охты и Петроградской стороны) входили в Спасский Городенский погост. На невских берегах и по соседству с ними стояли деревни Кандуя, Враловщина, Минино и др.

В самом начале XVI в. в устье Охты при впадении ее в Неву стояло “сельцо”. Поселок этот стал торговым городом и у русских получил название Невское Устье. Во времена шведского владычества поселок был переименован в Ниен. Он располагался на правом берегу реки Охты при впадении ее в Неву. Рядом с ним, по левому берегу Охты, у самого Невского берега, было построено укрепление, названное шведами Ниеншанц, а русскими — Канцы. Река Охта отделяла крепость, воздвигнутую на Малой Охте, от посада Ниена, расположенного на Большой Охте. В Ниене было около четырехсот домов. Ниеншанц был одной из важнейших шведских крепостей. Расположенная на возвышенности крепость имела пятиугольную форму. Ее окружали валы высотой 18 м и шириной 12 м. На валах стояли семьдесят восемь пушек. Гарнизон — шестьсот солдат во главе с подполковником Аполовым (из русских дворян, оставшихся на Ижорской

*Наградная медаль за взятие Ниеншанца
1 мая 1703 г.*

земле после Столбовского мира и принявших шведское подданство).

12 апреля 1703 г. шестнадцатитысячный русский корпус Б. П. Шереметева подошел к Ниеншанцу и остановился в 15 км от него. Через два дня подошел авангард и расположился у стен крепости за валом. Начали строить укрепления для защиты орудий. Петр с семью ротами преображенцев и семейцев спустился к устью Невы.

Надо отметить, что крепость Ниеншанц находилась в 11 км от самой дальней точки устья. Нева от крепости течет еще метров восемьсот, делает

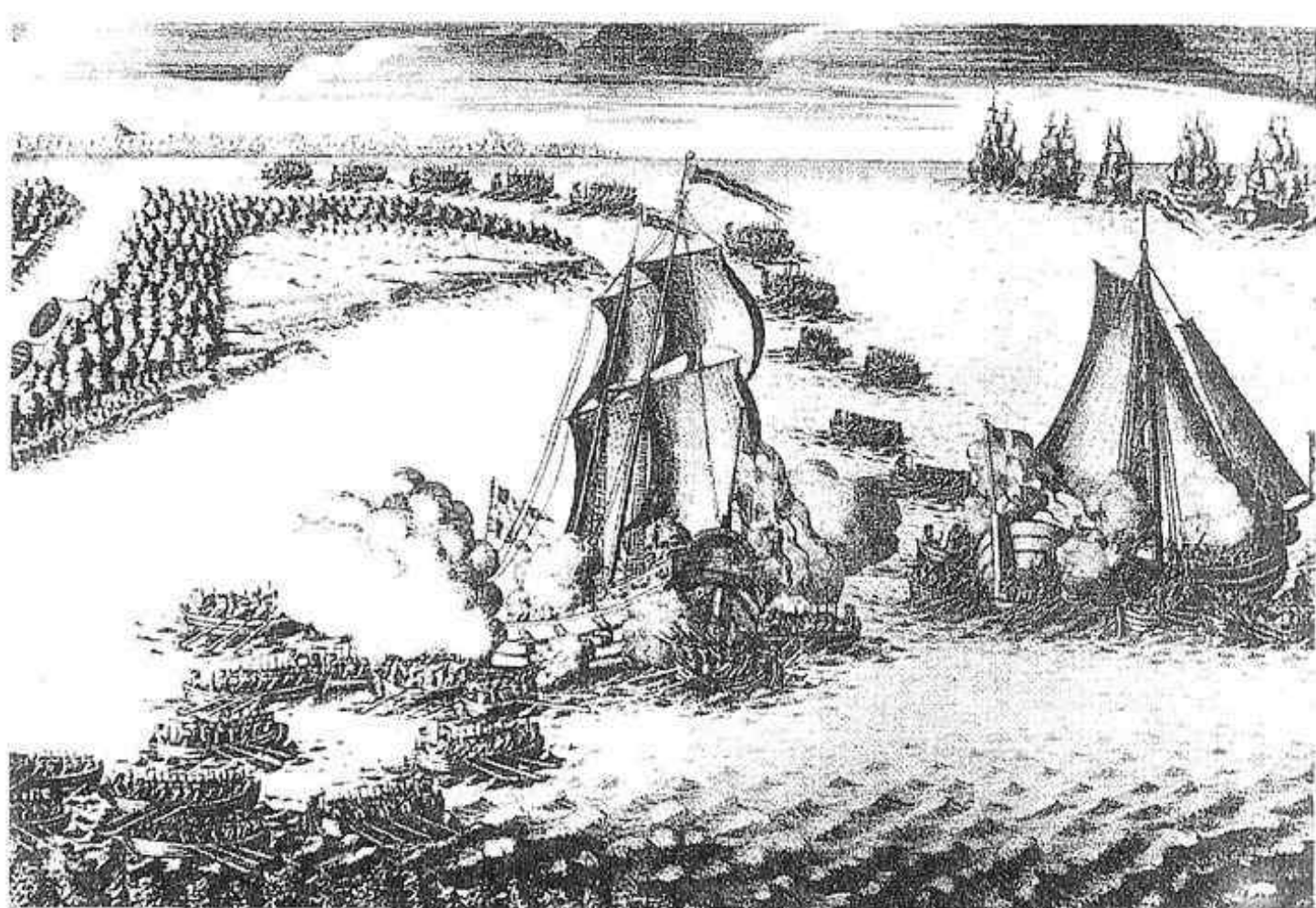
плавный (большого радиуса) поворот более чем на 90° и далее к устью течет на юго-запад. Место крепости стратегически невыгодно, так как она находится за излучиной Невы далеко от моря.

В устье, на острове Витусаари (Гутуевском), Петр оставил три роты под начальством Михаила Щепотова, дабы не пропустить шведов на помощь осажденному Ниеншанцу. После установки орудий, 29 апреля, Шереметев предложил капитуляцию; осажденные ее отвергли.

Вечером заговорила артиллерия. Утром 1 мая крепость сдалась. Весь гарнизон был отпущен в Выборг со всеми орудиями и регалиями.

Еще не зная о падении Ниеншанца, 6 мая в устье Невы вошли два шведских корабля из эскадры Нумера. Это были десятипушечный галиот "Гедан" и восьмипушечная шнява "Астрильд", посланные на помощь осажденным в Ниеншанце шведам. 7 мая Петр и Меншиков на лодках с гвардейцами, один с Невы, другой с моря, напали на шведов и взяли их на abordаж. В ожесточенном бою сопротивление шведов было сломлено. За эту "викторию", бомбардирский капитан Петр Михайлов и поручик Александр Меншиков были награждены высшими орденами Андрея Первозванного.

Переименовав крепость Ниеншанц в Шлотбург, что означало по-голландски "город-замок", Петр раскритиковал его, так как крепость была небольшой по размеру, "не горазд крепок от натуры", не имела серьезных естественных рубежей (не ограждена со всех сторон водой), а также, как мы уже отмечали, была удалена от моря. Судьба крепости была почти решена.

*Взятие русскими войсками двух шведских судов в устье Невы 6 мая 1703 г.
Гравюра А. Ф. Зубова по рисунку А. Шхонебека 1703 г.*

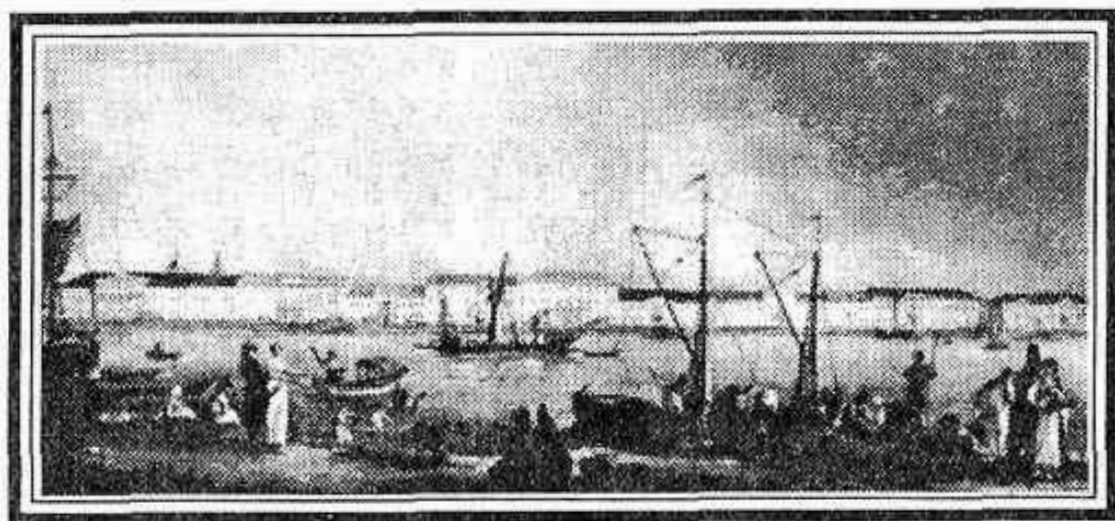
Многочисленные поиски нового места для крепости увенчались успехом. В двух километрах от моря был остров Заячий, по-фински Ени Саари, стоявший ближе к правому берегу Невы и отделенный от него протокой. Сразу за островом Нева разветвлялась на два рукава. Остров имел следующие размеры: около семисот пятидесяти метров в длину и трехсот шестидесяти в ширину. По плану, составленному Петром, крепость предполагалось строить с шестью бастионами, вплотную подходившими к воде. 16 мая 1703 г. начали строить ее с “большим поспешанием”. 29 июня заложили церковь во имя святых Петра и Павла. Рядом с крепостью на берегу Невы начали строить город, названный Санкт-Петербургом. Появилось много слобод, населенных работными людьми, мастерами разных строительных специальностей. Первые постройки были мазанковые и деревянные. Уже летом 1703 г. в Петербурге бросили якоря семь судов, построенных в Лодейном Поле, спустившихся по Неве из Ладожского озера.

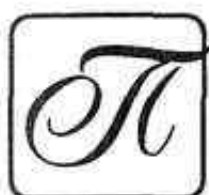
Шведский флот и сухопутные войска неоднократно делали попытки помешать строительству нового города и вернуть утраченные земли.

За зиму 1703-1704 гг. по указу Петра и при его содействии у острова Котлин в Финском заливе был построен в дереве форпост Кроншлот. В присутствии Петра эта башенная крепость была освящена 7 мая 1704 г.

По прошествии зимы стало ясно, что новая крепость Санкт-Петербург должна стать городом-портом и столицей России. Об этом в 1704 г. Петр писал Меншикову. Царь решил порвать с традициями отцов и дедов — перенести столицу к балтийскому побережью, совместив в ней гавань для торговых судов, базу военно-морского флота, промышленный и культурный центр страны.

Адмиралтейский остров

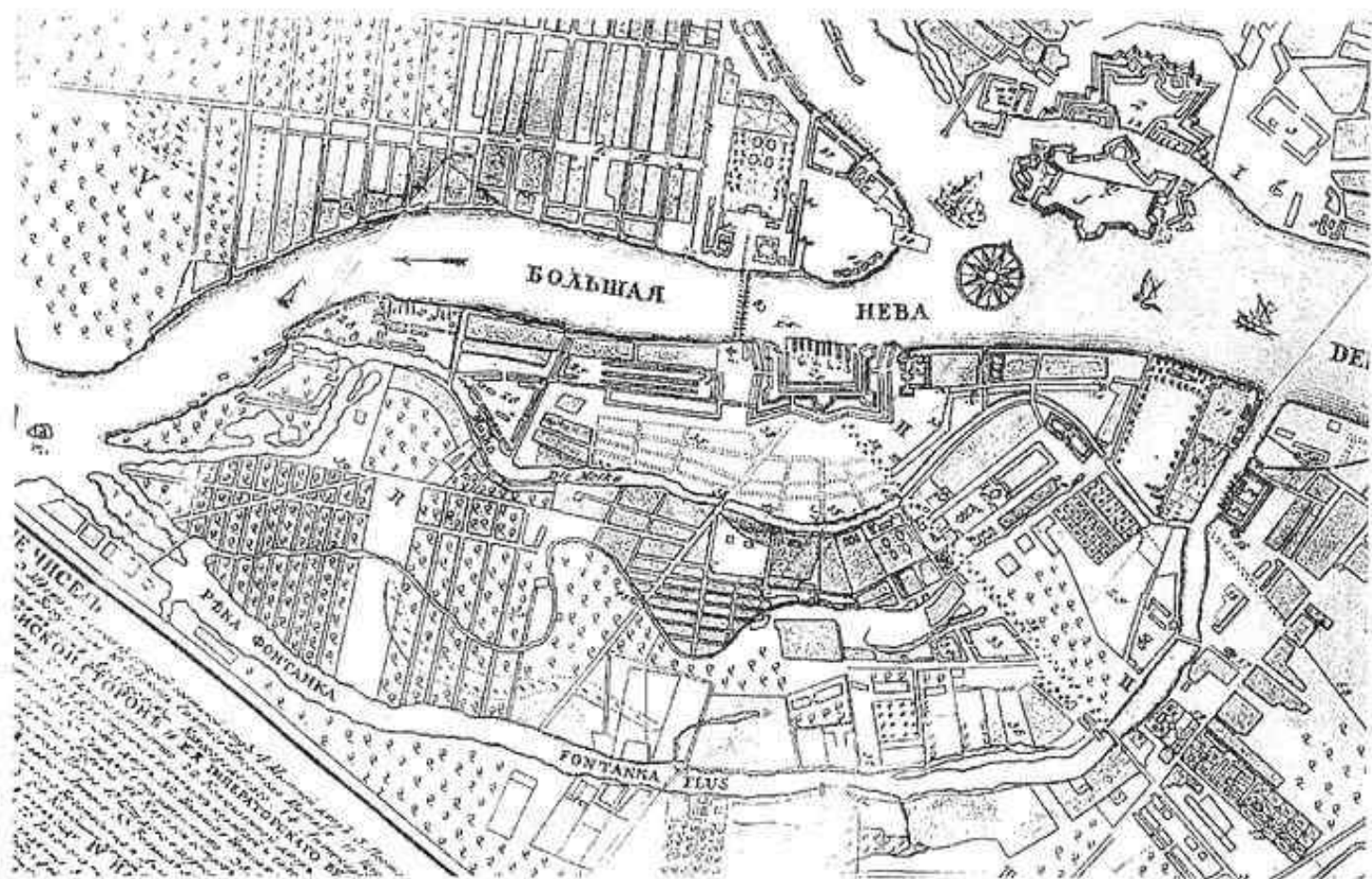
После крупных побед российской армии к концу 1703 г. уже можно было уверенно сказать — Россия вышла к Балтийскому морю.

Мечта Петра сбылась, и он незамедлительно решает строить в дельте реки Невы, у самого моря — город. Не просто город, а новый, по-новому, как город-порт, как город, в котором будет верфь и база российского военно-морского флота.

Верфи на реках Свири и Сяси, находясь далеко от моря, не могут справиться с большой задачей — обеспечить Россию судами, тем более что проводка судов к морю через Ладожское озеро, капризное, часто штормовое, не безопасна. Более половины судов погибали.

Строительство города началось со строительства крепости. Но война со Швецией была еще в полном разгаре. Шведский флот, сухопутная армия не могли смириться с укреплением Петра на берегах Балтики. Крепость и город, а в особенности верфь, пришлось оборонять от вражеского флота, от армий шведских генералов. Выбор места для верфи имел большое значение. Совместно с Меншиковым, Петр на лодке обследовал заливы, бухты в дельте Невы и, учитывая стратегическое значение места, выбрал на левобережье (наискосок от Петропавловский крепости) остров, на котором решено было строить верфь-крепость. Тогда вместе с Петропавловской крепостью они могли надежно закрыть для врагов вход в Неву. Обе крепости могли поддерживаться огнем пушечной батареи, расположенной на восточной стрелке Васильевского острова.

Остров для верфи располагался вдоль левого берега Невы, длина его около четырех километров, ширина в разных местах от 400 до 600 метров. С востока он частично омывался Безымянной речкой (Фонтанкой), а весь южный берег — рекой Мьей (Мойкой) на всем ее протяжении от истока (Фонтанка) до впадения в реку Неву, которая, поворачивая под довольно

Фрагмент плана Петербурга 1737 г.

крутым углом, омывает западную часть острова.

В XVII в. на западной части острова была рыбацкая слободка в несколько дворов (Галгуево). Мелколесье и кустарники покрывали всю территорию.

Пятно застройки выбрали почти посредине береговой линии, против восточной стрелки Васильевского острова. Таким образом в дальнейшем именовались: западный берег — нижним (так в начале и называлась набережная), а восточный от верфи-крепости до Фонтанки — Дворцовой набережной. На восточной части острова уже строили летний дворец Петра.

Размер участка 200 м вдоль берега и 100 м в глубину. Верфь была названа Адмиралтейским домом, Адмиралтейской верфью, Адмиралтейской крепостью. Когда в одной из частей здания разместилась вновь созданная Адмиралтейств-коллегия, то весь комплекс стал называться Адмиралтейством. По административному делению весь остров стал называться Адмиралтейским.

По согласованию с Петром окончательный вариант верфи-крепости был исполнен в чертежах первым архитектором города — Доменико Трезини.

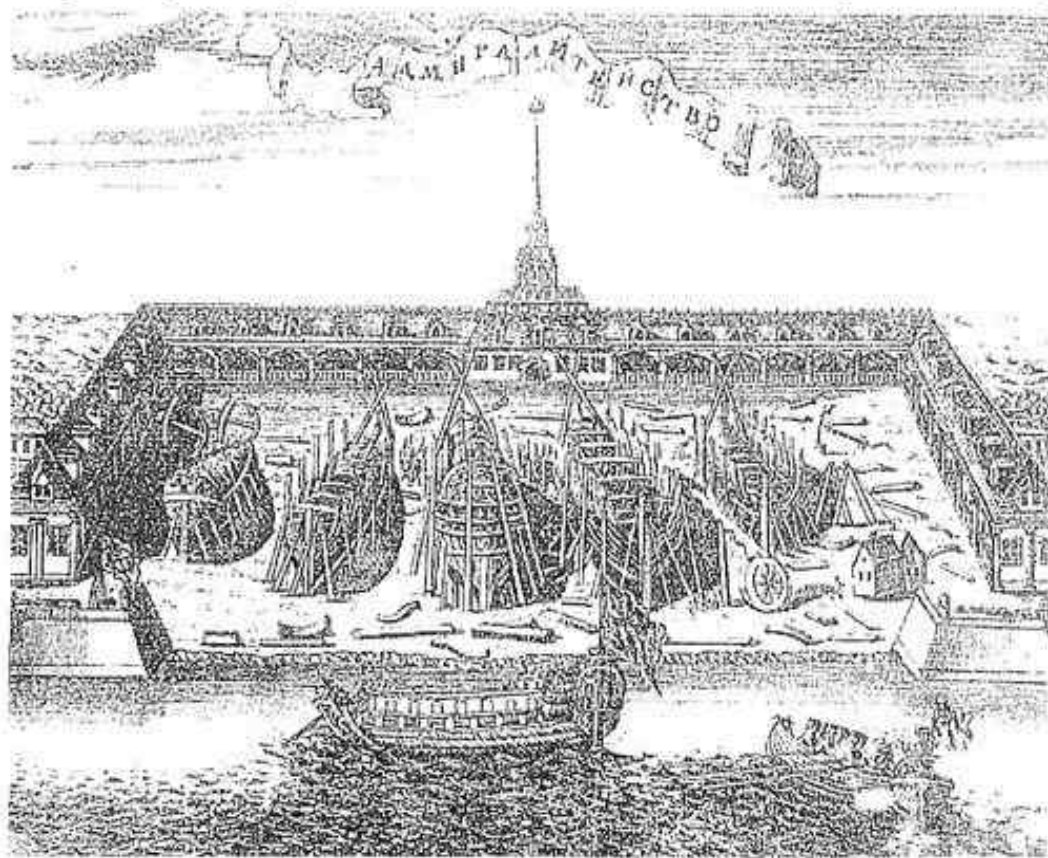
Доменико Трезини был самой выдающейся личностью среди прибывших в первой четверти XVIII в. в Петербург архитекторов-

иностранцев. Родился он в 1670 г. в окрестностях г. Лучано в Швейцарии в итальянской семье. Получил образование на родине. С 1699 г. он уже работал в Дании, где приобрел опыт в архитектурной практике и фортификационном деле. Через четыре года принял предложение русского посла в Италии А. П. Измайлова и в 1703 г. прибыл в Россию. Трезини, будучи специалистом в области “фортеций”, по инициативе Петра создал проект и строил артиллерийскую башню форпоста Кроншлот. С 1706 г. начал строить каменную Петропавловскую крепость и был главным архитектором Канцелярии городских дел.

Архитектор составлял первые проекты застройки города, проекты типовых домов (для “подлых”, “именитых” и “зело именитых”), домов для приближенных Петра I, Ф. Апраксина, А. Кикина, К. Крюйса и др.

Строил он в камне дома на Васильевском острове, где первоначально проектировался город.

Трезини по повелению Петра построил “Образцовый дом” (надстроенный, сохранился до наших дней — Университетская набережная, д. 21). В 1709 г. к нему из Астаны приехала жена, в марте 1710 г. у них родился сын, будущий архитектор Петр Трезини. До 1717 г., будучи главным архитектором, Трезини много проектировал и строил: Александро-Невский монастырь, Петропавловский собор, здание Двенадцати коллегий, Летний и Зимний дворцы Петра I, новую галерную гавань, первый мост через Кронверкскую протоку и т. д. Он воспитал целую плеяду русских

Адмиралтейство 1716 г. Гравюра А. Ф. Зубова

архитекторов. До конца дней своих зодчий участвовал в планировке и строительстве Петербурга. Умер в 1734 г. Похоронен на иноверческом кладбище у Сампсониевского собора на Выборгской стороне. Кладбище не сохранилось. На этом месте в 1995 г. поставлен памятник первым строителям Петербурга скульптора В. М. Шемякина.

Адмиралтейство возводилось руками тысяч работных людей, прибывших с семьями “переведенцев”, согнанных из разных областей России мастеровых людей по найму, солдат, матросов, кузнецов, плотников, столяров, каменщиков, прядильщиков и многих других профессий. В плане оно представляло собой двухъярусное удлиненное П-образное здание, состоящее из “светлиц”, в которых разместились разного рода “Мастерские палаты”. В “светлицах” нижнего яруса был размещен Адмиралтейский приказ — предшественник Адмиралтейской коллегии и Морского министерства. Уже 29 апреля 1706 г. на воду был спущен первый восемнадцатипушечный корабль. Здание обращено открытой стороной к Неве, южная удлиненная его сторона длиной в 200 сажен с боковыми сторонами в 100 сажен ограничивали площадь верфи с десятью эллингами и стапелями, в которых закладывались и строились корабли.

По всем правилам фортификации верфь была окружена высоким земляным валом и рвом, обнесенным фашинами (плетеными корзинами с землей), на вбитых семиметровых сваях возводили бастионы. Их было пять, три с южной стороны и два у берегов, по бокам коротких куртин (стен между бастионами).

Посреди длинной (южной) куртины находились ворота, украшенные высоким обитым жестью шпилем, и подъемный мост через ров.

Первый гарнизон крепости состоял из офицеров и матросов с приведенных на зимовку судов. Пушки с кораблей установили на укреплениях крепости. Вокруг крепости в радиусе 350 м площадь была полностью очищена от строений и растительности для эспланады — предкрепостного открытого пространства, дающего возможность увидеть приближающегося противника.

После Полтавской победы в 1709 г. строительство судов активизировалось. На стапелях начали строить линейные пятидесятичетырехпушечные корабли. В год спуска первого такого корабля — “Полтава” (1712 г.) уже шла подготовка к серийному выпуску шести таких же кораблей.

Для выполнения этой задачи прекратили строительство мелких судов на Адмиралтейской верфи и в том же 1712 г., на западной оконечности острова заложили Галерный двор (еще одну верфь). Она заняла территорию

вдоль берега Невы, направленного к юго-западу, полосой в 150-200 м до места впадения Мойки в Неву. Если вдоль Восточной набережной от Адмиралтейства строились дворцы и дома знати (Летний сад, Зимний дворец, дома Ф. Апраксина, К. Крюйса и др.), то вдоль берега Невы, на запад, набережная была застроена домами офицеров и других чинов Адмиралтейства. Эта часть набережной — от Адмиралтейского Луга (так потом называли эспланаду) до границы Галерной верфи — называлась Нижней.

Галерная верфь, получившая это название в 1721 г., была предназначена для строительства малого гребного и парусного флота: галер, полугалер, скампавей (быстроходное гребное судно). С первых дней строили преимущественно скампавеи (и верфь называли “скампавейской”). В 1713 г. увеличили выпуск галер, и верфь называли Галерным двором, последнее название — Галерная верфь — сохранилось до перебазирования ее на Васильевский остров в 1740 г.

От Галерной верфи до Адмиралтейского Луга параллельно берегу создан был проезд, образовавший улицу — Галерную. О разных наименованиях этой улицы будет рассказано далее.

Вдоль берега Невы, протянувшегося на 1250 м, с небольшим отступлением от берега строили деревянные дома. В пределах жилой городской застройки это была самая нижняя набережная по течению Невы. Участки выделялись по сословию и чину, разных размеров. Регламент застройки набережной был очень строгим: строить предписывалось только в линию (“единою фосою”), около дома выложить досками тротуары, деревянными щитами укрепить берег (между двух свай с внутренней стороны берега укреплялся щит). За состоянием щитов строго следили. Особо стоял вопрос о вывозе мусора (за выбрасывание его в реки и каналы взымался большой штраф).

От Адмиралтейства на восток, вверх по течению, вся левобережная набережная называлась Дворцовой. На острове это был отрезок до истока Фонтанки. Территория западной части Адмиралтейского острова была застроена подсобными предприятиями верфи. Строить их было указано Петром, он же определил места застройки.

Одним из крупных предприятий был Канатный двор, начавший выпускать канаты с весны 1721 г.

Канатное производство ранее находилось в Москве — до января 1716 г. Согласно указу Петра, “царское величество канатов на Москве делать не указал и повелел всех канатных мастеров и прядильщиков прислать в Санкт-Петербурх”. Постройка Канатного двора началась в 1720 г. Размах

строительства был большой, так как количество судов резко возросло и была большая необходимость в морских плетенных и просмоленных канатах.

Комплекс домов Канатного двора простирался от западной стороны Адмиралтейского Луга до нынешней площади Труда.

В начале двора стояли параллельно три дома — прядельные цеха, в них пряли одножилные канаты. Длина домов была около 250 м. Из каждого дома нити пряжи тянулись к такому же по длине дому, стоящему чуть дальше по центральной оси. В нем нити скручивались и пропитывались смолой. После сушки готовые канаты наматывались в бухты и складировались. В местах протяжки канатов через двор устроены были навесы.

Канатный двор по ширине был ограничен Галерной улицей и Конногвардейским бульваром. За Канатным двором, на нынешней площади Труда, в 1706 г. был построен “Острог каторжным работникам”. Их использовали гребцами на галерах и на Галерной верфи. На каторжный двор отправлялись провинившиеся рабочие и проштрафившиеся должностные лица. В 1737 г. каторжный двор был переведен на остров Матисовой деревни (между реками Пряжкой и Мойкой).

За площадью Труда в сторону Галерной верфи находились кузни с 30 горнами. На Адмиралтейской и Галерной верфях, а также в подсобных производствах трудились десятки тысяч работных людей, мастеровых, солдат, матросов, офицеров. Подавляющее большинство из них прибыло в Санкт-Петербург на “вечное житье”. Кроме барачных для работных людей, строились деревянные дома, мазанковые на деревянных каркасах, затем и каменные. Возникали слободы — самыми большими были Морская слобода (на месте нынешних улиц Малой Морской и Большой Морской) и Шневецкая, возникшая в 1705 г. в западной части Галерной улицы южнее ее нечетной стороны. Расквартированные в ней “морские солдаты” имели своего командира Шневенца, именем которого и названа была слобода. В 1708 г. возник одноименный рынок.

Указами Петра I были определены строгие правила проживания, содержания улиц в порядке и чистоте, а также типового строительства домов. Был издан указ о порядке на рынке, за которым строго следила полиция.

Опустошительные пожары в Санкт-Петербурге коснулись и Адмиралтейского острова. После них был издан указ о строительстве каменных домов. В районах Канатного, Смоляного, Пенькового дворов деревянное строительство запрещалось “пожарного страха ради”. Осуществить это было не просто, так как строительный материал был в крайнем дефиците, не хватало и мастеров-каменщиков.

Указом от 9 октября 1714 г. Петр I приказал прекратить каменное строительство по всей стране и каменных дел мастеров отправить в Санкт-Петербург на строительные работы.

Застройкой города руководила Канцелярия от строений. Восточная часть Адмиралтейского острова стала застраиваться по плану.

Строительство каменных домов началось в 1716 г. Особое внимание было уделено внешнему виду домов, обращенных фасадом на Неву. Размер участка зависел от положения застройщика (например, офицерам выделялся участок 20 сажен в длину, капитанам — 12, поручикам — 10 и т. д.).

Все дома на набережной строились в линию и без въездных ворот. Глубина участка ограничивалась Галерной улицей и все въезды в дома на набережной были со стороны Галерной улицы.

Победа России в Северной войне позволила Петру осуществить свою мечту — создать город построенный по-новому. Тем более столицу. Уже после Полтавской победы его планы начали воплощаться в реальные дома и улицы.

Большие изменения в планировку и застройку Адмиралтейского острова внесли каналы прорытые не только для осушения местности, но и (особенно в западной части острова) для предотвращения распространения огня и для транспортировки леса и других материалов со складов на верфь по водным магистралям.

В 1717 г. начали рыть канал вдоль острова от нынешней площади Труда, где западнее была большая территория, занятая под склады лесных материалов, до Адмиралтейства, по трассе нынешнего Конногвардейского бульвара (мимо прядилен и других домов Канатного двора). Канал закончили в 1720 г., назвав его Прядильным, а позже Адмиралтейским.

Параллельно ему прорыли другой канал (по оси улицы Ново-Исаакиевской, ныне Якубовича), Ново-Голландский, подходящий к самым складам (Новой Голландии). Засыпан он был в конце XVIII в.

Для связи с Невой за два года (1717 – 1719) прорыли канал, соединивший ее с Мойкой вдоль границы складов Новой Голландии (сделав их островными). Этот канал назван Крюковым в честь Семена Крюкова, знатного подрядчика. Его знал Петр I и был им очень доволен. Название официальное.

В 1782-1787 гг. Крюков канал продолжили до Фонтанки, сохранив название. Этот канал пересек остров перпендикулярно Адмиралтейскому каналу. Архитектор С. Чевакинский, строивший колокольню Никольского собора, и не предполагал, что она будет так украшать этот уголок

Петербурга, отражаясь в канале, прорытом через 30 лет после окончания строительства Никольского собора.

В том же 1717 г. в конце Галерной улицы, вдоль восточной стороны Галерной верфи, которая стала островной от Невы до Мойки параллельно Крюкову прорыли канал, названный Ново-Адмиралтейским. Берега каналов укреплялись деревянными щитами, подпираемые сваями (по три сваи на два метра).

Созданная сеть каналов обострила проблему переправы. Она была решена строительством мостов: по оси Галерной улицы над Крюковым каналом — Галерного моста, по оси Адмиралтейского канала — Мастерского. Эти мосты были деревянными, архитектурно оформленными. В месте истока Крюкова канала вдоль Нижней набережной через канал построили мост, названный Нижним. Мосты были разводными, крылья моста поднимались вверх коромыслами, управляемыми цепями.

Пересекающиеся протоки, каналы и реки образовали много островов. Один из них, треугольный остров, образованный прямым углом на пересечении реки Мойки с Крюковым каналом и углубленным и выпрямленным Глухим протоком (ныне это канал Круштейна), еще при Петре I стал называться Новой Голландией. На нем был небольшой деревянный дворец Петра, сад и пруд.

В 1733 г. на Новой Голландии начали строить сараи для хранения корабельного леса. Хозяином острова стала Адмиралтейств-коллегия. Строил сараи архитектор Коробов, он же наблюдал за работой по соединению Глухого протока с продолжением Адмиралтейского канала. В 1735 г. появилась необходимость снести Шневецкую слободу для освобождения территории.

В конце XVIII в. территория бывшего Галерного двора не пустовала, там строили казенные яхты, канонерские лодки. Построен был большой каменный провиантский склад для нужд Адмиралтейства.

В 1800 г. теснота и неудобство Адмиралтейской верфи, находившейся в центре парадной застройки города, вынудили прекратить судостроительные работы и перенести их в Новое Адмиралтейство (так называли бывшую Галерную верфь).

В Новом Адмиралтействе построили эллинги для больших линейных кораблей. Канатный двор после большого пожара в 1783 г. был переведен в Кронштадт. Вся площадь, ранее занимаемая Канатным двором, в 1792 г. была разделена на участки и продана желающим строиться.

В 1805-1807 гг. огромный участок за южным берегом Адмиралтей-

ского канала был передан Военному министерству и стал местом дислокации Конногвардейского полка. На всей территории построили казармы, сохранившиеся до сегодняшнего дня. Вдоль улицы Якубовича (бывшей Ново-Исаакиевской) построены полковые конюшни. В 1807 г. архитектором Д. Кваренги был построен Манеж полка.

До 1918 г. полк Конной гвардии с казармами, манежем, конюшнями, Казенным домом полка и другими полковыми зданиями занимал территорию; ограниченную Красногвардейским бульваром, улицей Якубовича, Конногвардейским переулком и параллельной ему Благовещенской улицей (ул. Труда).

Множеством славных страниц в историю России вошли не только полковые, но и поименные подвиги солдат и офицеров. В истории полка есть и имя декабриста А. И. Одоевского.

К концу царствования Петра I Адмиралтейство было уже не только верфью-крепостью, не только школой, обучавшей грамоте будущих строителей кораблей и готовившей высшее морское начальство, но стало играть роль архитектурного центра молодого города. После множества вариантов планировки города и определения его центра окончательным было решение: создать центр Петербурга на Московской стороне.

На Адмиралтейском Лугу (эспланаде) впоследствии расположились прекрасные городские площади. Но еще в первой четверти XVIII в. от Адмиралтейства были проложены дороги, ставшие главными магистралями — городскими магистралями при планировке города. Это было начало ставшего знаменитым проекта трех лучей. Один из лучей, протянувшийся на юго-восток, стал Невским проспектом, он соединил Адмиралтейство с главным религиозным центром столицы — Александро-Невским монастырем, второй — Адмиралтейским проспектом (улицей Гороховой) и третий — Вознесенским проспектом.

Санкт-Петербург стал городом замечательных архитектурных ансамблей, лучшие из которых расположены на берегах Невы. Зодчие Петербурга, развивая лучшие древнерусские градостроительные традиции, прекрасно использовали местные природные условия, особенно по левому берегу красавицы Невы, набережные которой стали значительными и интересными в архитектурном отношении благодаря единству конструкций и архитектурной формы, созданной выдающимися зодчими.

Первые укрепленные набережные, кроме незначительной по протяженности Петровской набережной (в период строительства Петропавловской крепости и организации центра города на Троицкой площади), находились по левобережью Невы.

Город развивался быстро, разными способами в него переселили множество работных людей, мастеров различных профессий. Указом Петра I было переселено на “вечное житие” 1200 дворянских семей. Наиболее знатным предоставлялись участки вдоль левого берега.

В 1715 г. специальным указом владельцам домов предлагалось приготовить к сентябрю “каждый против своего дома паженные сваи для обивки берегов, мерою трехсаженные, числом сколько против каждого двора оных бы столбов могло пойти”, каждый хозяин дома обязан был бить сваи, закладывать за ними связки фашины и утрамбовать землю на берегу против своего участка.

Гравюры А. Зубова и рисунки Х. Марселиуса дают представление о внешнем виде деревянных набережных.

Наклонно забитые в грунт сваи закладывались щитами из досок и горбылей, а часто просто фашиником (связанным в пучки хворостом). Набережные имели примитивные по конструкции пристани и спуски к воде.

После повреждения набережных от частых наводнений издавались указы об их восстановлении. С 30-х гг. XVIII в. начались работы по укреплению Невских набережных. По инициативе архитектора П. М. Еропкина вводится положение о “нормах возвышения набережных”.

Созданная в 1737 г. Комиссия о Санкт-Петербургском строении обратила особое внимание на строительство набережных, разработав строительный устав. К середине XVIII в. деревянные набережные сооружаются более тщательно, ограждаются барьерами.

Красивая пристань была сооружена В. В. Растрелли против Летнего сада. Берег от Летнего сада до Галерного двора последовательно, год за годом, укреплялся.

Драгоценная оправа Невы — гранитный пояс ее берегов — создавался постепенно. Первым и значительным его звеном явилась набережная, построенная в 1763-1788 гг. “от Галерного двора до Литейного дома”.

Эта величественная панорама застройки левого берега Невы формировалась с основания города до первой половины XIX в.

По указу 1732 г. “О построении домов и об украшении берегов реки Невы теми лицами, коим розданы места в Санкт-Петербурге ниже Адмиралтейства”, на берегах Невы началось строительство особняков знати.

Затем в 1738 г. издается распоряжение о сломе деревянных зданий по Галерной набережной (до 1721 г. она называлась Нижней). Набережная от Галерного двора до Адмиралтейства, ранее застроенная мазанковыми домами, вскоре становится одной из наряднейших магистралей города.

Восточнее Адмиралтейства, до Литейного двора, берег был застроен дворцами и занят дворцовыми служебными постройками. Набережная, застроенная дворцами и особняками, требовала прочного и хорошо оформленного берега.

Решительный сдвиг в строении каменной стенки набережной левого берега Невы наметился в результате создания в 1762 г. Комиссии о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы.

Первым архитектором проекта набережных был опытный строитель С. А. Волков. По его исчислению общая длина всех набережных от Галерного двора до Литейного дома составляет 3,5 км (1600 саженей). Примерно такой длины и были построены набережные.

Эта береговая линия (без участка Зимнего дворца) разбивается на четыре строительных дистанции: первая — от старого Зимнего дворца до Красного канала у Мраморного дворца, вторая — “от одного канала до Фонтанки; третья — от Фонтанки до Литейного дома (нынешнего Литейного проспекта); четвертая — “от Адмиралтейского гласиса (скоса валов) до Галерного двора” охватывала нынешние площадь Декабристов и Английскую набережную (б. Нижнюю, Галерную).

Производителем работ назначается (при конторе “строения Александро-Невского монастыря” садовый инспектор) И. Росси. Представленные им конструктивные чертежи делались по образцу уже построенного участка у Зимнего дворца.

Значительные перемены в проекте произошли при определении спусков к воде. Их определили выступающими в реку полукруглыми площадками со скамьями и огибающими их лестницами. Так же были определены целиком каменными мосты через реки, пересекающие набережную, и сплошные, тесанного морского камня, парапеты.

Грандиозное строительство развернулось. Забивка свай первого участка началась в феврале 1763 г. Помимо набережных в 4 км пришлось строить мосты через Фонтанку и каналы: Лебяжий, Красный, Зимне-дворцовый и Крюков (первый опыт постройки каменных мостов).

Специально составленная инструкция предписывала отступать от прежних деревянных набережных до 4 м и больше. Основание каменной стенки должно покоиться на семи рядах свай через 70 см одна от другой, за ними следовал в сторону берега второй сплошной ряд, а затем еще пять рядов. На первый ряд укладывался брус “ниже ординарной летней воды”, следующие три ряда, на которых и возводилась стена набережной, скреплялись ростверками (железными болтами), еще три ряда служили

контрфорсами (подпирающими стену от берега). Пустоты между сваями заполнялись диким камнем и щебнем, на них укладывались “матрацы” “из дикого борового мха”, на которые ставились камни первого ряда кладки. В кладке первого и второго рядов оставлялись отверстия (для спуска воды или другой какой-либо надобности). Выше возводилась стена из плит с облицовкой гранитными блоками. Стена делалась с наклоном в 14.5°, завершалась карнизом, отделяющим ее от парапета.

На парапете полукруглого спуска за Зимней канавкой (со стороны Невы) высечена дата “1764”, а дальше идут спуски с пометками “1766”, “1767” (некоторые при реконструкциях были заменены блоками без дат).

В 1768 г. вызываются подрядчики для производства свайной бойки на участке “от гласиса Адмиралтейства до Галерного двора”. В марте 1770 г. “Контора строения берега” была ликвидирована и руководство постройкой набережной поручено “Конторе строения домов и садов”. С этого времени за сооружением набережной наблюдал архитектор Ю. М. Фельтен. В документах по строительным работам на набережных его имя появляется спустя шесть лет после начала работ.

Фельтен служил с 1755 г. в “Конторе строения зимнего дома”. Работая с Растрелли, он помогал ему и быстро завоевал авторитет. Когда Растрелли вышел в отставку, Фельтен заменил его.

Георг Фридрих Фельтен (в русском варианте Юрий Матвеевич Фельтен) родился в Петербурге в 1730 г., в семье Матиаса Фельтена — эконома Академии наук. (Матиас приходился троюродным братом Иоганну Фельтену — оберкухмейстеру Петра I.) Учился он в гимназии при Академии наук, а затем за границей строительному делу. В 1750 г. двадцатилетний Фельтен поступил в Академию наук “архитектурии гезелем”. Обучался перспективе у живописца Валериане.

В 1762 г. разворачивались работы по сооружению новых набережных левого берега Невы — “от Галерного двора до Литейного дома”.

О Юрии Матвеевиче Фельтене в 1769 г. писал И. И. Бецкой: “При всех строениях один архитектор Фелтинг, прежний каменный мастер” (в это время он только переходит из разряда мастеров и помощников в должность архитектора). Принимать участие в работах по возведению набережных он начинает лишь с 1769 г., когда ему поручается надзор за сооружением памятника Петру I. И в связи с чем он разрабатывает проект оформления места для памятника, включая и набережную. Отрезок набережной у теперешней площади Декабристов (по сохранившимся чертежам), строился с двумя лестницами и центральным съездом к реке. По оси съезда силуэтом

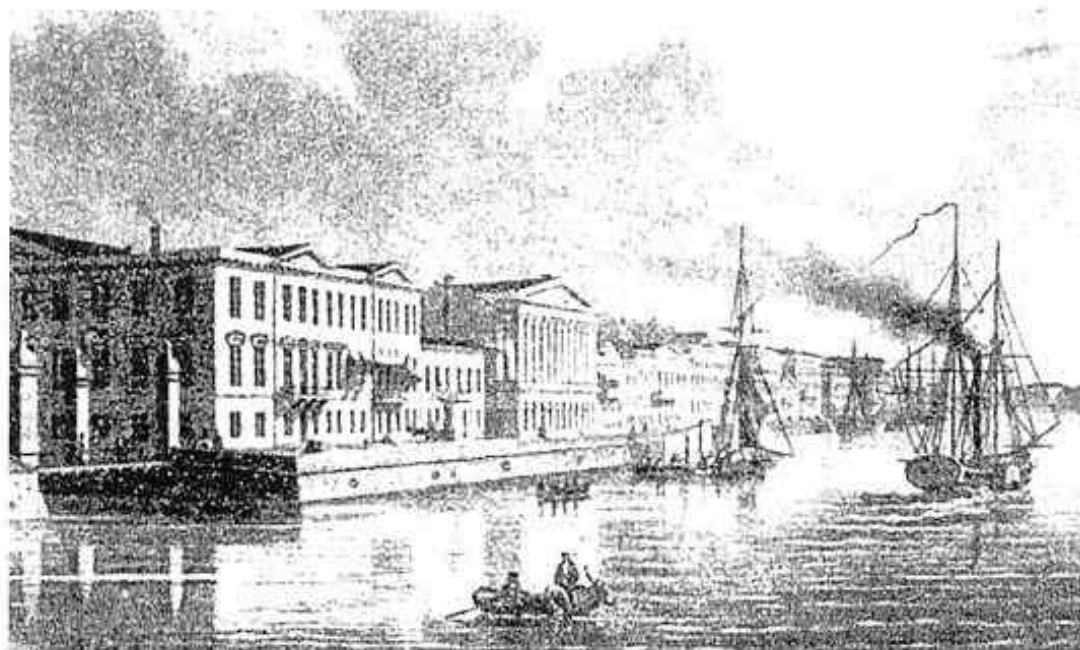
помечен памятник Петру I, еще не имеющий форму постамент (еще не доставлен на место).

В январе 1770 г. именно “за архитектурный прожект месту для статуи конной Петра Великого г. архитектор Фельтен удостоен назначенным”.

Будучи автором проекта всей набережной, Ю. М. Фельтену, руководившему строительством участка четвертой дистанции, ничего не оставалось, как повторить основные стилистические элементы и формы уже существующей стенки набережной от “Литейного дома до Зимнего дворца” и только пышнее декорировать ее, учитывая особое значение этого участка. Он применил обелиски, щиты, декоративные вазы. Но... строительство набережной задержалось. В первую очередь надо было строить пристань для выгрузки огромного “гром-камня”. Только 22 сентября 1771 г. баржа с ним причалила к месту выгрузки.

Строительство четвертого, наиболее длинного, участка набережной — от Адмиралтейства к “Галерному двору” — шло медленней, чем первых трех. В 1770 г. начали бить сваи, а только к 1776 г. устроено основание и положены первые ряды камней. Из-за войны с Турцией отпуск средств ограничили. Главный директор Комиссии о каменном строении городов Петербурга и Москвы И. И. Бецкой настаивал на продолжении строительства, объяснял, что придется распускать рабочих, что уже построенное может погибнуть из-за наводнений и т. д. и т. п. Так оно и случилось: катастрофическое наводнение 1777 г. основательно повредило недостроенную набережную.

Все работы были закончены только к 1788 г. Тогда же архитектором Ю. Фельтеном построены старый Эрмитаж, решетка Летнего сада и мост на Крюковом канале.

Мост через Крюков канал по оси Английской набережной.

Литография первой половины XIX в.

С творчеством Ю. М. Фельтена мы еще встретимся при рассмотрении истории площади Декабристов.

Архитектурной особенностью последнего, четвертого участка набережной являлся подъемный мост через устье Крюкова канала, построенный в 1788 г. по проекту архитектора И. Е. Старова. На берегах канала были установлены четыре каменных столба шириной по 1,2 и высотой 5,3 м, завершавшиеся каменными карнизами с шарами. Столбы были полые, и в них помещался механизм для подъема моста, который приводился в действие специальным ключом. Подъемную часть моста (деревянную) ограждала железная решетка изящного рисунка. В начале XIX в. механизм был снят, остались только цепи. В 1843 г. его разобрали в связи со строительством первого постоянного моста через Неву. При его сооружении отдельные участки набережной были разобраны для постройки береговых устоев. Эти перестройки не нарушили великолепный вид набережной, выдающегося пластического произведения. Тяжелый и плотный материал — гранит — приобрел изящные формы полукруглых спусков, в то же время сохраняется ощущение тяжести, надежной устойчивости и от волн Невы, и от массы берега. Протяженность набережной 1326 м, набережная охраняется государством.

На протяжении двух веков набережная именовалась по-разному: Нижней, Галерной, Английской, а в 1919 г. была названа в честь революционных моряков набережной Красного флота. В 1994 г. было восстановлено старое название набережной — Английская.

Здания здесь построены по всем требованиям градостроительных учреждений: в одну линию, с декорированными фасадами, без въездов со стороны набережной — они для каждого участка имеются со стороны Галерной улицы. 7 ноября 1918 г. переименована в Красную, название Галерная восстановлено в 1994 г.

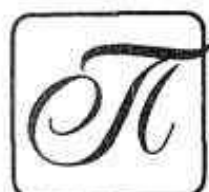
Название набережной “Английская” произошло от льгот, которые имели владельцы домов на этой набережной, сдавая свои дома в аренду английским купцам, владельцам судов и т. п. дешевле, тем самым привлекая их к торговле с Россией.

На набережной проживало много англичан, даже была построена Английская церковь. Льготами, которыми пользовались владельцы, сдавая англичанам свои дома, было освобождение хозяев от постоя солдат, бывшего в то время весьма обременительной натуральной повинностью.

Постепенно Галерная набережная стала любимым местом пребывания английских купцов.

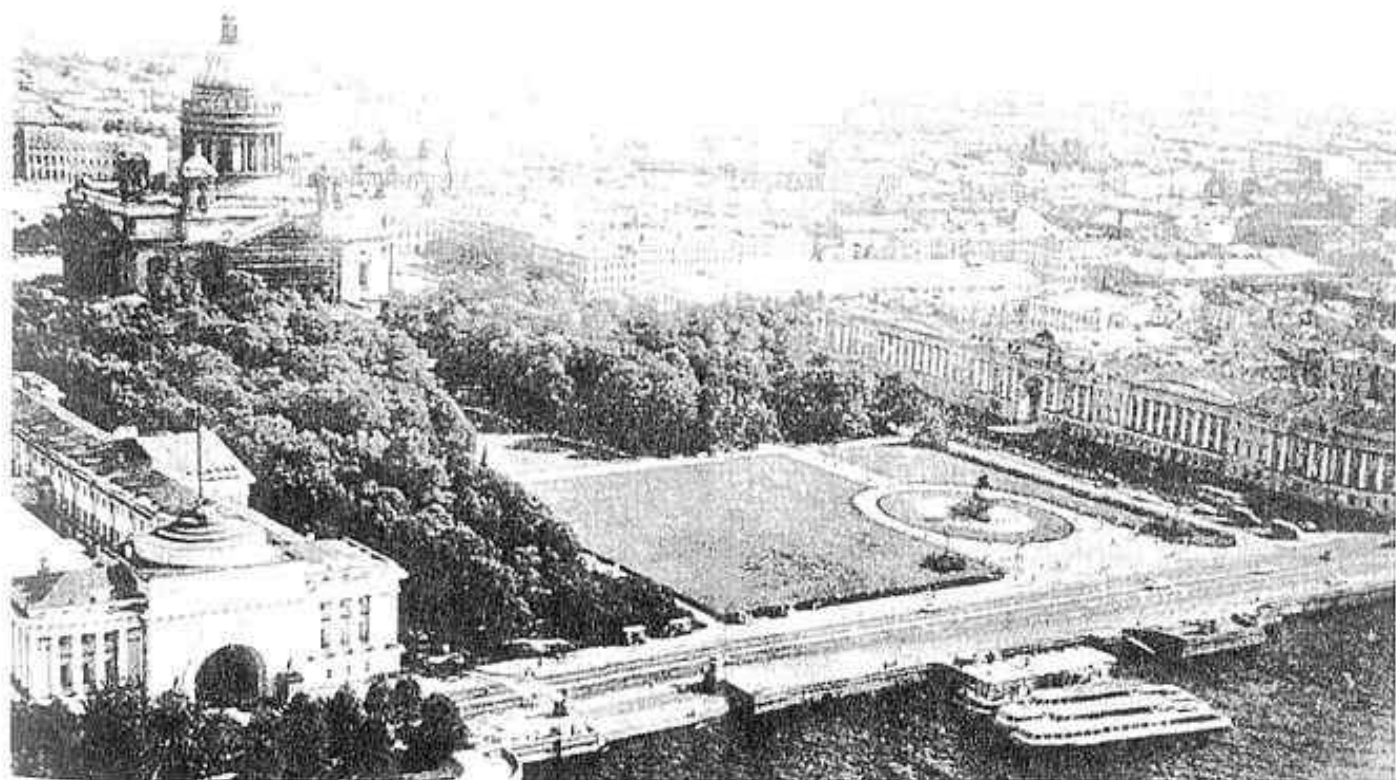
Сенатская площадь

Первым, начальным участком Английской набережной, является площадь Декабристов, раскрывающаяся к Неве своим прекрасным архитектурным ансамблем. Ансамбль площади сформировался и приобрел свой современный облик в результате преемственной творческой деятельности нескольких поколений русских зодчих.

В 1704 г. Петр I заложил судостроительную верфь — Адмиралтейский двор. К концу следующего года она была защищена со стороны суши укреплениями Адмиралтейской крепости. Обширная эспланада крепости, в пределах которой воспрещалось строительство зданий, впоследствии явилась основой для создания трех главных городских площадей.

Площадь Декабристов. Современный вид

Адмиралтейство оказало доминирующее влияние на всю историю западной части Адмиралтейского острова и, соответственно, на застройку набережной, начинающейся от гласиса бывшей крепости — от лестничного спуска к Неве, украшенного вазами, с открытой к Неве площади Декабристов, застроенной на территории западной части эспланады. Задачей градостроителей было придать площади “такое великолепие, которое соответствовало бы столице столь просторного государства”.

Широкие просторы Невы неразрывно связаны с перспективой грандиозной площади с монументом Петра I и мощными массивами расположенных на ней зданий.

История площади начинается со здания Адмиралтейства, западное крыло которого составляет восточную ее границу.

Полтавская победа в 1709 г. и взятие Выборга в 1710 г. обеспечили спокойствие юного города и позволили Петру I перенести столицу государства из Москвы в Петербург. С заключением Нейштадтского мира в 1721 г. верфь-крепость потеряла всякое оборонное значение.

Адмиралтейская верфь сыграла важную роль в усилении Балтийского флота, в его победах, принесших славу России. С течением времени появилась необходимость в расширении возможностей верфи. Весной 1719 г. Петр I принял решение расширить “мастерские палаты”, причем строительство вести из камня. Созданная Адмиралтейств-коллегия во главе с президентом, генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным, привлекла к участию в новом строительстве голландских мастеров.

Первое петровское Адмиралтейство было фахверковым (мазанковым). В 1711 г. в центре здания были встроены каменный корпус Адмиралтейств-коллегии и над ним фахверковая башня с часами и шпилем. В 1721 г. началась замена фахверковых адмиралтейских строений каменными.

К 1722 г. Россия имела флот, который ставил ее в ряды самых могучих морских держав того времени. Почти все корабли строились на эллингах петербургского Адмиралтейского двора. В петровское время с его стапелей сошли на воду 262 судна, в том числе 23 линейных корабля.

К концу первой трети XVIII в. городской центр окончательно переместился с Петербургской стороны на Адмиралтейский остров. Здания Адмиралтейства оказались в центре застройки левого берега Невы. Поэтому надо было уделить больше внимания их внешнему виду.

“Генеральное смотрение” над Адмиралтейством осуществлял архитектор Доменико Трезини, но занятый постройкой Петропавловской крепости, он мало уделял ему внимания. Подготовку проекта перестройки

Адмиралтейства и руководство ею поручили И. К. Коробову. В 1731 г. Адмиралтейств-коллегия приняла решение “на Адмиралтейском шпицу, где имеется набатный колокол для лучшего звука, окна сделать по рассуждению архитектора Коробова...” В 1732 г. последовал указ императрицы Анны Иоанновны:

“...Адмиралтейскую башню, на которой шпиг (понеже она со второго апартамента мазанковая и весьма пошатилась), за ветхостью ныне немедленно разобрать и для прочности сделать вновь всю каменную и шпиг поставить...”

Коробов продолжил начатую до него перестройку внешней линии адмиралтейских зданий (“магазинов”). Внутренние строения не изменились. П-образный внутренний двор сугубо производственного назначения был отделен 16-метровым каналом от наружного, такого же плана, здания. Канал между корпусами был соединен с Невой как у восточной стороны, так и у западной. Фасады наружного здания были элементарны и не подвергались архитектурной обработке. Зато проект башни, которая вошла в историю русской архитектуры как монументальный памятник Петербурга, полностью принадлежит Коробову.

Общий план сооружения, составленный Петром I, остался. Новая башня имела квадратное в плане двухэтажное основание с широкими проездными воротами. Выше был третий ярус, над ним была открытая терраса, окруженная колоннами.

Вместо мазанковых амбаров были построены каменные корпуса, и в каменном основании башни по ее центру создан арочный проем-проезд с двумя окнами по бокам и углам. Башня завершалась восьмигранным куполом с круглыми часами на четырех сторонах. Восемь суживающих граней шпиля венчались яблоком, короной и плывущим в небе трехмачтовым корабликом-флюгером. Шпиль поставили в 1735 г. и по повелению императрицы обили “медными в огне позолоченными листами”. На позолоту ушел 5081 червонец общим весом в 43,5 фунта.

Общая высота башни со шпилем достигала 60 м, диаметр яблока чуть более метра, высота короны и кораблика 2 м. В башне под шпилем разместились помещения адмиралтейского присутствия. Позже, при Елизавете Петровне, за эту работу выдающейся архитектор был произведен в полковники.

Иван Кузьмич Коробов родился в 1700 г., стал одним из “пенсионеров”, направленных Петром I в 1718 г. за границу, в Голландию, учиться и совершенствоваться в области архитектуры по морскому ведомству

(строительство шлюзов, сооружение фундаментов на сваях и т. п.).

Вернулся Коробов в Петербург в 1727 г. и был назначен на службу в Адмиралтейств-коллегию. Им построена партикулярная верфь и при ней церковь святого Пантелеймона. Долгие годы он оставался главным архитектором Адмиралтейств-коллегии. Совместно с Земцовым и Еропкиным в 30-х гг. XVIII в. вел все основное строительство и планировку в Петербурге. Пережил тяжелое время бироновщины, когда жертвой Тайной канцелярии стал архитектор Еропкин. Совместно с Земцовым Коробов закончил составленный Еропкиным трактат-кодекс "Должность архитектурной экспедиции", в котором выражены взгляды на архитектуру как на профессию, сочетающую в себе начала науки и искусства. И. Коробов воспитал много учеников, среди которых Д. В. Ухтомский, А. Ф. Кокоринов, С. И. Чевакинский. Прошло немного времени, и в 1741 г. Коробов переведен в Москву. Умер в 1747 г.

В окружении Адмиралтейства, особенно на востоке от него, появились красивые сооружения, такие, как Зимний дворец (Б. Растрелли), дома знати. Невская перспективная дорога превратилась в нарядную городскую магистраль, красивые сооружения украсили и противоположный берег. Казенные корпуса, окруженные валами и рвами, контрастировали с пышными строениями. Только сохранялась традиция оповещения о подъеме воды в Неве (на башне, днем флагами, ночью фонарями), введенная после сильного наводнения 1777 г. Она просуществовала более ста лет. Оповещение о полудне выстрелом из пушки тоже происходило до 1873 г., потом перенесено в Петропавловскую крепость на Нарышкинский бастион.

Колоссальный пожар 1783 г. заставил Екатерину II распорядиться о переводе всего комплекса верфи (кроме Галерной верфи) в Кронштадт, здания Адмиралтейства передать Синоду и Сенату. Адмиралтейств-коллегия всячески находила поводы для отсрочки выполнения распоряжения. Смерть императрицы в 1796 г. сняла этот вопрос. При императоре Павле I Адмиралтейство было отремонтировано, несмотря на утрату им значения крепости, укреплено с фортификационной стороны: валы были увеличены по высоте, на угловых бастионах поставили срубы с флагштоками, палисадами оградили эспланаду. С южной стороны вся площадь превращена в военный плац.

Александр I, вступив на престол, требует изменить облик Адмиралтейства (сохранив башню со шпилем). Начало работ по реконструкции здания было ускорено по случаю учреждения в 1802 г. Министерства

морских сил (в его состав вошла прежняя Адмиралтейств-коллегия), которое решено было разместить в новом здании. Адмиралтейство в Петербурге стало центром неизмеримо выросшего русского флота.

Главному архитектору Чарлзу Камерону (уже довольно пожилому) была не под силу перестройка такого крупного и ответственного здания. Это привело к его отставке. По рекомендации военно-морского министра П. В. Чигалова в должности Главных Адмиралтейств Архитектора 25 мая 1805 г. утвердили Андреяна Дмитриевича Захарова.

Захаров — коренной петербуржец. Родился он в семье прапорщика, служившего в Адмиралтействе. Шести лет отдан в Академию художеств, бывшую в то время закрытым учебным заведением с продолжительностью обучения 14-15 лет. Захаров избрал архитектуру, занимался у профессора А. А. Иванова. В 1782 г. он выполнил дипломный проект, за который получил Большую золотую медаль. Как академический пенсионер Захаров направлен совершенствоваться во Францию (в Париж), где учится четыре года у крупного архитектора Шальгрена — автора самой большой триумфальной арки Парижа, стоящей на площади Звезды. Отзыв Шальгрена о Захарове был исключительно похвальным. В 1794 г. получает звание академика, а через три года — профессора. Преподает в Академии. С 1799 года главный архитектор Гатчины, составляет проекты зданий для провинциальных городов. Развернул свое дарование, будучи “главным адмиралтейств-архитектором”. Участвовал во многих проектах, оставив прекрасные работы на века (стрелка Васильевского острова и др.). Перестраивая Адмиралтейство, Захаров для сбережения средств использовал старые стены коробовского проекта. Украсил здание скульптурой, создав уникальное произведение в классическом стиле. Организационные трудности подорвали здоровье Захарова. Через 6 лет после начала строительства, в 1811 г., он скончался, так и не увидев свое творение.

Строительные работы начались 25 мая 1806 г., как только проект был утвержден царем. Проект предусматривал реконструкцию верфи (производственное предприятие осталось). Полностью, для новых нужд были перепланированы помещения. Возможности реконструкции ограничивались планом старого здания. Внутри адмиралтейской башни сохранилась старая деревянная коробовская конструкция. Строительство восточного корпуса началось первым, но год спустя, когда уже он был подведен под крышу, Александр I повелел укоротить готовый корпус, который заслонял вид из дворца на невские просторы. Захарову пришлось сделать полную перекомпоновку восточного корпуса (часть была сломана).

В 1811 г. в основном завершились работы по отделке восточной части. Захаров буквально сгорел на работе — он умер 27 августа 1811 г.

Работа по строительству Адмиралтейства была продолжена помощниками Захарова — архитекторами А. Г. Бежановым, Д. М. Калашниковым и И. Г. Гомзиным, которые руководили строительством, последовательно сменяя друг друга с 1811 по 1813 год, с 1813 по 1816 год и с 1816 года. Во время Отечественной войны 1812-1814 гг. строительство было частично прекращено, материалы портились, фундаменты и стены разрушались. В общей сложности строительные работы заняли тринадцать лет, еще четыре года ушло на отделку здания. Лишь в 1823 г. все было завершено. Здание стало украшением столицы и справедливо может быть названо исполинским свидетелем новейших успехов русского зодчества, как писал в 1825 г. П. П. Свиньин — издатель “Отечественных записок”.

П-образное здание Адмиралтейства имеет протяженность главного фасада 415 м, а боковых — 172 м. Композиционными средствами Захаров исключил монотонность довольно низких корпусов здания.

Проектируя фасады Адмиралтейства, зодчий использовал, по существу, лишь три “элементарные” формы. Это прорезанный аркой кубический объем, колонный портик и стена с рядами окон. Комбинируя эти формы и внося в построение каждой из них те или иные нюансы, облику здания он придал необходимое разнообразие. Четко выделена башня со шпилем, к которой Захаров очень бережно отнесся как к произведению своего предшественника. Он заключил ее в футляр новых стен, создав эффектную трехъярусную композицию. Первый ярус башни Адмиралтейства трактован как тяжелое и устойчивое основание, в массиве которого прорезана арка — центральный въезд на территорию верфи. Второй ярус кажется значительно более легким благодаря ионической колоннаде, несущей на своей верхней части скульптуру. Над колоннадой возвышаются стены и купол третьего яруса, увенчанного 72-метровым золоченым шпилем с изображением парусного корабля. Фасады корпусов, примыкающих к башне, решены наиболее просто. Большие прямоугольные окна второго этажа, заключенные в рустованные наличники, создают четкий, мерный ритм, укрупняющий масштаб невысокого здания. В боковых частях главного фасада размещены многоколонные портики. Сгруппированные по три, они образуют характерные для классицизма трехчастные композиции. Центр каждой из них выделен сильно выдвинутым вперед мощным портиком из двенадцати колонн с высоким треугольным фронтоном. Боковые портики шестиколонные, с завершающим перекрытие

аттиком. Аналогично построены и боковые фасады с более длинными, чем на главном фасаде, стенами между портиками, что подчеркивается более широким шагом окон. Одна из вариаций “элементарных” форм отмечена в композиции павильонов, расположенных в торцах боковых фасадов, выходящих на набережную Невы. Их кубические объемы с аркой в центре фланкируют шестиколонные портики. Под этими арками между корпусами проходил внутренний канал с выходом в Неву, впоследствии засыпанный. На крышах павильонов установлены высокие флагштоки, основания которых выполнены в виде скульптурных изображений дельфинов. Захаров применил в Адмиралтействе дорический ордер, утяжелив этим пропорции здания.

Впечатление суровости, мужественности архитектурных форм смягчается широким использованием скульптуры и декоративной лепнины (рельефные вставки, венки с гирляндами, маски над окнами).

К сожалению, утрачены длинные фриз, размещенные в верхней части стен справа и слева от башни и между портиками боковых фасадов. В 30-х гг. XIX в. на месте фриз прорубили квадратные окна третьего этажа.

Существенный ущерб в середине прошлого столетия был нанесен скульптуре, органически включенной в композицию здания. Статуи были убраны по требованию церковного начальства как несовместимые с канонами православия, когда в западном корпусе (обращенном на Сенатскую площадь) была временно устроена церковь.

Целый ряд скульптур, исполненных для Адмиралтейства, не сохранился до нашего времени. В 60-х гг. XIX в. были сняты и разбиты требующие реставрации статуи двенадцати месяцев с четырех фронтонов, громадные фигуры четырех стран света, стоявшие перед павильонами, обращенными к Неве, и шесть изображений главнейших русских рек, находящихся у основания портиков главного фасада и портика, обращенного к сенату (западный фасад). При реставрации Адмиралтейства в 1935 г. дельфины на крышах боковых павильонов, выходящих к Неве, вычеканенные из белого железа, были восстановлены в оцинкованном железе.

Многие скульптурные композиции Адмиралтейства сохранились до наших дней. Над их созданием работали крупнейшие русские ваятели. Подчиняясь общему замыслу зодчего, они добились единства в трактовке скульптурных и архитектурных форм и способствовали более полному раскрытию идейно-художественного значения. Главной темой было прославление морского могущества России, а также подчеркивалось идейное содержание и назначение здания.

Именно “Восстановлению флота в России” Захаров посвятил главный горельеф на аттике башни. В центре его многофигурной композиции изображен бог морей Нептун, вручающий Петру I свой трезубец — символ власти над морем. Женщина с венцом на голове, сидящая под сенью лаврового дерева, олицетворяет Россию. В правой руке она держит палицу Геркулеса — символ мощи, в левой — рог изобилия, к которому Меркурий прикасается своим жезлом. Перед Россией изображен Вулкан, повергающий к ее ногам оружие, и Минерва — богиня мудрости.

Боковые части барельефа заполнены фигурами тритонов, занятых различными корабельными работами и приветствующих уже спущенные на воду суда. Размеры этой композиции — 22,0х2,4 м. Автор ее — скульптор И. И. Тербенев.

В центре западного фронтона главного фасада изображена Фемида — богиня справедливости, к которой Нептун и Марс подводят для награды крылатых гениев, изображающих подвиги русского флота и армии.

Тема восточного фронтона — “Награждение Фемидой трудов художников” — мастеров различных ремесел и тружеников сельского хозяйства. С одной стороны Фемиды изображен ткач, сидящий за станком, винодел и стеклодув, с другой стороны — пастух и землепашец с плугом. Горельефы на фронтонах боковых фасадов скомпонованы из летящих гениев Славы, держащих венки над военными атрибутами во фронтоне, обращенном к Сенату (западный фасад), и атрибутами наук (фронтон восточного фасада, обращенный к Зимнему дворцу). Все четыре горельефа вылеплены И. И. Тербеновым. Размеры каждого из них по длине 32 м и по высоте — 4,26 м.

Нижние группы у главной арки Адмиралтейства — “Нимфы, несущие глобус” — высечены из пудостского камня по одной модели. Общая высота группы с пьедесталом — 10,9 м, высота фигур с глобусом 5,6 м, высота пьедестала — 5,3 м. Автор групп — Ф. Ф. Щедрин. Им же исполнены статуи четырех прославленных воинов древности — Александра Македонского, Ахилла, Аякса и Пира на углах аттика башни (высота фигур — 4,3 м).

Двадцать восемь статуй над верхней колоннадой исполнены по четырнадцати моделям (высота фигур 3,35 м). Из них восемь олицетворяют четыре времени года и четыре стихии, шесть, смотрящие в сторону Зимнего дворца и здания бывшего Сената, изображают четыре главных ветра, богиню Изиду — покровительницу кораблестроения и Уранию — музу астрономии. Известно, что над моделями этих статуй работали скульпторы

Ф. Щедрин и С. Пименов. Достоверно атрибутируют только три из них — статуи “Огонь”, “Воздух” и “Лето”, исполненные С. Пименовым.

В 60-х гг. XIX в. статуи над колоннадой башни, вырубленные из пудостского камня, пришли в ветхость и были заменены новыми, вычеканенными из листовой меди по старым образцам. Остальные скульптурные детали на фасадах Адмиралтейства — маски морских божеств на оконных замках (работы Ф. Щедрина), гении Славы, скрестившие знамена и трубящие в трубы (работы И. И. Теребенева), военные доспехи и пр. — символизируют в пластических образах идеи господства России над морем и ее военной силы.

В основном А. Захаровым были сохранены расположение двух зданий и их конфигурация. Сохранено было и назначение каждого здания: наружное — административное, внутреннее — верфи.

Захаров увеличил высоту наружного здания на один этаж. Если высота коробовского здания была 9,92 м, то у Захарова доведена до 16,51 м.

Восточный боковой корпус приспособлен под резиденцию Адмиралтейского департамента, а западный корпус (обращенный к Медному всаднику) — под резиденцию Адмиралтейств-коллегии.

Все дворовые фасады выполнены в кирпиче без всякого декора, высотой в 2 этажа.

Адмиралтейство стало не только символом морской славы России, но и символом русского национального зодчества — поэмой из камня. Адмиралтейский шпиль стал символом города.

Поэт Всеволод Рождественский писал о нем:

*“Чтоб в громе пушечных ударов
В Неву входили корабли,
Поставил Андриан Захаров
Маяк отеческой земли”.*

Во время Отечественной войны 1941-1945 гг. шпиль был зачехлен. На медали “За оборону Ленинграда” был запечатлен его силуэт.

После прекращения деятельности Адмиралтейств-коллегии часть западного крыла была превращена в казармы для рабочего флотского экипажа, а часть отведена под Училище корабельной архитектуры (ныне Высшее военно-морское инженерное училище), которое с 1832 г. начало готовить корабельных инженеров-механиков.

В 1816-1818 гг. наружный канал (ров) был засыпан, и на его месте разбит бульвар с двумя рядами деревьев. Тогда же засыпали и канал,

шедший от Адмиралтейства через Сенатскую площадь (пл. Декабристов), но часть его до Крюкова канала еще сохранялась до 1845 г.

По краям бульвара, выходящим к Неве, решено было соорудить гранитные пристани, которые и были построены в 1820 и 1824 гг. Одна называлась Дворцовой (с восточной стороны), другая — Петровской (с западной). Не исполнено было решение украсить пристани мраморными фигурами Геркулеса и Флоры. Их установили по оси южной части бульвара на его концах на постаментах из розового и серого мрамора, изготовленных по рисунку архитектора Л. Шарлеманя.

В 1832 г. скульптуры установили, но постаменты изготовили из тивдийского с красными прожилками камня (они сохранились до настоящего времени). Установка проведена под наблюдением скульптора В. И. Демут-Малиновского.

Первоначально скульптуры находились в Таврическом дворце (предположительно, это были мраморные изваяния из коллекции светлейшего князя Г. А. Потемкина).

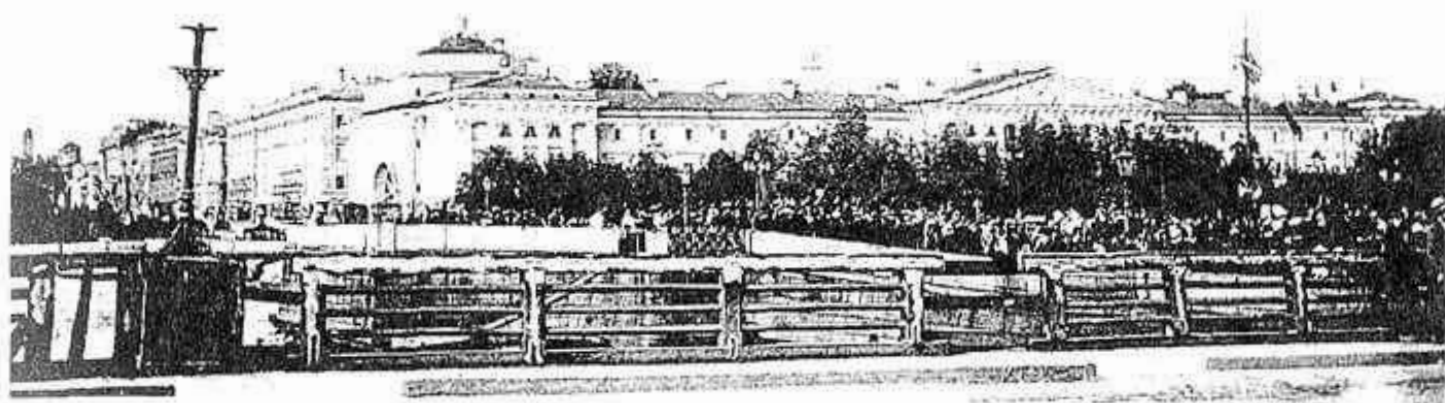
Вариантов украшения пристаней было много. После долгих колебаний на Дворцовой пристани установили двух львов, вычеканенных из листовой меди на Петербургском чугунолитейном заводе. Они были установлены в 1832 г. вместе с порфировыми вазами, перевезенными из Таврического дворца.

При сооружении набережной для прямого проезда возле Адмиралтейства вазы с Дворцовой пристани перенесли на Петровскую (от этой пристани и начинается Английская набережная).

В западном крыле Адмиралтейства (где средний портик с фронтоном) временно находилась церковь, которую оставили там на постоянное время. Главный священник армии и флота Кутневич написал на высочайшее имя рапорт: "...Над собором нет креста, а вместо него на верху собора поставлена статуя, принадлежащая к языческой мифологии, а также при входе в церковные сени помещены две колоссальные статуи из той же мифологии, что служит предметом осуждения для входящих в церковь".

Александр II распорядился снять статуи у входа. Было еще предложение возвести купол над церковью, но это, к счастью, не было реализовано.

Многие статуи от времени пришли в ветхость, и император распорядился все их ликвидировать, за исключением статуй на башне. За разбивку заплачено 45 р. 30 к., а разбитый материал продали за 24 р. 34 к.

Вид западной стороны Адмиралтейства. Фото 1910 г.

В 1869 г. на башне установили новые куранты фирмы “Винтер”. С 1907 г. часы работают на электроустановке. В 1967 г. к 50-летию Октябрьской революции решено было привести в порядок старые куранты, и в том же году в день Военно-Морского Флота СССР адмиралтейские колокола вновь ожили.

В 1872 г. к 200-летию Петра I по инициативе городской думы начались работы по созданию сада на месте бульвара и центральной части Адмиралтейского Луга. Работы шли два года, и в 1874 г. сад открыли, назвав его Александровским. К сожалению, он изменил вид на Адмиралтейство. По прошествии более сотни лет деревья подросли настолько, что совсем закрыли фасад, особенно это ощущается, когда глядишь на него со стороны площади Декабристов, где блистают во всей красе здания южной и западной сторон.

Площадь Декабристов входит в ансамбль центральных площадей, который, со всеми зданиями на них, образует единый пространственный организм на берегу Невы. Он сформировался и приобрел свой современный облик в результате преемственной творческой деятельности нескольких поколений русских зодчих. На одной из площадей — Исаакиевской — в 1762 г. по инициативе архитектора С. И. Чевакинского было предложено пятно застройки для Исаакиевского собора (нового) после разборки старого церковного здания, непригодного для эксплуатации. Построенный (уже не первый) Исаакиевский собор, открытый в 1858 г., своей северной стороной определил современный облик южной границы площади Декабристов, став ее доминантой.

Началась история Исаакиевского собора с того, что уже построена была верфь-крепость, и тысячи работных людей, мастеров и т. д. заселили

*Первая Исаакиевская церковь.
Литография с рис. О. Монферрана*

слободы на Адмиралтейском острове. Это была самая большая заселенная территория строящегося города. Согласно описи 1711 г., на Адмиралтейском острове стояло около 300 дворов из 800 во всем городе. Среди первых зданий Петербурга была и маленькая деревянная, одноэтажная, с небольшой, в один ярус, колокольней над крышей здания, с невысоким шпилем церковь, построенная в 1710 г. на Адмиралтейском Лугу недалеко от ворот верфи. Фасад здания лишен всяких декоративных украшений. Простота постройки очень типична для петровского периода. Сооружалась церковь в честь Петра I. Церковь

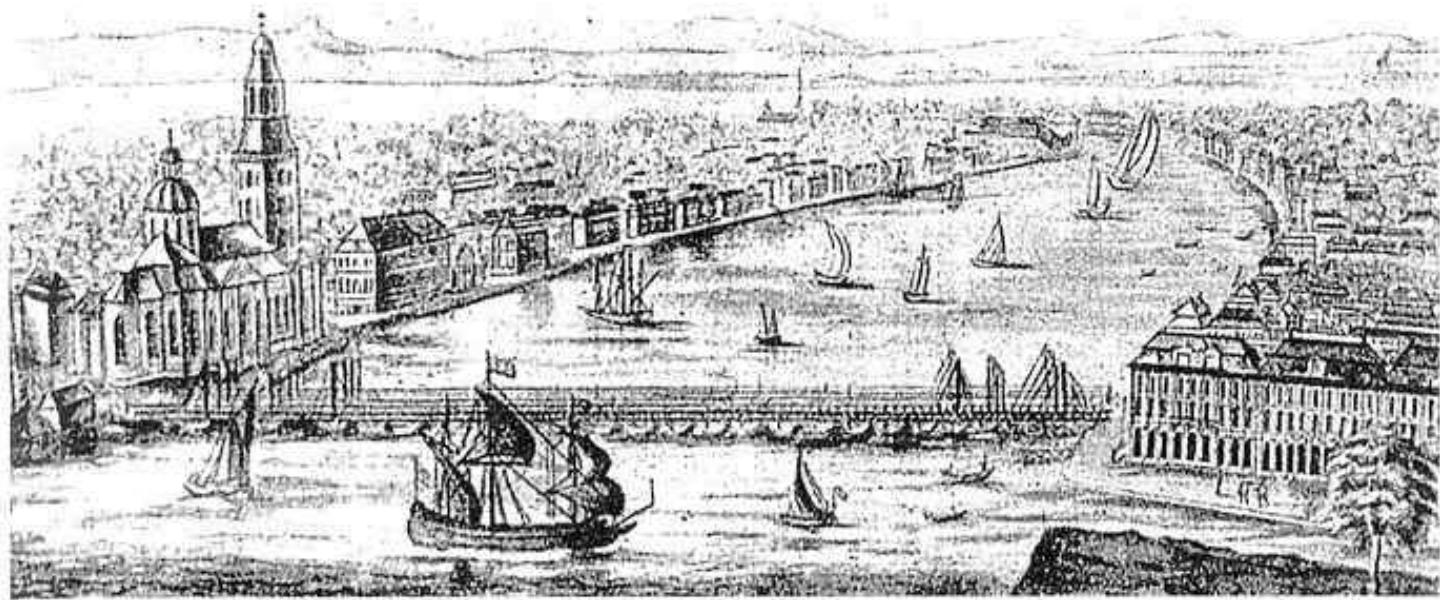
названа Исаакиевской в честь дня памяти легендарного византийского монаха Исаакия Далматского, совпадающего с днем рождения царя Петра I.

Хотя и мала была эта церковь, но роль играла большую. В ней проходили различные значительные службы. Здесь венчались Петр I и Екатерина. Это было публично отмечено “в удовольствие своей супруги”.

Полагают, что бракосочетание без публичной церемонии состоялось еще в 1707 г. В походном журнале Петра записано от 19 февраля 1712 г.: “В наступившем году, уже не представлявшем ожидания невзгод Петр I обвенчался в Петербурге с Екатериной Алексеевной 19-го, во вторник на всеядной неделе. Венчание его величества совершено утром в Исаакиевском соборе. В 10 часов утра высокобравные при залпах бастионов Петропавловской и Адмиралтейской крепости вступили в свой зимний дом...”

Мазанковый, деревянный период был коротким эпизодом в строительстве Петербурга. Уже осенью 1714 г. Петр решил начать интенсивное строительство каменных домов. К этому времени Канцелярии городских дел удалось наладить производство кирпича в довольно значительных количествах (ежегодная выделка кирпича выражалась уже в миллионах штук).

Соответственно, и церковь Исаакиевскую начали в камне. 6 августа 1717 г. Петр I собственноручно заложил первый камень в основание новой церкви во имя Исаакия Далматского. Первая церковь — деревянная — к этому времени обветшала.

Вторая Исаакиевская церковь и наплавной мост.

Рис. О. Элизера 30-е гг. XVIII в.

Проект второй Исаакиевской церкви составил архитектор петровской эпохи Г. И. Маттарнови. Будучи на службе в Петербурге, с 1714 г. он активно участвовал в проектировании городских каменных зданий. Он умер в 1721 г., строительство возглавил его коллега архитектор Н. Ф. Гербель. Но он через три года тоже умирает, и фактически в 1727 г. заканчивает строительство каменных дел мастер Яков Неупокоев. Эта церковь на плане изображена в виде удлиненного прямоугольника, а внешне напоминала сохранившийся до наших дней собор Петропавловской крепости. Она имела стройную колокольню с часами-курантами, так же как и часы для Петропавловского собора, привезенными Петром I из Амстердама. ✓

Построена церковь была ближе к Неве (там где стоит памятник Петру I — Медный всадник). Близость к воде при размываемом рекой неукрепленном и не одетом в гранит берегу привела к порче фундамента. Трещины покрыли стены и своды. Желая укрепить здание, его обнесли галереями, но это мало помогло. Пожар в церкви 1735 г., вызванный ударом молнии, серьезно ухудшил состояние здания.

По предписанию Сената несколько лет спустя Адмиралтейств-коллегия направила архитектора С. И. Чевакинского для оценки состояния церкви. Ввиду сильного повреждения здания и невозможности его реставрации, а также учитывая неудачно выбранное место постройки, Чевакинский предложил церковь снести. Последовало решение разобрать ее и строить новую дальше от берега.

Указом Сената от 15 июля 1761 г. руководителем строительства церкви назначен С. И. Чевакинский. Им была выбрана строительная площадка там, где сейчас стоит Исаакиевский собор.

При царствовании Петра III (всего шесть месяцев, с 25 декабря 1761 г. по 28 июня 1762 г.) строительство не начиналось. По вступлении на престол Екатерина II одобрила идею воссоздания Исаакиевской церкви как связанной с именем Петра I.

Но вскоре, вдруг, будучи не старым еще человеком (в возрасте пятидесяти четырех лет), Чевакинский подал прошение об отставке. Ведь только что закончил он величественный, большой, сложный в отделке собор Николы Морского. Можно лишь предполагать, что Чевакинский почувствовал, подобно Растрелли, общее изменение вкусов в области архитектуры и решил вовремя уйти со сцены.

Строительство церкви поручается архитектору А. Ринальди, много строившему в Петербурге в царствование Екатерины II. Торжественная закладка здания произошла 8 августа 1768 г. на месте, намеченном С. И. Чевакинским.

Антонио Ринальди — ученик Луиджи Ванвители — одного из ведущих мастеров позднего итальянского барокко (непосредственного предшественника классицизма). Приглашен из Италии гетманом Украины Кириллом Разумовским в городок Батурин на Черниговщине для постройки гетманского дворца. Ринальди, хорошо зарекомендовавший себя в Риме, прибыл в Россию в 1751 г. сорокатрехлетним архитектором и приступил к строительству дворца. Кроме этого здания на Украине ему не удалось ничего создать. В поисках работы в 1754 г. архитектор прибыл в Петербург.

В архитектуре к этому времени произошли большие изменения, и Ринальди показал себя выразителем нового направления — классицизма.

В 1762 г. он создает в Ораниенбауме Китайский дворец, парковые павильоны, в том числе павильон Кательной горки, дворец Петра III. Он стал придворным архитектором при дворе Екатерины II. В 1768 г. по проекту Ринальди возводится Мраморный дворец — богатый, отделанный разными сортами мрамора, с фасадами в стиле раннего классицизма. Зодчий сооружает в парке Царского села мемориальные памятники: Орловские ворота, Чесменскую колонну, памятник Ланскому и др. Он проявил вкус и к поздней стадии барокко — рококо.

Ринальди достраивал Князь-Владимирский собор и католическую церковь на Невском, построил Вознесенскую церковь на Екатерининском канале. По его проекту построен дом Мятлевых на Исаакиевской площади.

*Проект третьей Исаакиевской церкви
Литография с рис. О. Монферрана (арх. А. Ринальди)*

Принимает участие он и в проектировании зданий общественного назначения — Гостиного двора, складов пеньки “Тучкова буяна”.

Ринальди построил Гатчинский дворец для великого князя Павла и парковые павильоны. Он является автором мраморных верстовых столбов — “Мраморных верстовых пирамид”, установленных на Старо-Петергофской и Царскосельской дорогах (некоторые сохранились до настоящего времени). Участвуя в строительстве Большого театра на Театральной площади, Ринальди упал с лесов. В начале 90-х гг. он подал в отставку и уехал в Италию.

К строительству Исаакиевского собора (уже по проекту Ринальди) приступили в конце 1769 г. Проект предусматривал пятикупольный собор с куполом сложного рисунка, органически связанный со стройной многоярусной колокольной. Стены предполагалось облицевать мрамором.

Строительство затянулось на долгие годы, что и решило судьбу здания, уже доведенного до карниза. Обстоятельства сложились неудачно, и Ринальди не смог завершить начатую работу. Он продал свой дом и уехал за границу, взяв с собой весь архив.

Вступивший на престол Павел I поручил архитектору В. Бренна срочно завершить строительство. Проект Ринальди был искажен требованием императора уменьшить размеры верхней части здания и главного купола,

*Третий Исаакиевский собор, достроенный арх. В. Бренна.
Литография XIX в.*

отказаться от возведения малых куполов. Мрамор, предназначенный для облицовки церкви, был забран на строительство Михайловского замка.

Собор получился приземистым и совершенно нелепым в эстетическом отношении. На роскошном мраморном цоколе высились кирпичные стены, рядом стояла обрубленная колокольня. Наспех достроенный, с незаконченной колокольней, собор дисгармонировал с другими зданиями центральной части города. Громоздкое несуразное сооружение вызывало полное разочарование и насмешки современников. Эпиграмма тех времен характеризует отношение горожан к этому сооружению:

*“Двух царствований
Памятник приличный —
Низ его каменный,
А верх — кирпичный.”*

Но все же Исаакиевский собор (третий по счету) был открыт в 1802 г. Несоответствие собора парадному облику центральной части Петербурга

вызвало необходимость уже в 1809 г. объявить конкурс по созданию проекта перестройки здания. Программу конкурса составил президент Академии художеств А. С. Строганов, утвердил ее Александр I.

В конкурсе приняли участие виднейшие архитекторы того времени: А. Д. Захаров, А. Н. Воронихин, В. П. Стасов, Д. Кваренги, Ч. Камерон и др.

Война 1812-1814 гг. приостановила проектные работы. В феврале 1818 г. Александр I утвердил представленный ему проект только что приехавшего из Парижа талантливого архитектора О. Монферрана. Постройка собора по проекту Монферрана, начатая в 1818 г., была через три года приостановлена из-за ряда ошибок в проекте и производстве работ. Комиссия в составе крупнейших русских зодчих указала путь исправления выявленных ошибок. В 1825 г. строительство возобновилось уже по исправленному проекту в соответствии с основными положениями, разработанными комиссией.

В 1828 г., еще до возведения стен, началась установка монолитных колонн портиков. Выломка огромных гранитных блоков, погрузка на специальные суда, транспортировка, обработка и, наконец, подъем и установка сорока восьми колонн весом около 110 т каждая были сопряжены с огромными трудностями.

Успешное осуществление этих работ явилось крупнейшим достижением русской строительной техники.

В 1830 г. установка гранитных колонн была закончена, и в следующем году началось сооружение стен и подкупольных пилонов. В 1838 г. возведен купол диаметром 21,8 м, установленный на высоком барабане, окруженном монолитными гранитными колоннами. Все конструкции купола выполнены из металла, которого ушло огромное количество: 490 т железа, 990 т чугуна, 49 т меди и 30 т бронзы.

За 40 лет строительства было решено много сложных технических и инженерных задач, разработаны новые методы кладки, новая арматура, большое количество технических приспособлений для перевозки колонн, их поднятия и т. п.

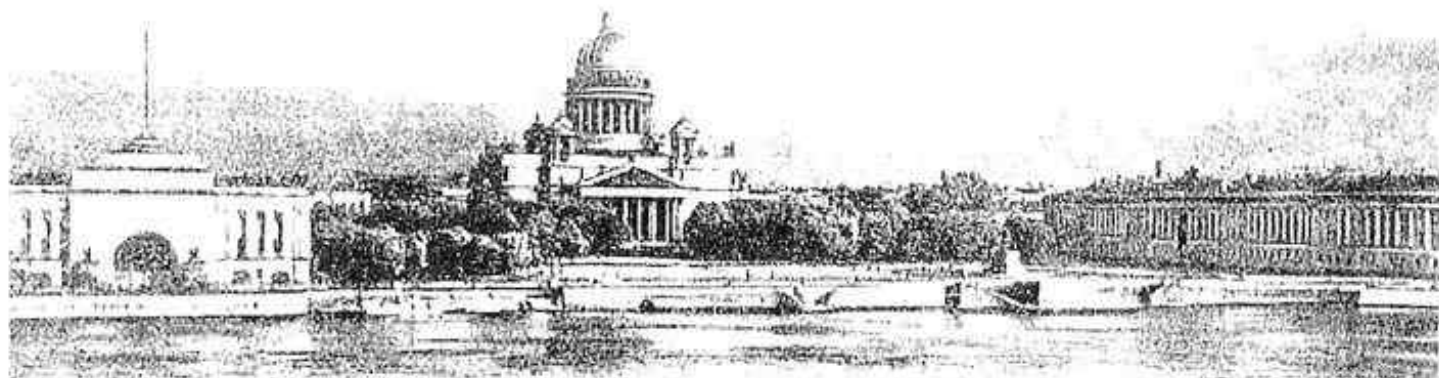
Собор, облицованный серым мрамором, был закончен вчерне в 1842 г., но открыт только в 1858 г. Во внутренней отделке собора применены многие породы ценных камней: лазурит, малахит, порфир и мраморы разнообразных оттенков. Для исполнения многочисленных мозаичных картин были привлечены русские художники К. П. Брюлов, Ф. А. Бруни, П. В. Басин, В. К. Шебуев и др. Скульптуры выполнены по моделям И. П. Витали,

Н. С. Пименова, А. В. Логановского, П. К. Клодта. Громадные барельефы на фронтонах и другие изваяния изготовлены методом гальванопластики, изобретенным в 1838 г. русским ученым Б. С. Якоби.

Отделка собора длилась 16 лет от окончания строительства в 1842 г. до его освящения 30 мая 1858 г. Наиболее сложными скульптурными работами были лепка и отливка из бронзы гигантских горельефов для фронтонов четырех портиков собора: для южного портика на тему “Поклонение Волхвов” (скульптор И. Витали); для западного — “Встреча Исаакия Далматского с императором Феодосием” (И. Витали); для северного “Воскресение Христа” и восточного “Предсказание Исаакием Далматским гибели императору Валенту” (скульптор А. Лемер).

В 1834-1844 гг. Витали исполнил модели 12 надфронтонных статуй апостолов евангелистов (высотой от 4 до 4,4 м), статуй коленопреклоненных ангелов со светильниками на углах аттика (высотой 5,8 м) и статуй ангелов над угловыми пилястрами (высотой 4,9 м).

Некоторые данные о самом здании: высота собора — 101,5 м, длина — 111 м, ширина — 97 м, высота креста — 3,45 м, диаметр наружного купола — 25,8 м, его масса — 2226,5 т. Масса деталей внутренней отделки огромна (только мозаик в соборе 62, в среднем до 1 т каждая), каждая колонна весит от 120 т до 70 т. При расчете фундамента все это было учтено. Фундамент собора представляет собой многослойный “пирог”. На первом этапе укрепления грунта из глубоких траншей откачивали воду и вертикально вбивали просмоленные сосновые сваи длиной 6,5 м и диаметром 26-28 см. Сваи отстояли друг от друга на расстояние их диаметра. Промежутки между сваями, отрытые на 1 м, заполнены были хорошо утрамбованным древесным углем. Забито было 10 762 сваи. На подготовленную площадку уложили два ряда гранитных плит, связанных известковым раствором, вторым слоем шла кладка из бутового камня на цементном растворе. Блоки из гранита отбирались тщательно, без прожилок, с хорошо обработанными опорными плоскостями. Плиты укладывались строго по уровню и плотно подгонялись друг к другу. Камни тщательно отесывались и подбирались по высоте. Все промежутки заполнялись гранитным щебнем и плотно утрамбовывались. За постройкой фундамента особо следили Монферран и один из самых квалифицированных подрядчиков Самсон Суханов. Большую помощь в расчетах оказал А. Бетанкур, инженер-механик, виднейший ученый своей эпохи. Совместная работа А. Бетанкура и О. Монферрана по сооружению фундамента явилась гарантией устойчивости невиданного по тяжести сооружения.

*Исаакиевский собор арх. О. Монферрана со стороны пл. Декабристов.
Фото 1930 г.*

Купол этого самого высокого здания того времени сверкает в петербургском небе в любое время года.

Работы по золочению купола выполнялись с 1835 по 1834 г. Золочение производилось огневым способом: листы меди покрывались соединением золота и ртути, затем ртуть выпаривали, медленно прогревая листы над жаровнями. Позолота была трехкратной. Купол Исаакия с его грандиозными размерами является единственным в своем роде не только в России, но и в Европе.

В целом здание имеет ярко выраженный высотный центрический характер. Собор входит в ансамбль двух площадей левобережной части города — Исаакиевской и площади Декабристов, в значительной мере определяет их облик и воспринимается как мощная архитектурная доминанта.

Огюст Монферран (Анри Луи Огюст Леже Рикар де Монферран) родился 23 января 1786 г. во Франции, в городе Шайо, в дворянской семье. По окончании Парижского лицея он совершил путешествие в Италию, где занимался изучением архитектуры и обмерами памятников.

В 1806 г. Монферран поступил в Королевскую специальную школу архитектуры. Военные события прервали его учебу, он был призван в конногвардейский полк, участвовал в боях и в 1806 г. получил чин сержанта. Покинул службу по ранению. В 1807 г. Монферран вернулся в школу. В последние годы учения он работал у генерального инспектора архитектуры города Парижа Ж. Молино. В 1813 г. ему пришлось одеть мундир вторично, вступив по приказу Наполеона в национальную гвардию. Отличился в сражении при Арно.

После 1814 г. Монферран трудится у Ж. Молино, наблюдая за строительными работами. Он закончил семилетний курс обучения,

добившись значительных успехов. Архитектурное образование он получил в мастерской главных архитекторов Парижа Ш. Персье и П. Ф. Фонтэна, где сформировался стиль французского классицизма, получивший название “ампир” — стиль империи (первая треть XIX в.). В основе этого направления лежали идеи величия Древнего Рима, соединенные с увлечением грандиозной по масштабам архитектурой Древнего Египта. Примерами классического стиля в архитектуре могут служить проект наполеоновского Версаля — дворцов на высотах Шайо и изменение декоративного убранства интерьеров бывших королевских дворцов — Лувра, Тюильри, Фонтенбло, Мальмезона.

Монферран наблюдал за строительством многих выдающихся архитектурных сооружений: возведением колонн, триумфальных арок, купола парижского хлебного рынка, выполненного из железа и меди.

Политическая и общественная атмосфера побуждала Монферрана покинуть Францию. Думая о будущем, он познакомил Александра I с альбомом своих архитектурных проектов. Проекты произвели должное впечатление. Зодчего пригласили в Петербург.

Победа России в войне повысила ее престиж и предъявила новые требования к облику столицы. Патриотический подъем, охвативший все слои общества, создавал благоприятную обстановку для создания подлинно монументальных архитектурных сооружений, более торжественных, чем до войны.

В Комитете по делам строений и гидравлических работ, созданном в 1816 г., основное внимание уделялось преобразованию и реконструкции центра Петербурга. Наиболее важной работой было создание целостного ансамбля центральных площадей: Адмиралтейской, Дворцовой, Сенатской и Исаакиевской. В тот период создавалась строительная техника и строительная механика. Уже Воронихиным был применен принцип запаса прочности. Появились таблицы формул подбора толщины сводов, сечения балок и других элементов конструкции (таблицы математиков Перона, Фонтэна, Ронделе и др.).

В России открылся Институт корпуса инженеров путей сообщения, куда были приглашены видные французские инженеры А. Бетанкур, П. Базен и др.

В 1816 г. Монферран прибыл в Петербург с письмом к А. Бетанкуру от его друга, известного часовщика Бреге, с рекомендацией. Монферрана определили рисовальщиком на Петербургский фарфоровый завод. Начальник канцелярии Комитета Ф. Вигель добился для Монферрана

звания старшего чертежника без жалования, но с квартирой и суммой, равной жалованью, в виде вознаграждения или пособия от Комитета. Выбор архитектора для создания Исаакиевского собора с учетом существующей постройки пал на Монферрана по протекции А. Бетанкура. Монферран представил 24 проектных варианта. 21 декабря 1816 г. Монферран был назначен придворным архитектором. С января 1817 г. он занимает должность начальника чертежной Комитета. Десять лет он руководил большой проектной мастерской. 30 мая 1817 г. Бетанкур предложил Монферрану составить проект Исаакиевской церкви по программе прошедшего конкурса. Царским рескриптом 20 февраля 1818 г. на имя графа Н. Н. Головина предложено: "Произвести окончательную перестройку Исаакиевского собора с приличным оному благолепием и утвердив план таковой перестройки по проекту Монферрана". Торжественная закладка собора состоялась 20 июня 1818 г. Монферран был назначен помощником Бетанкура для осуществления строительного надзора.

*Архитектор
Огюст Монферран*

Монферран спроектировал площади с южной и с северной сторон собора. Площадь с северной стороны (Сенатская) прямоугольной формы, открытая к Неве.

В 1817-1820 гг. Монферран мастерски выполнил частный заказ на постройку здания дворца князя Лобанова-Ростовского вблизи Исаакиевского собора.

В сентябре 1829 г. утверждается проект Александровской колонны, созданный Монферраном, и архитектор назначается строителем монумента. Александровская колонна была открыта 30 августа 1839 г. Сам подъем 600-тонной колонны за 100 мин вызвал бурю восхищения. В 1823 г. Монферран занимается работами по переустройству Екатерингофа. Им построены павильон "Воксхолл", Львиный павильон, Кофейный домик. В 1822-1825 гг. его приглашают для отделки интерьеров Зимнего дворца. Он отделал и создал заново более двадцати помещений. Среди них Тронный, Фельдмаршальский и Петровский залы, Яшмовая гостиная, Ротонда и др.

В 1830-1840 гг. Монферран строит два особняка вблизи Исаакиевской площади: дома П. Н. Демидова (ул. Герцена, 43) и княгини Гагариной

(Герцена, 45). В 1834 г. он перестраивает купленный для себя дом (наб. Мойки, 86). Жизненный путь О. Монферрана окончился 28 июня 1858 г., когда ему было 72 года. Похоронен он в Париже. Архитектор сохранил верность нетленным заветам искусства, создал для грядущих поколений такие замечательные сооружения, как Александровская колонна и Исаакиевский собор.

Западная сторона Сенатской площади украшена прекрасными фасадами зданий первой половины XIX в. В начале XIX в., вдоль Адмиралтейского канала, связывавшего Адмиралтейство с лесными складами (Новой Голландией), были построены казармы Конногвардейского полка, строительство которых было поручено участнику альпийского похода генералу Е. Ф. Комаровскому. В комплекс казарменных сооружений входил и манеж, возведенный по проекту архитектора Джакомо Кваренги в 1804–1807 гг.

Д. Кваренги родился в Италии в 1741 г. в г. Бергамо, жил в Риме, работал как архитектор и рисовальщик. В 1780 г. приглашен в Петербург. Великий архитектор, начал слепнуть в последние годы жизни. Умер он в Петербурге 2 марта 1817 г. В 1967 г. отмечалось 150-летие со дня смерти Кваренги. Прах его перенесен в Некрополь Александро-Невской лавры.

Торцовый фасад Конногвардейского манежа (арх. Д. Кваренги). Фото 1980 г.

Конногвардейский манеж — это одна из последних работ великого зодчего, вписавшего в каменную летопись Петербурга около тридцати построек, сохранившихся до настоящего времени. Среди них Смольный институт, Ассигнационный банк, Академия Наук, Английский дворец в Петергофе, Эрмитажный театр, Галерея Рафаэля в здании Старого Эрмитажа, Дворец князя А. Безбородко, Кабинет, Дом Салтыкова (институт культуры им. Крупской) и еще много государственных и частных зданий. Кваренги был архитектором классицизма — стиля, вошедшего в моду в России с середины XVIII в. У него уже был опыт строительства манежа Измайловского полка. Помощником архитектора в строительстве Конногвардейского манежа был архитектор Гирш.

Здание манежа представляет в плане вытянутый прямоугольник размером 126 м на 33 м. Южный его фасад выходит на Ново-Исаакиевскую улицу (ныне ул. Якубовича) — это название в 1828 г. получил проезд между Крюковым каналом и Сенатским проспектом (между пл. Труда и Исаакиевской площадью). Северный фасад выходит на Адмиралтейский канал, прорытый в 1717 г.

Почти весь объем манежа занимал в прошлом один большой зал, предназначенный для упражнений в верховой езде. Назначение здания определяло простоту интерьера, представлявшего собой просторный двухсветный зал с галереей для зрителей при входе. Отделка зала была очень простой. Весьма скромно были решены и боковые фасады. Только один, обращенный на площадь торцовый фасад, где был вход в манеж, получил более сложную и богатую отделку: его украшает великолепный и строгий восьмигранный портик дорических колонн, увенчанный фронтоном. Двойная колоннада в центральной части портика создает сильную игру светотени и еще более подчеркивает монументальность небольшого по протяженности торцевого фасада. По центру к главному входу вели широкие ступени, а с боковых сторон — пологие пандусы. Стены здания членятся как бы на два яруса. Нижняя часть стен рустована. Над рустовкой в глубине портика расположен барельеф, разделенный пилястрами на три части. Он изображает конные состязания на арене античного цирка. Предположительно, автором барельефа является Агустино Трискорни, в мастерской которого изготовлены статуи героев в античных одеяниях, установленных на фронтоне.

В 1806 г. А. Трискорни получил заказ на изготовление “двух групп из каррарского мрамора и самого лучшего мастерства, изображающих каждая человеческую фигуру, державшую одной рукой лошадь”. Контракт заключен на 2 года. По разным обстоятельствам исполнение его

задержалось, и статуи прибыли в Кронштадт в 1811 г. Их изваял брат Агустино — Паоло Трискорни, взяв за образец знаменитые фигуры Диоскуров (мифологических близнецов Кастора и Поллукса) перед Квиринальским дворцом в Риме. Они были установлены на постаменты перед портиком — парные мраморные скульптурные группы, изображающие юношей, сдерживающих вздыбленных коней.

В 40-х гг. XIX в. скульптурные группы перенесли от манежа к зданию казарм в Конногвардейском переулке. Скульптурные группы с портика манежа сняли по требованию Синода. Там их установили на гранитные пилоны по бокам ворот. В 1954 г. статуи Диоскуров возвращены на свое место.

К концу XIX в. в 1872-1873 гг., была произведена перестройка манежа: сменили перекрытие, внутри установили новые печи, пристроили к южному фасаду помещение императорской ложи, а к западному — вестибюль. На фронте главного фасада установили новые статуи.

Неудачная судьба постигла барельеф в тимпане фронтона. Этот барельеф был задуман и исполнен Д. Кваренги (как удалось документально установить в 1976 г. по архивному чертежу). В 1844 г. он был с фронтона срублен как испорченный. Тема его была “Торжественная раздача призов победителям в конных соревнованиях”.

В 1873 г. в тимпане фронтона появился новый барельеф — “Занятие конногвардейцев в манеже”, исполненный скульптором Д. И. Иенсеном. Им же выполнены новые статуи на фронте.

Терракотовые барельефы работы скульптора Д. Иенсена посчитали неудачными по композиции.

Перестройка 1872-1873 гг. была произведена профессором Д. И. Гриммом (помощник — архитектор Х. И. Грейфан). Из-за изменения окружающей местности появилась необходимость изменить удлиненные фасады, исполненные в сугубо деловом суховато-производственном стиле. Решением Гримма было изменить боковые фасады в соответствии с первоначальным (нереализованным) проектом Кваренги — на заднем и боковых фасадах установить парные трехчетвертные колонны. Их и воспроизвели. Выложенные в кирпиче и оштукатуренные, они обогатили облик здания.

В 30-х гг. XX в. после пожара архитектор И. Е. Лансере перестроил здание, приспособив его под гараж. Зал был разделен на 2 этажа и с задней стороны пристроены пандусы, ведущие на второй этаж. Между пандусами выросла пристройка, в крыше манежа был прорезан застекленный световой

фонарь. Барельефы Иенсена были сняты. В тимпане поместили герб СССР.

В конце XIX – начале XX вв. манеж уже не использовался по своему первоначальному назначению. Здесь устраивались концерты, в том числе было проведено несколько концертов с участием И. Штрауса. Иногда манеж становился выставочной площадкой.

Поврежденные в годы блокады Ленинграда фасады были реставрированы после войны. В 1954 г. статуи Диоскуров вернулись на свое место, вновь украсив портик манежа.

1973 г. стал поворотным в судьбе старинного здания. Тогда Ленгорисполком принял решение об организации в нем выставочного зала. Группой архитекторов мастерской “Гипротест” был выполнен проект перестройки здания и его переоборудования в соответствии с новым назначением. Большая работа позволила восстановить фасады манежа, максимально приблизив их к замыслу Кваренги.

Интерьер потребовал компромиссного решения. Частично было сохранено поэтажное членение зала, что позволило увеличить экспозиционную площадь до 3000 м². Был сохранен световой фонарь, оборудован подвесной потолок с искусственным освещением, в подвальной части с восточной стороны устроили гардероб. Однако аванзал, сохранивший первоначальную высоту, позволяет ощутить объем кваренгиевского интерьера. Для отделки выбрали белый натуральный мрамор. Было использовано самое совершенное техническое оборудование. Большой выставкой “Искусство принадлежит народу” начал в 1977 г. свою работу Центральный выставочный зал Ленинграда.

По красной линии застройки западной границы площади Декабристов, у начала Конногвардейского бульвара стоят две колонны со статуями победы. При составлении в 1827 г. проекта зданий Сената и Синода архитектор Карл Росси предложил установить монументальную колонну по оси Адмиралтейского канала. Однако этот проект не был осуществлен. В 1842 г. встал вопрос о засыпке зловонного непроточного Адмиралтейского канала, куда со всех близлежащих дворов стекали канализационные воды. Отпала необходимость в нем и как в транспортной магистрали для леса. Его ликвидировали в том же 1842 г. на протяжении от Крюкова канала до Адмиралтейства. Канал был заключен в “трубу” с кирпичным сводом, засыпанным сверху землей. Начало свода в гранитной набережной Крюкова канала осталось открытым. Постепенно “труба” заполнялась землей.

Весь участок засыпанного канала превратился в бульвар, спроектированный К. Росси и утвержденный 1 февраля 1845 г. В 1845-1846 гг.

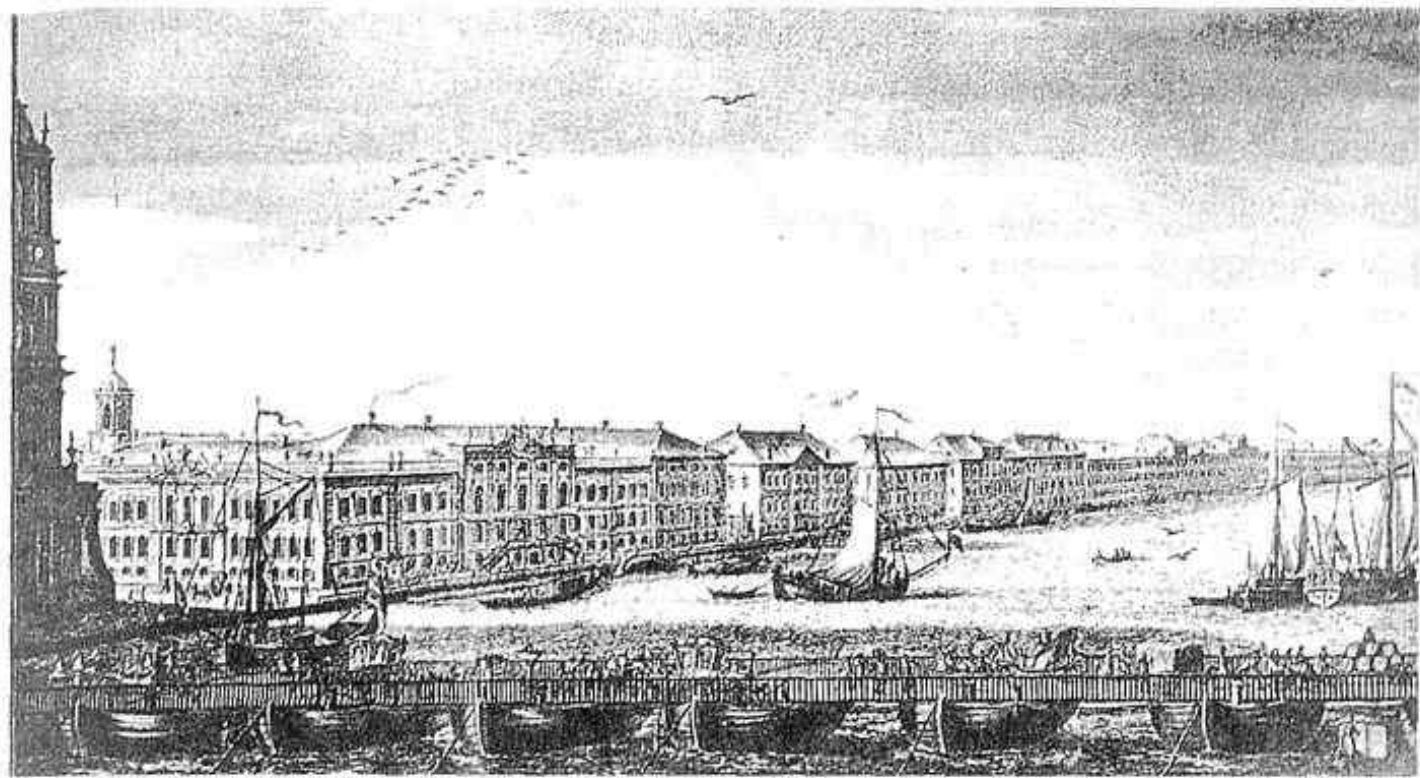

*Две колонны со статуями Победы,
установленные в начале Конногвардейского бульвара.
Фото 1900 г.*

работами по устройству бульвара руководил архитектор Н. Е. Ефимов. Бульвар засадили по каждой стороне двумя рядами деревьев. Проектом К. Росси предусматривалась установка в начале бульвара со стороны Сенатской площади двух колонн ионического ордера. Колонны с бронзовой капителью и бронзовой базой были установлены на постаменты из сердобольского гранита. Увенчаны они фигурами летящей богини победы Ники с лавровым венком в руках, отлитыми в Берлине по модели скульптора Х. Рауха. Колонны посвящены боевым заслугам Конного лейб-гвардии полка в русско-французских войнах 1812-1814 гг. Высота фигур 2,5 м, высота колонны 9,5 м. Открыты 5 ноября 1845 г. Это был подарок Николаю I от прусского короля Фридриха Вильгельма III, чья дочь Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, принцесса Прусская (в православии Александра Федоровна) была женой Николая.

К. Росси, хорошо знакомый с проектом Исаакиевского собора и неоднократно выступавший экспертом при его строительстве, учел влияние такой мощной высотной доминанты на создаваемый ансамбль Сенатской площади.

Уже в начале XVIII в. восточной границей площади служило здание Адмиралтейства. На западной его стороне у Невы находился огромный участок, принадлежащий А. Д. Меншикову, на котором в 1710 г. он

*Угловой дом А. П. Бестужева-Рюмина, наплавной мост и Английская набережная.
Гравюра Я. В. Васильева 50-х гг. XVIII в.*

построил несколько мазанковых домов. Они именовались тогда “княжескими мазанками”. Один из домиков занимала первая школа лепки и художественной резьбы, организованная архитектором Ж. Леблонем в 1716 г. После падения Меншикова дома его были конфискованы и в 1727 г. пожалованы первому русскому канцлеру графу А. И. Остерману. Затем, после ссылки последнего в 1744 г., они перешли в собственность А. П. Бестужева-Рюмина, построившего на их месте большой дворец. Здание угловое с набережной, в два этажа, богато декорировано в стиле барокко: украшено пилястрами, балконами, над центральными частями фасадов — фронтоны с лепными гербами и статуями. Наличники окон и рустовка придают ему еще более нарядный вид. Набережная перед дворцом, в отличие от остальной части, украшена красивой балюстрадой (это видно на гравюре XVIII в., исполненной гравером Я. В. Васильевым “под смотрением Ивана Соколова”).

Здание имело фасад на площадь более протяженный, в 28 осей, с двумя портиками и средней богатой парадной. В 1763 г. дом покупает казна для размещения Сената, находившегося ранее в здании Двенадцати коллегий на Васильевском острове, и перестраивает его в формах строгого классицизма. Площадь получает название Сенатской и приобретает административное значение.

Еще более существенной для облика столицы площадь становится в 1782 г., после открытия здесь памятника Петру I. Указом от 9 августа 1769 г.

(сразу же после выбора места установки памятника) площадь переименовывают в Петровскую. Реконструкция площади шла с начала XIX в., когда стали перестраивать Адмиралтейство и возводить Манеж. Однако здание Сената в 1820 г. выглядело далеко не парадно и нуждалось в ремонте. Не отличался красотой и стоявший за Галерной улицей выходящий углом на канал трехэтажный жилой без всякого декора дом купчихи Кусовниковой.

В 1827 г. инженерному департаменту поручается перестройка здания Сената. Проектирование вел главный архитектор этого департамента А. Штауберт. Он не справился с проблемой парадной застройки площади. Проект его отклоняют, и в 1828 г. объявляют конкурс. В его условиях была и такая задача: "...характер, соответствующий огромности площади, на которой оно находится". Принять участие в конкурсе предлагают К. Росси, В. Стасову, С. Шестову. Обиженный таким решением, Штауберт от участия в конкурсе отказался. Свои проекты на конкурс также подали П. Жако, В. Глинка и А. Михайлов, то есть в нем приняли участие лучшие архитектурные силы столицы.

Проекты были очень разнообразными. Ввиду загруженности и плохого состояния здоровья, К. Росси представляет проект последним — в 1829 г., после нескольких напоминаний. Его проект состоит из нескольких вариантов. В окончательном и наиболее совершенном варианте Росси округляет угол здания Сената, обращенный к Неве. Этим он создает плавный переход от застройки площади двумя корпусами к застройке набережной. Архитектор выравнивает длину фасадов обоих корпусов, перекинув через Галерную улицу арку. Проект Росси был и более экономичным, так как он использовал стены старого здания. Второе здание предоставляется Синоду. Росси для обоих зданий создает новую внутреннюю планировку.

От руководства строительством архитектор отказывается, и оно передается Штауберту. Возведение здания Сената начато в августе 1829 г., на следующий год начали строить и Синод. Все работы были закончены в 1834 г.

Росси, как ансамблевый архитектор, и здесь не отошел от своих принципов, он проектировал не только здания, а всю площадь как единый архитектурный организм. Здания Сената и Синода вместе с Адмиралтейством образовали единые по стилю "кулисы" площади, придали ей торжественный, парадный облик. Корпуса, возведенные в соответствии с замыслом Росси, связаны с произведением Захарова общим композиционным приемом — сравнительно невысоким цоколем, который несет колоннаду.

*Арка центральной части композиции К. Росси по оси Галерной улицы.
Фото с открытки из коллекции автора*

Во всем остальном здания различаются по архитектуре, принадлежащей разным этапам развития классицизма первой трети XIX столетия. Если падающий фасад Адмиралтейства отличается ритмической четкостью, истотой и лаконизмом форм, то фасады Сената и Синода значительно

*Угловая часть здания Сената (арх. К. Росси).
Фото с открытки из коллекции автора*

сложнее по ритму и пластике. Наиболее богато решена центральная часть композиции Росси, включающая арку. Она расположена почти напротив двенадцатиколонного портика Адмиралтейства и вместе с ним акцентирует поперечную ось площади. По сторонам арки поставлены попарно сгруппированные колонны коринфского ордера, несущие сильно раскрепованный антаблемент (верхняя часть над колоннами). Такие же завершения имеются на крыльях обоих зданий. Центры каждого здания выделены восьмиколонными портиками-лоджиями. Насыщенные светотенью, они резко контрастируют с неширокими гладкими участками стен по сторонам от них. Довольно активно, но скромно акцентированы входы в оба здания, размещенные под десятиколонными портиками, увенчанными аттиками. Красивые плавные изгибы пандусов ограждены гранитным парапетом с закругленными тумбами по краям. По центру гранитная лестница с боковыми блоками — постаментами. Попарно сгруппированные колонны второго этажа расположены по бокам ниш, в которых установлены статуи, по тематике отвечающие назначению здания.

Закругленная угловая часть имеет охватывающую ее колоннаду, увенчанную ступенчатым аттиком, и такая же колоннада в шестиколонном варианте украшает невский фасад. Между двухколонными портиками со скульптурой имеется большое арочное трехстворчатое окно в два этажа. Таких композиций на фасадах шесть: две на здании Синода, четыре на здании Сената (две с площади и две с набережной).

Скульптуры (правда, несколько перегружающие декор) исполнены лучшими скульпторами России. Они не отличаются слитностью с архитектурой, как в других произведениях Росси, в которых он сам тщательно прорисовал скульптурные композиции и декоративные детали. В этой стройке отсутствовал авторский надзор Росси, его выполнял Штауберт, не обладающий таким мастерством.

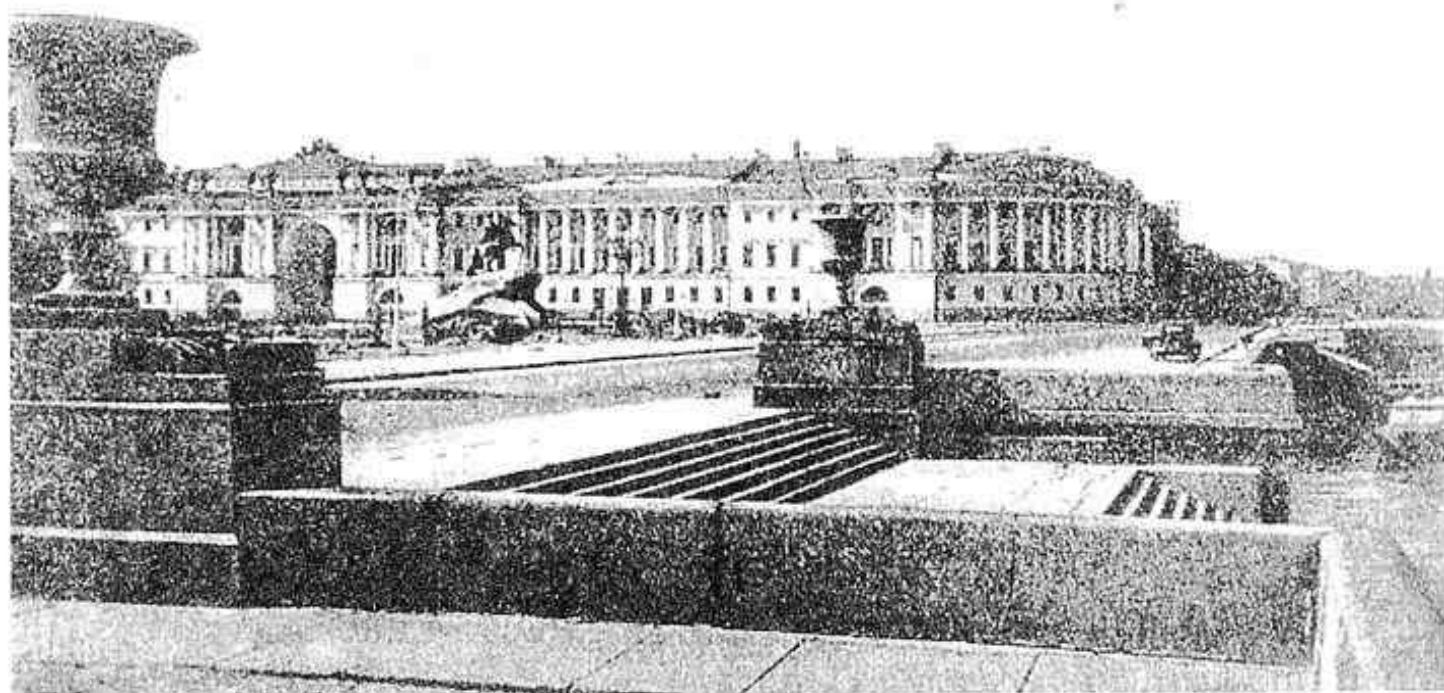
За два года до окончания строительства, к концу 1832 г., работы были вчерне закончены, и 23 октября официально открыт проезд под аркой на Галерную улицу (в первой четверти XVIII в. она называлась Исаакиевской). В том же году были начаты работы над скульптурными деталями для фасадов зданий. Эскизы создал художник Солнцев, сюжеты выбрал скульптор и модельер, вице-президент Академии художеств Ф. П. Толстой совместно с президентом Академии А. Н. Олениным.

Над аттиком арки помещена аллегорическая группа “Правосудие и Благочестие”, отлитая из бронзы по модели скульптора В. И. Демут-Малиновского. Им же исполнены две модели для восьми фигур “Гениев,

держащих законы”, поставленных над колоннами на фоне аттика арки. Высота их 2,45 м. В нишах фасада здания Синода (начиная от Конногвардейского бульвара) помещены гипсовые аллегорические статуи, изображающие “Богословие”, “Духовное Просвещение”, “Благочестие” (все три работы П. Соколова), “Веру” (скульптор Н. Устинов).

Статуи в нишах здания Сената олицетворяют “Закон”, “Правосудие”, “Беспристрастие” (начаты С. С. Пименовым, закончены Н. С. Пименовым и П. Жако), “Истину”, “Мудрость”, “Твердость”, “Законоведение” (работы П. Свинцова, И. Леппе) и “Бдительность” (начата С. С. Пименовым, закончена Н. Токаревым). В композицию статуй введены условные атрибуты, раскрывающие их аллегорический смысл. Так, например, “Правосудие” держит в руках меч и весы, “Беспристрастие” — весы и сажень. “Истина” освобождается из покрывала и заносит меч над поверженным “Злодейством”. Все статуи отлиты из гипса, высота их 2,85 м. Три барельефа на аттике арки посвящены аллегорическим темам “Закон божий”, “Закон гражданский” и “Закон естественный” (лепили их П. Свинцов и И. Леппе). Барельефные фигуры гениев над аркой и 16 квадратных барельефов с гербами главнейших губерний России исполнил Н. Устинов, летящих гениев на аттиках — Н. Токарев. В 1993 г. статуя “Богословие”, стоящая в нише здания Синода, рухнула с шестиметровой высоты и разбилась вдребезги. Воссоздана скульптором К. Н. Бобковым в 1995 г. Установлена 24 апреля 1998 г.

В настоящее время здания Сената и Синода заняты Центральным государственным историческим архивом.

*Сенат в панораме Английской набережной.
Фото с открытки 1950 г.*

Перегруженность декором зданий Сената и Синода объясняется упадком в архитектуре классицизма 30-х гг. XIX в. вообще и у Росси в частности. До сих пор бытует мнение, что классицизм, якобы, “вошел” в Петербург через арку Новой Голландии и покинул его через арку Сената и Синода. Этот период еще называют поздним классицизмом, переходящим уже к периоду стиля эклектики.

С большого расстояния оба здания оказывают сильное впечатление, они гармонируют с Адмиралтейством и контрастируют с Исаакиевским собором, с его громадным высотным объемом. А по отношению к памятнику Петру I — являются удачным архитектурным фоном.

Арка дала возможность воспринимать далекую перспективу Галерной улицы, выходящей на Благовещенскую площадь (ныне пл. Труда). Мощный фронт застройки Сенатской площади, соответствующий просторам Невы, органично вошел в панораму ее набережной. Росси, как ансамблевый архитектор, учел восприятие площади с берега Васильевского острова. Он работал в молодости над грандиозным проектом соединения Дворцовой и Галерной набережных. Реконструированная Сенатская площадь, по мнению Росси, осуществит связь через плашкоутный Исаакиевский мост центра города с Васильевским островом, где еще в 1818 г. зодчим создана парадная Румянцевская площадь, куда по проекту Росси был перенесен с Марсова поля памятник “Румянцева победам”. Установленный на ступенчатом постаменте он доминирует на площади, создав ей парадный вид. Жаль, что устроенный в середине XIX в. сквер полностью закрыл деревьями этот прекрасный памятник, созданный архитектором В. Ф. Бренна в 1799 г. в память побед русских войск под водительством выдающегося полководца генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева (1725-1796) при Ларге и Качуле в русско-турецкой войне в 1770 г.

Формируя эту площадь, Росси думал об архитектурном взаимодействии с Сенатской площадью, с памятником Петру I, с набережной Невы. Ведь Конногвардейский бульвар Росси создавал позже зданий Сената и Синода, и этим еще больше развил архитектурно-пространственную связь Сенатской площади с Благовещенской (пл. Труда). Он соединил центральные площади города со вновь построенным первым постоянным мостом через Неву — Благовещенским (Николаевским, Лейтенанта Шмидта). Здания Сената и Синода совершенно преобразили Сенатскую площадь, которая вместе с Дворцовой и Адмиралтейской площадями создала архитектурно единую парадную анфиладу.

Создание города на Неве в течение столетия знаменовало новый пери-

од градостроительства в мире, а реконструкция по проектам К. Росси центральной части Петербурга превратила ее в невиданную ранее систему архитектурных ансамблей.

Карл Иванович Росси родился в 1777 г. в артистической семье. Мать, Гертруда Росси, и отчим, Ле-Пик — прославленная в Европе балетная пара — были приглашены в Петербург “первыми танцовщиками” и остались здесь навсегда. С 1785 г. Росси живет в Петербурге. Первоначальное образование получил у В. Ф. Бренны. В 1802-1803 гг. находился в Италии “для усовершенствования познаний”. В 1806 г. получает звание архитектора. С 1816 года — член Комитета для строений и гидравлических работ в Петербурге.

Его бессмертные произведения: участие в проектировании и строительстве Михайловского замка, прорезка Садовой улицы от Итальянской улицы до Невы, создание Михайловского дворца и Михайловской площади (ныне площади Искусств), прорезка улиц Итальянской, Инженерной, Михайловской.

Росси реконструирует и отделявает крупнейшие дворцы, создает новые дворцово-парковые комплексы в Павловске, Гатчине, Ораниенбауме. Он реставрирует Аничков дворец и его усадьбу, строит служебные корпуса и павильоны, изменяет интерьеры в Таврическом дворце, отделявает интерьеры Зимнего дворца. Архитектор создает красивейший дворцово-парковый ансамбль на Елагином острове, реконструирует Дворцовую площадь, превратив ее в красивейшую площадь в мире, преобразует Сенатскую площадь и создает Суворовскую и Румянцевскую площади.

Росси строит здания Главного штаба и Министерства иностранных дел, Министерства финансов со знаменитой Триумфальной аркой — величественным памятником Отечественной войны 1812 г. Проектирует Сенат и Синод, строит Министерство народного просвещения и Министерство внутренних дел, уникальную Театральную улицу и Александринский театр, проектирует площадь (ныне Островского), где по его же проекту строится здание Публичной библиотеки. Он проектирует архитектурно-единую застройку целых улиц и площадей, общественных и жилых зданий и возводит много других сооружений. Реконструирует территорию Инженерного замка, его Манеж и службы. Перестраивает Собственную дачу царя на Каменном острове, проектирует предметы прикладного искусства.

Прогрессивные идеи и независимые высказывания зодчего не нравились начальству. Это было причиной того, что трудолюбием и

талантом Росси широко пользовались, но продвигать по службе не стремились. Флорентийская академия присваивает ему звание профессора 1-й степени, но в России ведущего зодчего Петербурга “первого по вкусу и таланту” так и не повысили. Он до последних дней своей жизни так и остался коллежским советником.

У Росси была большая семья. От первой жены (Паульсен) у него было четверо детей: три сына и дочь. Через некоторое время после ее смерти (в 1821 г.) он женился на Софье Андреевне Андерсен и счастливо прожил с нею многие годы. У них было еще шестеро детей: два сына и четыре дочери. Росси проявлял большую заботу о детях, всегда помогал обездоленным людям, много раз жертвовал в пользу нуждающихся. Содержание огромной семьи, необходимость бывать при дворе требовали много денег, долги преследовали его всю жизнь. Умер зодчий в нищете, так и не построив себе дом, о котором мечтал. Заразившись холерой, Росси скончался 6 апреля 1849 г. Похоронен на Волковом кладбище. В 1940 г. его прах перенесли в некрополь Александро-Невской лавры.

В годы Советской власти ансамбли и здания, построенные К. Росси, взяты под государственную охрану.

Скульптурное оформление зданий, арок, триумфальных ворот и других построек Росси создавали лучшие скульпторы и художники России, среди них В. И. Демут-Малиновский, П. К. Клодт, С. С. Пименов и др.

Василий Иванович Демут-Малиновский (1779-1846) — скульптор, педагог, мастер монументально-декоративной и станковой пластики. Родился в Петербурге, окончил Академию художеств. В 1800 г. за рельеф “Сражение при Гангуте”, выполненный для пьедестала памятника Петру I работы К. Б. Растрелли в Петербурге, получил большую золотую медаль. За различные работы получил звания классного художника, “назначенного” академика, профессора. С 1813 г. — ректор скульптуры Академии художеств. Работал Демут-Малиновский не только с Росси, но и с Ворониным, Козловским, Захаровым и др. Созданная им мраморная статуя “Русский Сцевола”, находится в Русском музее.

Петр Карлович Клодт (1805-1867) — скульптор, литейщик, мастер монументальной и станковой пластики, один из основателей анималистического жанра в русской скульптуре. Он является автором фигур коней для Нарвских ворот, групп “Укротителей коней” на Аничковом мосту, памятника Крылову в Летнем саду, скульптурных групп коней на арке Главного штаба, Александринском театре и др. Академик, профессор, заведующий Литейным домом при Академии художеств, член Римской, Берлинской и Парижской Академий.

Степан Степанович Пименов (1784-1833) — скульптор, педагог. Родился в Петербурге. Учился у М. И. Козловского в Академии художеств. Получил золотую медаль, аттестат 1-й степени, имел звания классного художника, академика. Заведовал скульптурной частью Императорского Фарфорового завода. Пименов работал на оформлении дворцов, зданий, арок совместно с Демут-Малиновским, Клодтом и др. Из-за размолвки с Николаем I уволен из Академии художеств в конце 30-х гг. Его резцу принадлежит группа “Геркулес удушающий Антея” из пудожского камня, установленная в 1811 г. перед портиком здания Горного кадетского корпуса в Петербурге.

Это была славная плеяда великих мастеров первой половины XIX в., придавших Петербургу неувядаемую славу.

История площади Декабристов неотъемлема от соединявшего два берега Невы моста. Познакомимся с его историей. Сообщение Адмиралтейской части с Васильевским островом являлось крайне необходимым: там располагались правительственные и научные учреждения, а также порт и Гостиный двор (перенесенные сюда с Городского острова в 10-х гг. XVIII в.). Сообщение летом на лодках, а зимой по льду было неудобным. Быстрый рост столицы нуждался в более надежной связи.

Сооружение постоянного моста, под которым проходили бы морские мачтовые суда, сопряжено с огромными трудностями. Глубина Невы достигает 15-20 м, у нее ненадежное русло со слабыми грунтами, значительная скорость течения и мощный напор ледохода. Все это препятствовало строительству постоянного моста, и почти до середины XIX в. пришлось ограничиваться только наплавными мостами.

Первый из них был возведен в 1727 г. Он соединил Адмиралтейскую часть с Васильевским островом, был деревянным и представлял собой деревянные барки — плашкоуты, пролеты между которыми перекрывались деревянными бревно-прогонами (помостами). Лодки и небольшие суда свободно проходили под пролетами, для пропуска мачтовых судов часть плашкоутов оттягивались канатами в сторону. Мост фиксировался вбитыми у берегов сваями и удерживался на месте несколькими судовыми якорями.

Мост был установлен против того места, где потом поставили памятник Петру I. В первой половине XVIII в. на этом месте стояла церковь Исаакия Далматского (о ней мы уже писали), и мост получил название Исаакиевского. Выбор места был продиктован близостью густо заселенного центра Адмиралтейской части, обширной площадью вокруг церкви, доходящей до Большой перспективы и до дорог на Псков и западные

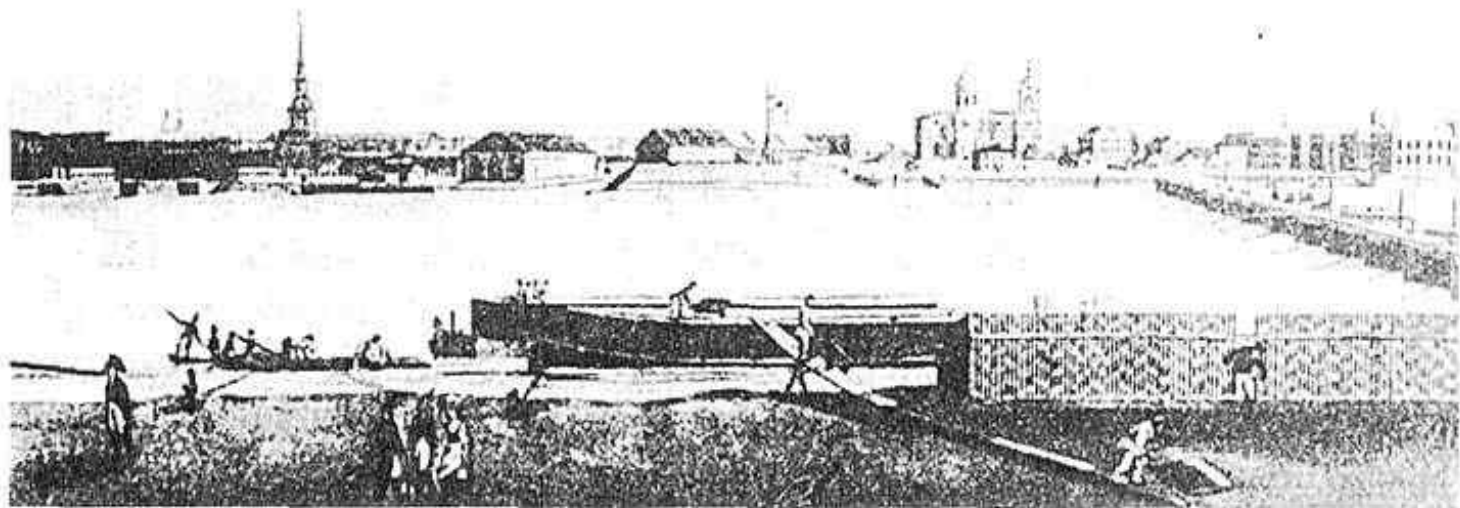
губернии (нынешнего Вознесенского проспекта). На противоположном берегу мост проходил рядом с дворцом Меншикова, что было удобно “светлейшему князю Ижорскому”, который в 1727 г. (в царствование Екатерины I) был фактически правителем России.

После смерти Екатерины I и ссылки Меншикова мост наводить перестали. Малолетний Петр II переехал в Москву, за ним потянулись и многие жители Петербурга. Опустела столица, прекратились стройки.

В 1732 г. престол заняла племянница Петра I Анна Иоанновна. С верным престолу Измайловским полком она возвратилась в столицу. Восстановилось строительство, увеличился объем деятельности порта. Сооружение моста стало крайне необходимым. Адмиралтейств-коллегия поручает Филиппу Пальчикову, корабельному мастеру, бомбардир-лейтенанту строить новый наплавной Исаакиевский мост на плашкоутах без “всякого замедления” на прежнем месте. Нужных материалов в городе не оказалось, и тогда Адмиралтейств-коллегия распорядилась собрать барки у частных лиц. Эти крутые меры и энергичные действия (как при Петре I) дали возможность уже через шесть дней начать строительство, и 30 июня 1732 г. мост был наведен.

Переделанные наспех из купеческих барок плашкоуты оказались непрочными, и сильный шторм в следующем году разрушил мост.

В 1733 г. построили новые одинаковые плашкоуты, на которых и соорудили мост под руководством корабельного мастера Г. Соловьева. С тех пор каждый весной его наводили, а осенью во время ледостава убирали. В порядке компенсации затрат на обслуживание моста стали брать плату за проезд и проход по мосту — с прохожего по одной копейке, за телегу —

*Исаакиевский плашкоутный мост.
Фото с рисунка А. Тозелли, конец XVIII в.*

две копейки, а с владельцев карет — по пятаку. При императрице Елизавете Петровне в 1754 г. в честь праздника по случаю рождения престолонаследника (будущего императора Павла) плата за проезд была отменена. Для прохода судов мост имел два разводных пролета. Значение моста было очень велико, и поэтому его тщательно оберегали, разводили даже при спусках судов со стапелей Адмиралтейства.

До 1779 г. мост наводился только летом, а позже его стали наводить и зимой. При ледоходе и ледоставе блоки моста убирались к берегам. Нагрузки на мост увеличивались год от года, и для увеличения грузоподъемности возникла необходимость в его реконструкции. Она проводилась в 1820 г. инженерами О. Бетанкуром и Г. ТрETERом. Тогда же возвели каменные устои и облицевали их гранитом. По бокам устоев также в гранитном исполнении устроили спуски к воде с закругленными лестницами.

В 1850 г. закончили строительство первого постоянного металлического моста через Неву — Благовещенского (назван по имени храма, стоявшего на площади того же названия). Сейчас это мост Лейтенанта Шмидта. Близко стоящий наплавной Исаакиевский мост был передвинут выше по течению (от Зимнего дворца на стрелку Васильевского острова) и переименован в Дворцовый. Он также неоднократно перестраивался для увеличения грузоподъемности.

Изобретение русского инженера П. Н. Яблочкова — электрическое освещение нашло применение в освещении Дворцового моста, на котором в 1879 г. поставили экспериментальные дуговые фонари.

В 1912 г. разработан проект металлического моста, который и начали строить на месте наплавного Дворцового моста. А наплавной мост был возвращен на прежнее место — к Сенатской площади и снова стал Исаакиевским.

К 1916 г. многие улицы Центральной части Петербурга имели электрическое освещение, а на Исаакиевском мосту стояли старые керосиновые фонари. В первой трети XX в. небольшие парходики, буксиры работали на дровяном топливе и из труб котлов вырывался сноп искр. Трубы были высокие, и при проходе под мостами каналов и наплавным Исаакиевским мостом их опускали с помощью крюка (трубы почти у основания имели шарнир), естественно, сноп искр усиливался. 11 июня 1916 г. от искр проходящего буксира загорелся бак с керосином, находившийся в одном из плашкоутов. Огонь быстро охватил весь мост, перегоревшие опоры уже не могли его удерживать, и отдельные секции,

объятые пламенем, поплыли по реке. Первый наплавной мост через Неву закончил свое почти двухвековое существование.

Как память о нем сохранились на обоих берегах каменные устои. Одетые в гранит, с гранитными ограждениями, они, на несколько метров вдаваясь в Неву, используются как смотровые площадки.

По оси Исаакиевского наплавного моста на Сенатской площади двести с лишним лет назад был воздвигнут памятник Петру Первому — выдающееся произведение русской и мировой пластики. Он стал ярким примером торжества просветительных идей, свидетельством гениальности его творца, скульптора Э. М. Фальконе. Время оказалось не властно над монументом, оно продолжает утверждать его непреходящее историческое значение и эстетическую ценность. Памятник не только прославляет героя — Петра Великого — выдающегося государственного деятеля, в нем в яркой образной форме запечатлены те перемены, которые произошли в России в первой половине XVIII в., в период государственных преобразований, коренным образом изменивших жизнь страны.

Благодаря гениальному Пушкину преобразователь России Петр — герой монумента получил точную поэтическую характеристику — “Медный всадник”. Памятник превратился в символ города на Неве. Органически войдя в его ансамбль, он придал ему особую красоту и стал его неотъемлемой частью.

Большой интерес представляет содержание монумента и история его создания. Его создание — целая эпопея, в которой участвовали многие тысячи людей, безвестные мастера и множество тех, чьи имена и дела сохранились до наших дней.

Образ Петра привлекал многих монументалистов и художников еще при жизни его и на протяжении всего XVIII в.: различные изображения императора создали И. Н. Никитин (портрет), И. Пино (по эскизам — статуи), Б. Тарсия (гравюра конной статуи), Растрелли (Триумфальный столп), И. Дункер, Ж. Б. Валлен-Деламот, Н. Жилле, Б. К. Растрелли (конная статуя перед Михайловским замком и бюст в Эрмитаже), Ж. М. Натье (портрет) и др.

В июне 1762 г. на престол взошла Екатерина Вторая, и еще было неясно ее отношение к великому преобразователю русского государства.

В скором времени — 17 июля 1762 г. — в Сенате решили воздвигнуть памятник новой императрице — прославить Екатерину как щедрую монархиню, одарившую своих сторонников бесчисленными милостями. В Сенат был вызван руководитель Конторы строений Иван Иванович

Бецкой, ему поручено незамедлительно заняться созданием памятника Екатерине. Он полностью разделял идею создания памятника и высказался за статую, “дабы самим себе тем живее вообразить и во всегдашней памяти иметь грозившие любезному их отечеству бедствия, от которых оне благодеянием сей монархини избавились”. Уже включились в проектирование монумента Якоб Штелин (член русской Академии наук), архитектор Шумахер, даже Ломоносов исполнил проект. Трудность заключалась в том, что никто точно не знал место установки. Запросили саму Екатерину о месте установки ей памятника. Подхалимы не знали границ.

Но... теперь, осенью 1763 г., она решительно воспротивилась этому, сославшись на необходимость установки памятника Петру Великому. Екатерина понимала, что утверждая память Петра, превознося его заслуги перед государством, она тем самым приобретала популярность в России и за границей как поборница просвещения, справедливости и глубокого уважения к реформаторской деятельности Петра.

Она оценила положение, при котором установка собственного памятника была бы воспринята как тщеславие и стремление к популярности. Идея создания памятника Екатерине в ту пору угасла. Академия наук не была отстранена от проектирования памятника Петру I и активно включилась в решение этой проблемы. Вариантов монумента Петру было много, как много и авторов. Предлагали пешую скульптуру, конную, различные пьедесталы, подражания западным образцам (статуя Марка Аврелия) и т. д. и т. п.

Осенью 1764 г. Екатерина осмотрела отлитую статую Петра работы Растрелли и ее отвергла. Как сообщал Бецкой в Сенат: “аппробовать не соизволила, в рассуждении, что не сделан искусством таким каково б должно представить столь великого монарха и служить ко украшению столичного города Санкт-Петербурга”.

Предыстория “Медного всадника” богата и значительна. Фальконе начинал не на пустом месте, до него уже сложилась некая традиция, где были реальные опыты, которые стали ему известны.

Идею памятника Петру I, символически показывающего судьбу государства и его успехи, выдвинули русские люди, движимые чувством общественного и национального самосознания. Прогрессивные идеи передовой части русского общества нашли плодородную почву в таланте французского скульптора Фальконе и предали его творчеству определенную направленность что способствовало созданию уникального художественного произведения.

Фальконе как художник находился в самой гуще борьбы за новые идеи и своим искусством активно участвовал в формировании прогрессивных эстетических принципов своего времени.

Этьен Морис Фальконе родился в 1716 г. в Париже в семье столяра. У него рано возник интерес к искусству — рисованию, живописи и скульптуре. Последняя стала страстью молодого человека. Навыки работы с камнем Этьен получил у дяди — мраморщика. Уже в 1732 г. он становится учеником крупнейшего скульптора Ж. Б. Лемуана, который оценил его дарование. Огромная работоспособность и страсть к познанию помогли Фальконе стать образованным человеком. В будущем его познания подтвердились в первой крупной самостоятельной работе, в его группе “Милон Кротонский”, отмеченной в Салоне 1745 г. за высокой степени профессионализм. За группу “Милон Кротонский” Фальконе был избран членом Французской академии. Работы скульптора той поры приобретали известность, они были поэтичны, камерны, элегичны. Он блестяще справляется с очень важными заказами, мастерски, профессионально свободно обращается с человеческой фигурой и материалом. Фальконе лепит много статуй и к началу 50-х гг. пользуется значительным авторитетом как художник. Он создает сложную групповую композицию для церкви св. Роха. В Салоне 1757 г. всеобщее признание получили две его композиции — “Купальщица” и “Амур”, поразившие тонкостью исполнения, высокими пластическими достоинствами. Еще более совершенен талант Фальконе в произведениях “Пигмалион и Галатей”, “Зима”. Он много читает, думает, пишет, интересуется теорией искусства.

С просветителями скульптора связывали личная дружба, литературная практика и воззрения на искусство. Фальконе был необыкновенно талантливый человек, умный, ищущий, смелый. Это хорошо понимал его друг Дидро. Одно время наряду с Гриммом Дидро был постоянным корреспондентом Екатерины Второй, исполнял ее поручения по приобретению картин для Эрмитажа. Кроме того, он был связан с русской Академией художеств, помогал ее пенсионерам, жившим в Париже. Именно Дидро первым порекомендовал Фальконе как автора будущего монумента.

Огромную роль в приглашении Фальконе сыграл и Дмитрий Алексеевич Голицын, человек большой культуры, близкий друг Дидро, автор ряда работ по физике, истории, биологии, искусству. С 1754 г. он был русским посланником в Париже, а с 1768 г. — в Нидерландах. Очень одаренный и всесторонне образованный, сторонник прогрессивных общественных реформ и просвещения, Голицын был членом российской,

стокгольмской, брюссельской и берлинской Академий наук и почетным членом Петербургской Академии художеств. Им написан трактат об искусстве для русской Академии художеств. Приглашая Фальконе как будущего автора монумента, Голицын выступал не только как посол и организатор, но и как знаток, квалифицированный советчик.

К моменту приглашения в Россию Фальконе было около пятидесяти лет — пора зрелости, жизненного опыта, устойчивости сложившихся воззрений на мир и искусство. Его творческая активность дала великолепные результаты. Памятник Петру несет на себе печать яркой индивидуальности его создателя, отблеск его творческого гения, создавшего непревзойденный монумент.

Заручившись специальным разрешением директора королевских строений маркиза Мариньи (в июле 1766 г.) Фальконе уже не имел никаких формальных препятствий для заключения контракта, который и был подписан 26 августа 1766 г. полномочным послом России Голицыным.

На контракте сохранилась следующая надпись: “Господин Фальконе с благодарностью принял предложенные ему условия и подписал их 27 августа 1766 года”. Фальконе поручалось исполнить эскиз композиции и осуществить в натуральную величину памятник Петру в натуре, который “будет состоять главным образом из конной статуи колоссального размера”. Скульптор должен был отправиться в Петербург в сентябре 1766 г. с тремя помощниками.

В начале сентября 1766 г. Фальконе, скульптор-резчик Фонтен и молодая ученица Фальконе Мари Анн Колло покинули Париж.

15 октября 1766 г. Фальконе прибывает в Петербург, в котором проведет около двенадцати лет своей жизни. Его встретили великолепно, предоставили квартиру с прислугой, мастерскую для работы и помощников. Мастерскую устроили в бывшем Тронном зале деревянного Зимнего дворца, стоявшего у пересечения Невской перспективы с Мойкой (дворец разобран в 1767 г.). Каменное здание бывшей конюшни при дворце приспособили для жилья Фальконе.

Сооружением монумента поручили ведать Конторе строений под руководством Ивана Ивановича Бецкого, с которым у скульптора сложились очень неприязненные отношения. Бецкой был противником Фальконе, а от него зависела повседневная работа скульптора. Много неприятностей и даже горя принесло вмешательство Бецкого в его личную жизнь. Фальконе регулярно переписывался с императрицей, обо всем ей докладывал. На все жалобы она отвечала: “не обращайтесь внимания, идите своей дорогой”. Она верила ему, в его гениальность.

Идея композиции монумента возникла еще в Париже, где был создан и первоначальный эскиз, что известно из слов самого Фальконе: “Поскольку до отъезда я разработал эскиз статуи и ее положение, надо было, чтобы я подумал и о том, на чем она будет держаться”. Это фиксация первой мысли, которая легла в основу замысла. В 1767 г. Фальконе приступил к исполнению малой модели, которую сделал за год. Принято композиционное решение — всадник, взлетевший на скалу и жестом правой руки утверждающий могущество нового, силу своих идей.

В 1768 г. Фальконе перешел к большой модели (начата 1 февраля 1768 г. и в общем закончена в июле 1769 г.).

Выбор места для памятника всегда проблема большой сложности. В ее решении приняли участие все, кто имел отношение к установке монумента. Выдвигались самые разнообразные предложения. Проектов поступило много. К 80-м гг. XVIII в. сформировалась главная площадь столицы, в чем была немалая заслуга архитектора Фельтена. Не менее важное градостроительное значение имело участие Фельтена в благоустройстве другой площади, в центре которой должны были поставить памятник Петру I работы скульптора Э. М. Фальконе.

В 1770 г. на выставке в Академии художеств, наряду с архитекторами Вален-Деламотом и Старовым, “...Фельтен представил для смотра всенародного свой труд — проект месту статуи Петра Великого...” Этот проект касался общей реконструкции площади. Фельтен предполагал установить конный монумент на постаменте в виде дикой скалы колоссального размера. Работа Фельтена полностью удовлетворяла всем требованиям, предъявляемым к проектам.

Сенат обратился к императрице с официальным письмом, в котором излагалась просьба утвердить место для будущего монумента. Сенат просил: “Объявить ему высочайшее свое соизволение, на коем месте угодно будет... поставить монумент государю императору Петру Великому, дабы по неизвестности о всевысочайшей Вашего императорского величества на то воли не избрать под сие сооружение, которому Сенат и весь народ должным себя почитает, не того же самого места, кое может быть для прославления бессмертных дел государя императора Петра Великого Ваше императорское величество назначить соизволит”.

Екатерина и ее окружение активно обсуждали эту проблему. Результаты стали известны 5 мая 1778 г., когда Бецкой объявил Сенату указ, в котором говорилось: “Ея императорское величество изустно повелеть соизволила монумент поставить на площади между Невы реки, от Адмиралтейства и

дома, в коем присутствует Правительствующий Сенат, на назначенном на плане центре места”.

Проект Фельтена обсуждался Советом Академии и был признан высокопрофессиональной работой, а его автор единогласно бы избран “назначенным”, т. е. кандидатом в академики. Проект был представлен 23 января 1770 г. указом от 9 августа 1769 г. Сенатскую площадь надлежало называть площадью Петра Первого. Выбор точного места для памятника затянулся на четыре года — с 1766 по 1770 и оказался чрезвычайно удачным. Что же происходило в мастерской скульптора?

Фальконе изобразил мощную фигуру Петра в слитном движении с конем. Петр уверенно правит полетом коня, левой рукой сдерживая его порыв на краю скалы, а жестом правой вытянутой руки как бы утверждая свою победу, торжество молодой России. В огромной силе этого жеста словно сконцентрировано содержание образа. Характерной особенностью фигуры Петра является ее естественность. У Фальконе одежда Петра не скрывает пластику человеческого тела, под ней чувствуется живая плоть. Сложность работы — динамичность коня и всадника требовали знания анатомии и умения отобрать наиболее существенные детали, сохранить естественность натуры и придать единство пластической форме. Реалистический метод диктовал художнику и соответствующие приемы работы над фигурой Петра. Вначале он исполнил ее обнаженной, выверяя анатомические особенности, искал наиболее выразительную пластическую характеристику движения, а затем уже вылепил одежду.

Много споров и сомнений вызывала трактовка одежды Петра. Советчиков было хоть отбавляй. Фельтен твердо стоял на своем, умело аргументировал, искал и находил поддержку у Екатерины. “...Если это старый московский кафтан, то он мало подходил к тому, кто объявил войну бородам и кафтанам. Если же одеть Петра в ту одежду, которую он носил, то она не дает возможности передать движение и легкость в большой скульптуре, особенно в конном памятнике. Поэтому костюм Петра — одежда всех народов, всех людей, всех времен — одним словом, костюм героический”.

Фальконе даже пишет трактат “Рассуждение о скульптуре”, в нем подробно трактует роль драпировок в скульптурной композиции. Созданное Фальконе одеяние Петра имеет некий общий характер, в нем слилось воедино влияние античности и русского костюма. Тем не менее, сильной оказалась и оппозиция. Фальконе опять-таки вынужден обратиться к Екатерине. Будучи уже посвященной скульптором в решение им проблемы одежды Петра, она пишет ему, давая типичный для Екатерины совет:

“Презирайте болтунов, будь между ними и почтенные люди, вот что я повторяю и что уже неоднократно Вам говорила”.

Так было и с созданием портрета Петра для монумента. Сплетничали о том, кто был подлинным автором этого портрета. Когда композиция памятника в модели была уже вполне выяснена, когда были найдены основные отношения пьедестала и всадника, вылеплены конь и фигура императора, наиболее уязвимой частью будущего монумента оставалась голова — портрет Петра. Она долго не удавалась Фальконе. Бецкой и Екатерина оставались неудовлетворены его работой. Ему на помощь пришла его ученица Колло. Портрет ее работы оказался столь удачным, что Фальконе использовал его для памятника. Он об этом открыто говорил. Это вызвало много слухов, толков. Больше было обсуждений, так как многие не могли простить художнику неудачи. В защиту его выступил Дидро. Фальконе даже подозревали в любви к Колло.

Мари Анн Колло родилась в Париже в 1748 г., она рано лишилась матери, а отец бросил ее на произвол судьбы. Пятнадцати лет она пришла в мастерскую Фальконе учиться искусству, где быстро и успешно освоила профессию скульптора. Особенно ей удавались портреты, и всю свою последующую жизнь она занимается преимущественно портретной пластикой, в частности, в собрании Государственного Эрмитажа хранятся сделанные ею великолепные портреты (бюсты) Дидро, Вольтера и самого Фальконе. Фальконе высоко ценил Колло как художника и человека и взял ее в Петербург, где она по контракту создает серию заказных портретов. Сплетни о женитьбе Фальконе на Колло не затихали и в Париже. Дидро писал ему: “Вы не женаты! Тем хуже для Вас, мой друг, потому что я знаю единственную женщину, на которой Вы в состоянии жениться...”

В Петербурге профессиональные достоинства работ Колло были высоко оценены художниками: на следующий год после приезда, в 1767 г., Академия художеств избрала ее своим почетным членом. Ее имя становится известным Екатерине, которая в 1768 г. познакомилась с Колло, посетив мастерскую Фальконе, где заказала ей свой бюст для подарка Вольтеру, а также медальоны Петра Великого и императрицы Елизаветы.

В 1773 г. в Петербург приезжает сын Фальконе Пьер-Этьен (не очень одаренный художник, легкомысленный, непостоянный и т. д.). Он влюбился в молодую воспитанницу своего отца и женился на ней, но его характер сказался на его семейной жизни. Колло, родив дочь, последовала за мужем в Париж. Пьер-Этьен вел себя по отношению к молодой жене непозволительно. Много позже, порвав с мужем, Колло с дочерью Марией Люцией поселилась в Нанси, где и умерла в 1821 г. в нищете.

Очень помогла в работе над головой “Медного всадника” маска Петра, снятая Растрелли при жизни императора в 1719 г. Снятая опытным скульптором, она обладала высокой степенью документальности.

Маска не являлась простым слепком, она была несколько переработана Растрелли. Он открыл Петру глаза, прибавил верхнюю часть головы, затылок, т. е. создал объем.

Фальконе кроме маски пользовался и “восковым образом” из Академии наук. Колло, наблюдая за работой Фальконе, почувствовала причину неудачи портрета, увидела то, чего не видел сам скульптор. Она предложила свои услуги и за короткий срок вылепила этюд, оказавшийся наиболее удачным. Фальконе с благодарностью принял эту помощь и объявил Колло своим соавтором.

Колло значительно отошла от маски: лицо приобрело более правильный рисунок, экспрессию — пристальность взгляда глубоко посаженных глаз, легкий, но энергичный поворот головы, что необходимо для монумента. Широта лепки и живописность трактовки деталей сразу же покорили Фальконе. Он не использовал созданный Колло портрет механически — многие детали гипсовой головы значительно изменены в самой статуе. Превращая работу Колло в часть монумента, Фальконе достиг еще большей обобщенности. Но нечто важное, в большой мере определяющее образ Петра, вероятно, найдено было именно Колло.

Сам характер памятника, его внутренний смысл, его динамичность — все это связано с образом коня, со стремительным взлетом на скалу сильного и красивого животного. Изучение опыта предшественников позволило Фальконе, отличному знатоку лошадей, сделать глубокие выводы о природе коня, о характере животного и его роли в общей выразительности будущего монумента.

Скептики выражали сомнения в способности Фальконе справиться с этой задачей, в том, удастся ли ему придать животному необходимую силу выразительности, экспрессию, диктовавшиеся общим замыслом. Эти разговоры дошли до Екатерины, которая в сентябре 1769 г. писала скульптору: “Вы сделаете прекрасного коня наперекор Вашим недоброжелателям, завистникам, которые не стали бы Вам завидовать, если бы Вы внушали бы им жалость, следовательно оставьте их. Пусть будет все на своем месте. Вы имеете признаки их уважения, побеждайте все препятствия и не тужите ни о чем...”

И раньше, когда Фальконе высказывал опасение об этой части композиции и подчеркивал необходимость уделить ей особое внимание,

Екатерина его успокаивала: "...эта лошадь вопреки Вам и между пальцами Вашими, касающимися глины, скачет прямо к потомству, которое, конечно, лучше современников оценит ее совершенство". Поддержка императрицы вселяла в него большую уверенность в своем труде.

Во дворе мастерской был сделан специальный помост, верхняя часть которого точно повторяла угол наклона скалы пьедестала будущего монумента. Много раз Фальконе заставлял берейтора вскакивать на вершину этого помоста, поднимая коня на дыбы. В качестве модели по указанию Екатерины предоставлялись лошади из придворной конюшни. Лучшими были два жеребца — Бриллиант и Каприз. Берейторы были большими знатоками животных. Именно они способны были оказать художнику помощь в изучении характера и повадок лошади. Позировал Фальконе, по преданию, полковник Мелисенко. Достоверно известно имя берейтора Афанасия Тележникова, к которому скульптор относился с большим уважением. Он был постоянным наездником и позировал скульптору около пяти лет.

Многолетняя работа над фигурой коня завершилась блестящей удачей. Не коня, а "Россию поднял на дыбы" Петр — в этих пушкинских словах гениально выражена суть преобразовательной деятельности Петра, в большой мере определившая образный и композиционный строй монумента. Летом 1768 г. у Фальконе возникает мысль поместить под копытами лошади змею, аллегория зла, с которым боролся Петр. Это не было украшением, а помогало раскрыть существо образа.

И по завершении монумента он не оставлял эту идею. Во-первых, новая деталь стала бы носителем большого содержания. Во-вторых, она должна была играть и важную конструктивную роль — служить третьей точкой опоры для коня. Змея была удачной находкой — зритель почти не замечает ее конструктивной функции.

Введение такой детали далеко не целиком зависело от самого художника. Этому также было много противников, критиков, сомнений. Фальконе убедил Екатерину в большой значимости аллегии (Екатерина в своем пятилетнем царствовании сама чувствовала тайные силы сторонников Петра III), и она ему ответила: "...Мне хотелось выяснить всевозможные против змеи возражения, но теперь я ей не противлюсь". Очень интересен аргумент, который не мог не подействовать на Екатерину. Уже год спустя, в 1769 г. Фальконе возвращается к вопросу о змее в одном из своих писем к императрице (переписывались они почти ежедневно). Он пишет: "Петру Великому перечила зависть, это точно несомненно, он

мужественно поборол ее, это точно несомненно, такова участь всякого человека. Если бы я когда либо делал статую Вашего величества и если бы композиция это позволила, то я бросил бы зависть внизу пьедестала”. И Екатерина отвечает: “Есть старинная песня, в которой говорится: если надо, так надо, вот мой ответ касательно змеи”.

Для большой модели перед формовкой по эскизу Фальконе змею лепил известный русский скульптор Федор Гордеевич Гордеев. Он также участвовал в чеканке и установке монумента.

Когда была закончена большая модель, ее выставили на обозрение публики. Фальконе пишет в Академию художеств: “Наконец, занавес поднялся, я, разумеется, во власти публики; моя мастерская набита битком”. Французский дипломат Корберон писал: “Сегодня я видел знаменитую конную статую Петра I. Это лучшая из всех подобных, которые мне известны. Вы знаете споры, брань и насмешки, ею вызванные; могу Вас уверить, что она заставит забыть все это”.

Небольшую модель памятника Фальконе посылает своему учителю Лемуану, мнением которого особенно дорожил. Он не ошибся в доброжелательности маститого художника и в том, что тот по достоинству оценит его замысел. “Я считал Фальконета всегда очень талантливым, — писал Лемуан, — и твердо был убежден, что он создает великолепный монумент русскому царю, но то, что он создал, превзошло все ожидания”.

Мы уже писали о том, что победителем конкурса на место установки монумента стал архитектор Фельтен. Он выполнил план площади с обозначением приблизительных контуров постамента и проект гранитной набережной, по центру которой в створе моста “возвышался памятник”. Спуски пристани по краям этого участка гранитной набережной решены в тех же формах, что и остальные на всем протяжении каменного берега Невы.

История создания пьедестала явилась эпохальным событием, цепью ярких, часто драматических эпизодов, в которых проявились талант и усердие, изобретательность и профессионализм многих сотен людей.

Архитектор Фельтен был свидетелем и участником этих событий и запечатлел их в своих рисунках. Имя Фельтена тесно связано с дальнейшей судьбой монумента. В 1773 г. уходит в отставку постоянный посредник между Фальконе и Конторой строений некий г-н Ласкари. Вместо него назначается архитектор Фельтен, много сделавший для доведения пьедестала до нужных очертаний.

Роль пьедестала — каменной горы, на которую должен был взлететь всадник, была ясна с самого начала. Современник написал: “Камень, сам себе украшением служащий, должен напоминать о тогдашнем состоянии державы и о трудностях, кои творец оной при произведении великих своих намерений преодолевать должен был”. Фальконе до приезда в Петербург отчетливо не представлял пьедестал будущего монумента. В его рисунках это был набор камней, которых требовалось вначале двенадцать, затем шесть, которые соединены должны быть медными или железными крючьями.

Интенсивная эскизная работа вносила существенные коррективы — вместе со всадником совершенствовалось и представление о скале. Фальконе пришел к выводу о необходимости цельной скалы. Бецкой считал, что это были очередные капризы скульптора; он сомневался в целесообразности новой “затеи” художника. Бецкой считал невозможным найти такой камень, а “если бы и сыскался, то по великой тягости его не привезти”. Решением Конторы, принятым с согласия Фальконе, были полумеры — шесть крупных камней, собранных вместе, придадут пьедесталу подобие дикой скалы. Это было 5 мая 1767 г., и Бецкой переходит к осуществлению решения Конторы. Снаряжаются экспедиции “каменных дел мастеров” в Выборгскую, Новгородскую, Санкт-Петербургскую губернии, ищут близ Ладожского канала и озера. Работы ведутся в чрезвычайной спешке (как всегда у Бецкого) и носят характер полной секретности.

Проходили месяцы, а поиски были малоутешительными: не нашли не только скалы, но и указанных размеров шести камней. Поиски затруднялись еще и тем, что камни надо было найти одинаковой фактуры. Камни продолжали искать еще более упорно, но бессистемно и в обстановке невероятной спешки. Искали в Ораниенбаумском уезде, около Петергофа, в Копорском и Ямбургском уездах. Обилие снега затрудняло поиски. К концу 1768 г. было обнаружено несколько камней, по размерам приближающихся к необходимым.

Следует помнить, что камень был необходим не только для пьедестала, но и для общего фундамента, фундамента плавильной печи и облицовки берега Невы. По предварительным расчетам требовалось 144 кубические сажени “дикого морского камня”. Каждая штука камня должна была быть “длиною от двух до полутора аршин, шириною от полутора до одного аршина до двенадцати вершков”. Были наняты подрядчики, которые специализировались на ломке камня и его доставке в город. Но для пьедестала камни искали размера ранее небывалого.

В начале сентября 1768 г. в “Санкт-Петербургских новостях” было сообщение о том, что Контора строений озабочена поиском большого камня для пьедестала к монументу Петра Великого и готова выдать вознаграждение каждому, кто укажет местонахождение такого камня. Тогда-то и появился в Академии художеств крестьянин Семен Вишняков с сообщением о найденном им камне.

Семен Григорьевич Вишняков был государственным крестьянином из Устюжского уезда. Это был профессиональный плотник, добытчик камня и каменотес, который вместе со своими товарищами поставлял камень для облицовки Екатерининского канала, реки Невы, для многих сооружений столицы. Кроме того, Вишняков с весны 1768 г. уже был связан с создателями монумента, собираясь добывать гранит для фундаментов. О большом камне он знал давно, облюбовал его когда-то для своих нужд и предполагал расколоть на более мелкие куски для поставок в город, но не сделал этого из-за отсутствия необходимого инструмента. Об этом-то камне, называемом в народе “гром-камень”, поскольку он был расколот молнией, вспомнил и доложил Вишняков.

10 сентября 1768 г. Ласкари сообщил Бецкому о том, что по указанию Вишнякова обнаружен цельный камень, гранитная скала близ Конной Лахты в шести верстах от залива и двадцати верстах водою до Петербурга. Гром-камень произвел сильное впечатление на Фальконе. Осмотрев монолит, скульптор уже не мог вернуться к составной горе. Перед ним была такая “дикая скала”, о какой только можно было мечтать. Об этом была поставлена в известность Екатерина, и судьба будущего пьедестала была решена.

В указе Екатерины от 15 сентября 1768 г. Морскому ведомству вменялось в обязанность “чинить всякое вспомоществование без упущения времени как инструментами и прочим для подъемов и возки камня по земле, так и большим судном с надлежащим укреплением для такого тягостного камня, людьми и другими судами, перевезть его водою до Исаакиевского берега, причем старание приложить нашему адмиралу Мордвинову, употребляя те меры, дабы оной камень немедленно сюда доставлен был”. Перевозка камня превратилась в целую проблему, ушло много времени, решено множество технических головоломок, привлечены сотни людей, проявивших при ее решении талант и находчивость.

Прежде всего дело осложнилось глубоким залеганием камня, думали даже, что это часть большой скалы. После необходимых подкопов убедились, что “камень обособленный 44 футов длиной, 22 шириной и

27 высотой” (13,4г6,7г8,2 м). Современник описывает камень так: “Он лежал в земле на 15 футов глубиною, наружный вид его уподобился параллелепипеду, верхняя и нижняя часть были почти плоски и зарос со всех сторон мхом на два дюйма толщиною. Произведенная громовым ударом расселина имела направление от севера к югу, была шириною в полтора фута и почти вся наполнена черноземом, из которого выросло несколько березок вышиною почти в 25 футов”.

Размеры камня, его дикость производили сильное впечатление, “...взирание на оной возбуждало удивление, а мысль приводила в ужас”. Перевозка камня стала яркой страницей не только в истории памятника, но и в истории отечественной техники и такелажного и морского дела.

Восстановим вкратце основные события. 14 сентября 1768 г. начали очистку камня и выемку земли около камня: с каждой стороны по 12 сажен и 2 сажени в глубину (25,6г4,2 м). Поздней осенью и зимой обрубали 6 кубических саженей камня у той стороны “которой надлежало быть внизу”.

Отколотую молнией часть камня разделили на две неравные части для того, чтобы присоединить спереди и сзади к пьедесталу. Это сделали, чтобы потом удлинить пьедестал, так как размеров скалы не хватало в длину. К февралю 1769 г. первоначальные работы были завершены. За четыре месяца все работы по очистке выявили камень полностью, и он предстал перед строителями во всей своей красе.

Начался поиск способа перевозки камня по суше к заливу. Испробовано было очень много вариантов, но самым эффективным оказался способ “подшипника” (автор неизвестен, но помощник Бецкого Ласкари приписал авторство себе). Решено было перевозку камня осуществить при помощи бронзовых шаров, перекатывавшихся по обитым медью желобам. В два параллельных желоба пускались через определенные промежутки шары, которые, в свою очередь, покрывались вторыми, верхними желобами — на них находился сам камень. По мере передвижения освобождающиеся желоба приставлялись спереди, и таким образом камень непрерывно продолжал двигаться при помощи канатов и ворот. Для надежности был сделан макет в 1/10 натуральной величины. Расчеты оправдались.

Подготовили раму-решетку под камень, проложили дорогу к заливу, изготовили двенадцать огромных рычагов для укладки камня на решетку (каждый состоял из трех бревен общей длиной около 30 м). Для подъема камня использовались четыре ворота с канатами толщиной в 5 см.

12 марта 1769 г. камень подняли, уложили на решетку и подперли толстыми сосновыми бревнами со всех сторон. Этим дело ограничилось, надо было ждать зимы, а пока укрепляли дороги, в болота заколачивали сваи, готовили спуск к воде. В мае 1769 г. Фальконе привез лекало для обработки камня. Нужно было отколоть 9 футов камня. Откололи только пять, дальнейшие работы запретил Бецкой. Ранней зимой решетку с камнем подняли домкратами и подложили под нее желоба с бронзовыми шарами (30 шаров по 5 дюймов в диаметре располагались через 2 фута один от другого). Рабочие (32 человека) приводили в движение ворота (их было два) при помощи которых тянули камень. На подъемах использовали до 6 воротов.

Рассказы о событиях в Лахте взволновали горожан. Началось подлинное паломничество в места передвижения камня. 30 января приезжала и Екатерина. На движущемся камне продолжали работать каменщики, кузня, где правили инструмент, и барабанщики, подающие сигналы для движения. 27 марта 1770 г. после сложных маневров камень наконец был доставлен к пристани. За четыре месяца был пройден путь в восемь верст. “При большом камне” в Лахте работало 1220 поденных рабочих. Наступил новый, не менее сложный, этап перевозки водой по заливу и по Неве.

Адмиралтейств-коллегия подготовила прам (плоскодонное широкое судно для перевозки грузов) и сопровождающие суда — краеры. Все это было довольно сложно организовать — шла война с Турцией.

Обычный прам не годился, надо было создать более устойчивое судно специально для Гром-камня. Было спроектировано новое, так называемое ластовое, судно, его создал “галерный мастер” Григорий Корчебников — сам строил и успешно руководил работой. Он достиг абсолютной надежности в конструкции, сумел предусмотреть случайности, точность его расчетов была безупречна.

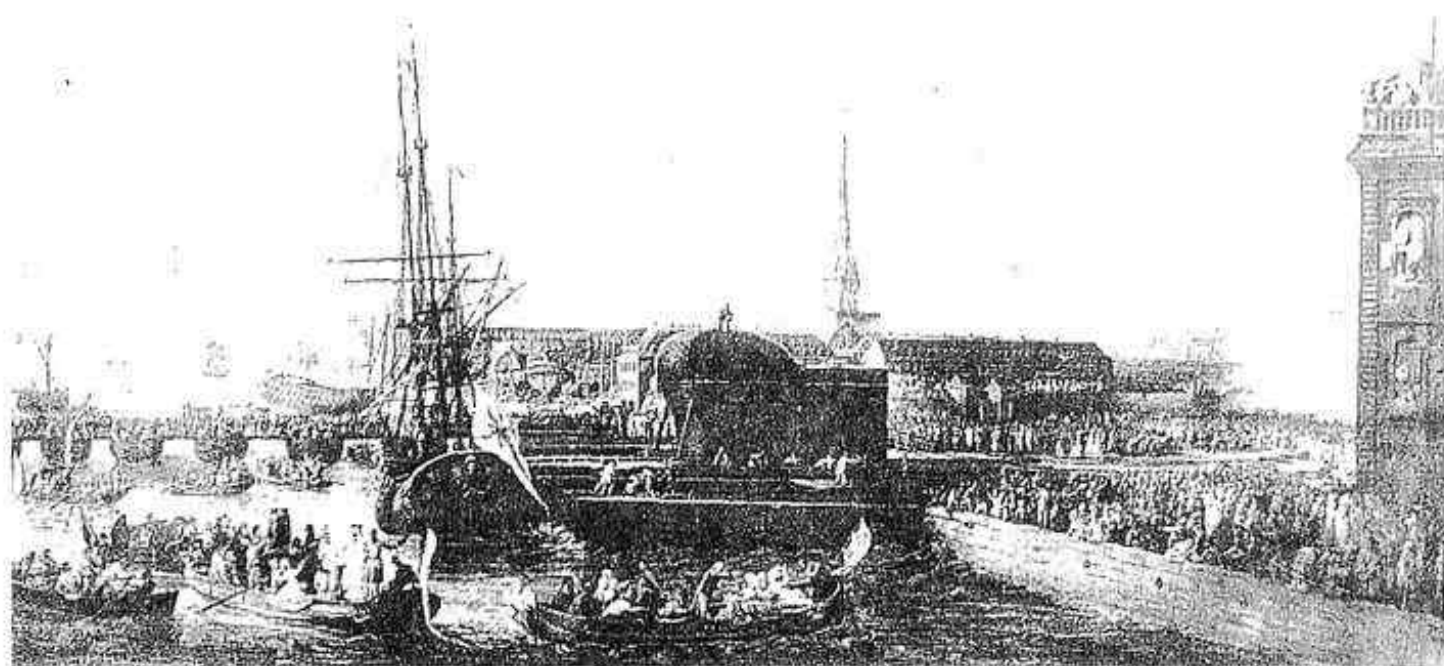
Проект был утвержден 8 апреля 1770 г. и артель плотников-корабелов под руководством Вишнякова (того, кто нашел Гром-камень) и Шляпкина в начале мая 1770 г. приступила к сооружению судна.

Судно было уникальным: без парусов, приводилось в движение дополнительными судами. Это было судно совершенно своеобразных пропорций: небольшая высота — 11 футов (3,3 м) по сравнению с длиной 189 футов (58 м) и шириной 70 футов (21,3 м), очень устойчивое при такелажных работах. Своеобразные пропорции объяснялись и тем, что ему предстояло провезти груз по мелководью (глубина не превышала 11 футов (3,5 м)).

Матвей Михайлов, такелажный мастер, и Григорий Корчебников постоянно находились при судне и на Лахтинском берегу. Главным руководителем погрузки назначен капитан-лейтенант Яков Лавров, имеющий богатый опыт строителя и организатора работ.

Погрузка камня на судно представляла немалую сложность. Решено было судно затопить, а после погрузки камня откачать воду. Для этой операции требовалась тщательная очистка дна и осмотр его водолазами.

Все теперь зависело от морского ведомства, ведь малейшая оплошность могла привести к катастрофе. Адмиралтейств-коллегия с понятным волнением следила за этими работами. Когда судно затопили, оно оказалось все же выше береговой линии на 3 фута (90 см). Пришлось разнять борт, а затем осторожно, при помощи тех же желобов, двумя воротами втянуть камень на специальную бревенчатую решетку, находящуюся на судне. Затем закрыли борт. Ворота были установлены на другом судне. Погрузку провели за один день. Однако радоваться было рано. Когда откачали воду, случилось неожиданное — судно всплыло с носа и с кормы, а середина его с камнем продолжала оставаться на дне. Бревна и доски прогнулись. Это получилось из-за того, что камень должен был стать вдоль судна, а его погрузили поперек (как подвезли к берегу). Нагрузка была распределена неравномерно. Но возник спасительный проект — решено было от носа и кормы подвести к камню бревна-опоры, чтобы передать распорное усилие во все стороны. Когда снова откачали воду, судно оказалось на плаву. По сторонам прама с камнем были для

Выгрузка «Гром-камня» на Сенатской набережной.

Худ. Л. Бларамберг

устойчивости поставлены два небольших судна — краеры. Необычная сложная флотилия двинулась к столице. Шли заливом, избегая мелей, затем по Малой Невке в Большую Неву, через весь город, мимо Петропавловской крепости, Зимнего дворца и Адмиралтейства, пройдя 12 верст. 20 сентября 1770 г. при огромном стечении народа Гром-камень был сгружен на пристань (опять затапливали прам, предварительно забив в дно реки бревна) и вскоре оказался на месте, превратившись уже в пьедестал монумента.

Все участники были одарены “по пропорции”, получили также вино и пиво. Задействовано было (с учетом битья свай под фундамент и переноски дикого камня и бутовой плиты) 5048 рабочих только на праме и 343 морских служителя. Горожане брали осколки камней на сувениры. Камень всем очень понравился. Вся эпопея с перевозкой камня на место большое впечатление произвела не только в России, но и за границей. В честь перевозки камня была выбита памятная медаль с гордой надписью “Дерзновению подобно”.

В 1771 г. перевозку оставшихся в Лахте камней продолжали с командой из трех матросов. Опыт сделал свое дело — 19 октября 1771 г. благополучно доставили 17 крупных камней. В 1773 г. Ласкари, бывший постоянным посредником между Фальконе и Конторой строений, уходит в отставку и уезжает из России. Это была личность примечательная, явный авантюрист, один из тех эмигрантов, которых немало было в России в XVIII столетии. Грек с острова Кефаллиния, он, по преданию, был замешан у себя на родине в каком-то уголовном деле, бежал в Россию и поселился в Петербурге, где сделал неплохую карьеру (для собственного обогащения). Из России он уехал в Париж, где издал альбом, в котором опубликовал прихваченные из Петербурга чертежи механизма перевозки и рассказал историю перевозки Гром-камня, не забыв приписать себе все успехи. Затем он вернулся на родину, в Грецию, где приобрел имение с плантациями, но вскоре его же рабочие убили его за жестокость.

В 1773 г. в Петербург приезжает Д. Дидро. Встреча Фальконе с Дидро оказала благотворное влияние на художника и его детище. Гром-камень на площади — невероятное осуществилось. Но Фальконе снова волнуется, его намерение обтесать камень по шаблону, им нарисованному, было встречено в штыки. Критика была ожесточенной, художника судили все кому не лень. Он отбивался как мог и делал это отлично. Он выпустил брошюру-объяснение своего замысла. В ней Фальконе утверждал, что все, кто имел отношение к работе, знали о его намерении сократить размеры

скалы, “так как не делают статуи для постамента, а делают постамент для статуи”. Его возражения были вполне обоснованными. Он хотел сделать часть пьедестала более пологой. Бецкой жалуется на Фальконе. Ему представилась еще одна возможность доказать Екатерине строптивость художника. Он воспользовался ею, и на сей раз, видимо, не без успеха. Короче говоря, “самовольное умаления камня” принесло скульптору много хлопот и огорчений.

Наступил момент начала отливки памятника, и Фальконе стал ее непосредственным организатором — главным действующим лицом.

Отливка требовала расчета и высокого профессионализма. История европейской монументальной пластики еще не знала такой композиции, опыта в подобного рода литейных работах не было.

Строительство литейного дома было определено еще 16 апреля 1768 г. когда модель еще была не готова, стоять он должен был вблизи от места установки монумента. Найти место для него было не просто, так как площадь была занята складскими помещениями строящегося Исаакиевского собора и другими постройками.

Пока подготавливали площадь для постройки на ней литейного дома, начали искать опытных литейщиков. По просьбе Фальконе начали переписку с заграницей в надежде найти опытного литейного мастера. Писали во Францию, в Париж, писали и литейщику Гоору в Копенгаген, в Швецию и т. д., но безуспешно — мастера отказывались по разным причинам. На пробы и эксперименты с печью, толщиной отливки и т.п. ушло 3 года. Фальконе взялся отливать монумент сам, взяв себе в помощники литейщика Емельяна Евстафьевича Хайлова, который покорила его своим мастерством, опытом и отношением к делу.

Хайлов родился в 1722 г. в крестьянской семье. Шестнадцатилетним юношей он в 1738 г. поступил в литейные мастерские петербургского Арсенала, с которым связал всю свою жизнь и достиг самого значительного положения. В 1763 г. его назначили литейным мастером. Из 350 мастеровых Арсенала только двое имели звание литейных мастеров — Степан Копьев и Емельян Хайлов. Его учителем был С. Копьев, которому тогда уже было шестьдесят лет и который, в основном, занимался с учениками.

В 1770 г. Хайлов был привлечен Конторой строений как опытный мастер для производства желобов, необходимых для перевозки Гром-камня. Эти работы требовали профессионального умения. Им были отлиты 92 желоба общим весом 1329 пудов, 51 бронзовый шар, по которым скользил камень. Работа им была произведена с крайним прилежанием.

Бецкой и сам Фальконе убедились в его высоком мастерстве. Отливка монумента, производимая в самом центре города, была волнующим событием — о ней постоянно говорили, писали в газете, за ней следили горожане. Адмиралтейством были приняты противопожарные меры (литейный амбар находился на берегу Невы между Адмиралтейством и Сенатом, ближе к Адмиралтейству). Много трудностей пришлось преодолеть при отливке: плохое заполнение формы, перекал печи, поломка формы под тяжестью бронзы и вытекание расплавленного металла. При поломке формы присутствовал литейщик Хайлов, который с опасностью для жизни предотвратил аварию и заставил бронзу течь из печи в форму. Он спас отливку, и о его подвиге из статьи, опубликованной в газете “Санкт-Петербургские ведомости”, узнал весь город.

После первой отливки в работе наступил перерыв. Бецкой чинил всякие препятствия в привлечении чеканщика Сандоца. Фальконе с трудом уладил это дело, и чеканщики под руководством Сандоца, проработав два года, отлично справились с чеканкой и шлифовкой.

Первоначально, в 1767 г., Фальконе рассчитывал закончить работу через восемь лет. Срок этот подтвердился уже в 1772 г. Но этому не суждено было сбыться. Ранней весной 1775 г. у Фальконе прибавилось забот в делах семейных и другие трудности отодвигали срок окончания монумента. Вторичная отливка была произведена в 1777 г. В работе не все прошло благополучно (погнулась глиняная форма у шеи коня).

Обе части монумента соединили по шву, вынули лишний каркас и т. п. Отливки получились в конце концов очень хорошие, и Фальконе гордился тем, что они были произведены им совместно с Хайловым.

Екатерина, в сущности, не помогала художнику, который был вынужден вновь и вновь обращаться к ней со всевозможными просьбами. Ей надоел этот неумный человек, наскучила его требовательность, и она прервала переписку. Императрица так и не посетила мастерскую, чтобы осмотреть статую. Все это послужило сигналом для недоброжелателей. Источником слухов о том, что Фальконе испортил скалу, испортил отливку статуи, был Бецкой. Это переполнило чашу терпения скульптора и Фальконе решил оставить Петербург, не дождавшись окончания работ. Он пишет последнее письмо Екатерине. Оставшись в полном одиночестве, беззащитным перед нападками недругов, требующих перелить статую заново, распространяющих всякие небылицы, Фальконе выразил в письме сдержанное раздражение и упрек, искреннюю заботу о своем детище и чувство собственного достоинства. Двенадцать лет своей жизни Фальконе посвятил большой художественной идее.

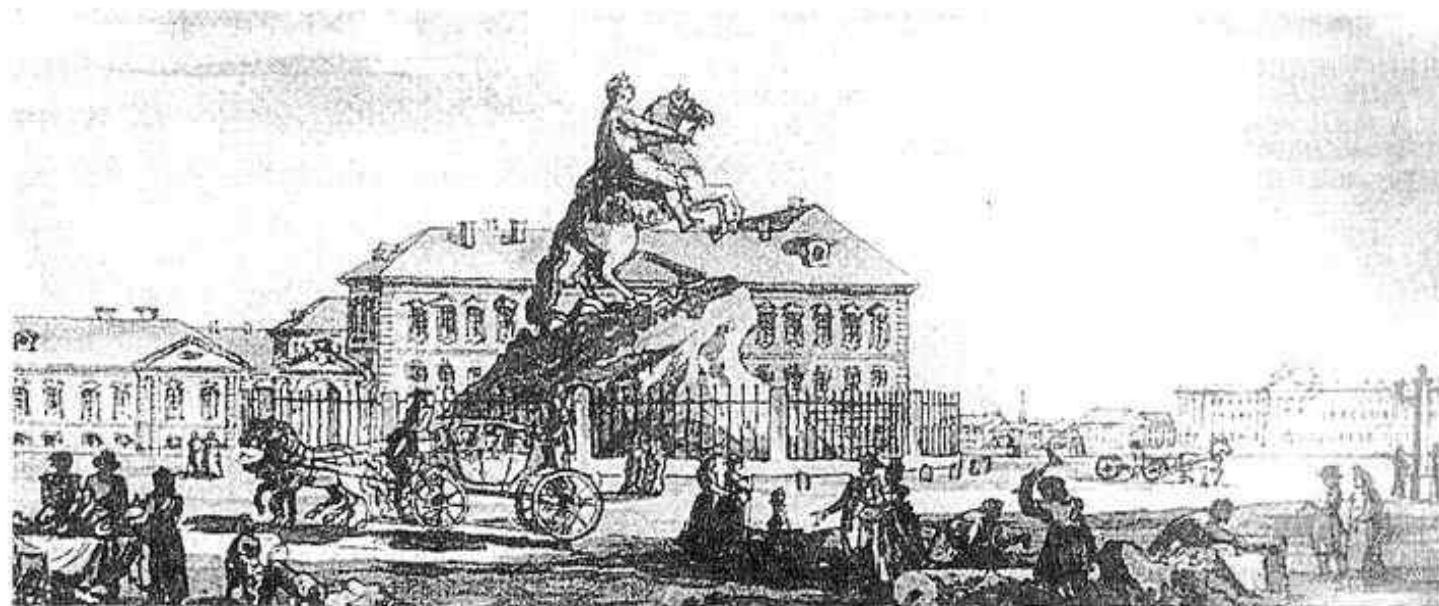
С апреля 1780 г. официальным руководителем работ уже окончательно был Фельтен. Привлечение Фельтена к работе над монументом имело большое значение. Еще раньше Фальконе с удовольствием воспринял назначение архитектора своим помощником. Их сотрудничество было обоюдно плодотворным.

Окруженный атмосферой недоверия со стороны официальных кругов, в состоянии крайнего нервного напряжения, когда уже окончилась чеканка и осталось только наведение глянца, укрепление группы на пьедестале, торжественное открытие, и Фальконе мог ожидать почестей — он не выдержал. Его уже открыто упрекали в злоупотреблении деньгами. Уехать или нет — решать было предоставлено самому скульптору. Дальнейшее пребывание его в Петербурге стало неприятным — и он уезжает на родину.

Фельтен закончил пьедестал, приставив впереди и сзади скалы камни, несколько его удлинявшие, и придал ему ту форму, которая сохранилась по сей день.

Установка монумента прошла без особых усилий, расчет Фальконе был идеально точен. Фельтен укрепил с обеих сторон пьедестала надпись, которая в окончательном варианте была составлена самой Екатериной: “Петру Первому, Екатерина Вторая”. Фальконе еще в 1770 г. предложил довольно лаконичную надпись “Петру Первому воздвигла Екатерина Вторая”, а Екатерина ее сделала еще более краткой. Фельтен в большей части сделал модель змеи, отливку и установил ее на камне.

Площадь еще была застроена разными временными постройками. Фельтен привел ее в полный порядок, замостил. По его проекту памятник был обнесен оградой.

*Памятник Петру I на Сенатской площади.
Рисунок Дж. Кваренги, 80-е гг. XVIII в.*

7 августа 1782 г. исполнялось столетие со дня вступления на престол Петра Первого. Именно к этому дню и приурочено было торжественное открытие памятника. Закончились шестнадцать многотрудных лет, в течение которых Фальконе с большой группой помощников работали над созданием монумента.

Вместо деревянного забора, закрывавшего установку монумента, была создана новая ограда в виде полотняных щитов, расписанных многокрасочными декоративными пейзажными композициями, высотой 12 метров. Открытие монумента стало всенародным праздником.

Императрица Екатерина избрала место на балконе Сената, а для двух первых классов с фамилиями предназначались места у окон комнат Сената. Для прочих же разных чинов зрителей поставили трибуны подковообразно вокруг площади, открытой стороной к Неве. На праздник прибыли почти все полки. В 5 часов вечера при ясной погоде был дан сигнал ракетой, и “ширма” в дыму “исчезла”, открыв взглядам прекрасный монумент Петра. В честь этого события были выбиты медали золотые и серебряные, а Радищев создал яркую, праздничную картину этого события в своих воспоминаниях.

Фальконе с 1780 г. жил в Париже. Много позднее, уже после открытия памятника, он получил из Петербурга золотую и серебряную медали в честь открытия монумента. Его избрали адъюнкт-ректором Парижской Академии художеств. Он был полон разнообразных творческих планов. Однако силы мастера оказались на пределе, его разбил паралич, и несколько лет он провел в постели. Умер Фальконе в 1791 г. Россия отблагодарила его почитанием великого творения, шедевра искусства XVIII столетия.

Название площади — Петровская — как-то не прижилось, горожане по-прежнему ее называют Сенатской. При съезде с моста ее как пропилеи охраняют два портика: слева портик небольшого здания — гауптвахты Адмиралтейства, справа — аналогичный портик здания Сената. До начала XIX в. все еще существовали рвы и бастионы Адмиралтейства. Большие перемены ждали площадь в первой четверти XIX в. В 1818 г. южную сторону площади огородили забором, за которым начали строить новый Исаакиевский собор. Площадь по-прежнему была транзитной.

В 1825 г. 14 декабря на Сенатской площади произошло одно из крупнейших событий в истории русского революционного движения, названное восстанием декабристов. Декабристами назвали русских дворянских революционеров, первыми в России поднявших вооруженное восстание против самодержавия. Это были почти исключительно

офицеры — дворяне, участники Отечественной войны 1812 г., разделявшие передовые идеи своего времени и хорошо знакомые с русской и западноевропейской политической литературой.

Их общественно-политическое мировоззрение формировалось на основе разложения феодально-крепостнического строя и развития капиталистических отношений, в условиях обострившейся классовой борьбы в России. Появились тайные политические общества: “Союз спасения”, “Союз благоденствия”, “Южное общество” во главе с П. И. Пестелем; “Северное общество” во главе с Н. М. Муравьевым и К. Ф. Рылеевым.

Всех членов этих обществ объединяло стремление к уничтожению крепостного права и самодержавия. Они были пламенными патриотами, но среди них не было полного единства: наиболее решительные из них (П. И. Пестель) высказывались за установление демократической республики, другие (Н. М. Муравьев) — за конституционную монархию.

В момент междоусобицы, вызванного внезапной смертью Александра I, члены “Северного общества” подняли 14 декабря 1825 г. в Петербурге восстание; они вывели на Сенатскую площадь ряд воинских частей, отказавшихся от присяги царю Николаю I. Однако правительство успело подтянуть верные самодержавию воинские части и даже артиллерию, и восстание было жестоко подавлено. Пять виднейших декабристов — П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский и К. Ф. Рылеев — были повешены. К суду привлечены 579 человек (из них 79 % военных). Свыше 100 участников восстания были сосланы в Сибирь.

В 1925 г. перед столетней годовщиной выступления декабристов площадь получила современное название — площадь Декабристов. В память о событиях 1825 г. на здании Сената установлена мемориальная доска.

В 1825 г. площадь имела совсем иной вид. В 1823 г. было закончено сооружение западного крыла Адмиралтейства. С трех сторон оно было окружено большими площадями — Сенатской, Адмиралтейской и Дворцовой. Вдоль здания, с южной стороны, был создан бульвар — любимое место прогулок петербуржцев. В 1817 г. бульвар перепланировали, пересадив деревья ближе к стенам. Бульвар исчез в 70-х гг. XIX в., когда решено было устроить на Адмиралтейской и Сенатской площадях сад. Одна из аллей сада слилась с бульваром. Сад был открыт в 1874 г. и назван Александровским.

У спуска к Неве, украшенного сейчас вазами, в 1825 г. находилась пристань, здесь сгружали доставленные водой материалы для строительства Исаакиевского собора — карельский мрамор, финский гранит, дерево и т. п.

От пристани вдоль западного фасада Адмиралтейства до строящегося Исаакиевского собора шла ограда, вдоль которой складывали разные строительные материалы. Поэтому площадь была меньше, чем в настоящее время. С южной стороны площади находилась строительная площадка Исаакиевского собора. За высокими заборами располагались мастерские, дома, складские и подсобные помещения. Западнее находилось здание манежа Конной гвардии, севернее которого проходил Адмиралтейский канал с двумя деревянными мостами через него по восточной и западной сторонам площади. По другой (северной) стороне канала стоял дом купчихи Кусовниковой, а на набережной — угловой дом старого здания Сената. Сенатскую площадь и Васильевский остров соединял наплавной Исаакиевский мост.

По оси моста в центре площади, которая была вымощена булыжником, стоял окруженный невысокой оградой памятник Петру I. В нашем сознании этот монумент неразрывно слился с пушкинским “Медным всадником”:

*“Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!”*

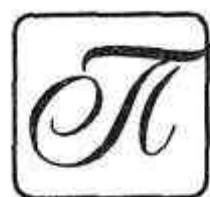
*Куда ты скачешь, гордый конь
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?”*

Памятник императору Петру I.
Фото с открытки 1910 г.
из коллекции автора

*Вдоль по Английской
набережной*

уть мимо закругленного угла здания Сената выводит нас на просторы Невы. Угловую часть д. 2 по Английской набережной Росси, верный своему замыслу, украсил колоннадой из восьми свободно стоящих колонн, поставленных на стену первого этажа, играющего роль цоколя. Изогнутая дугой в 90° монументальная колоннада, увенчанная ступенчатым аттиком, играет особенно важную роль при обозрении здания с Невы и набережных. Пластическая проработка невского фасада немного сжала композиционные элементы.

Дом 2. Угловой фасад здания Сената

Невское крыло здания по длине меньше, чем выходящее на площадь. Росси здесь применил то же архитектурное решение: устроил колоннаду-лоджию, но в шестиколонном исполнении, убрав по три оси окон по бокам колоннады, приблизив портики из двух колонн со скульптурами “Твердость” и “Бдительность”. В плане здание Сената занимает по периметру большой квадратный двор, почти в два раза больший, чем двор Синода. Въезд со стороны Галерной улицы, д. 1.

Со стороны набережной входа в здания нет. Интерьеры здания Сената созданы по проектам Росси. Самым парадным был зал заседаний Сената, стены которого отделаны искусственным мрамором, плафон расписан художником Б. Медичи. Парадная лестница расписана Ф. Рихтером (до наших дней там сохранились лепные карнизы). Другие помещения оформлены группой художников во главе с В. Ширяевым и А. Соловьевым. Сохранилось и помещение бывшей церкви, крестообразное в плане, оно украшено шестью колоннами. Центральное помещение перекрыто куполом на парусах.

В начале XVIII столетия участок д. 2 принадлежал А. Д. Меншикову, первому из ряда русских временщиков, фавориту Петра I и Екатерины I, за Полтавскую битву получившему фельдмаршальское звание. Петр возвел его в достоинство светлейшего князя Ижорского. Энергичный, он все делал из своекорыстных мотивов, был под следствием. Все злоупотребления только поколебали доверие и расположение Петра, не лишив Меншикова всецело влияния и власти. Многие его деяния заслуживали наказания, от которого он был избавлен смертью Петра. При Екатерине I был истинным правителем. Попытка добиться силой герцогства Курляндского Меншикову не удалась, как не удалось получить согласие на брак дочери Марии с Петром II. Был Меншиков уличен и в составлении подложного завещания Екатерины I. Все это послужило причиной его ареста 8 сентября 1727 г. и конфискации всего имущества. Меншикова с семьей сослали в Березов, где 12 ноября 1729 г. он скончался.

Дом опального князя перешел в собственность А. И. Остермана. Остерман Генрих-Иоган-Андрей Иванович (1686-1747) приехал в Россию в 1704 г., служил переводчиком, секретарем посольского приказа. В 1711 г. сопровождал Петра I в Прутском походе. Получил баронское достоинство за содействие совместно с Брюсом в заключении Ништадского мира со Швецией. Впоследствии Остерман — вице-президент коллегии иностранных дел, советник Петра I, составитель “Табели о рангах”. При Екатерине I занимает посты вице-канцлера, главного начальника над почтами,

президента коммерц-коллегии, члена Верховного Тайного Совета. Выбран воспитателем Петра II. Отошел от замыслов “Верховников”, переписывался с Анной Иоанновной. Награжден ею 1730 г. графским достоинством. Советник Бирона. При Анне Леопольдовне — генерал-адъютант, после удаления Миниха стал во главе правления. Зная о заговоре Елизаветы Петровны, предупредил Анну Леопольдовну. При Елизавете Петровне Остерман предан суду и приговорен в четвертованию, но казнь заменена вечной ссылкой в Березов, где он прожил 5 лет. После ссылки Остермана дом в 1744 г. пожалован А. П. Бестужеву-Рюмину, который при Елизавете Петровне стал вице-канцлером, сенатором, а получив орден св. апостола Андрея Первозванного, — “великим канцлером”. Бестужев-Рюмин 16 лет управлял Россией. Предпочтение он оказывал Венскому двору, ненавидел Пруссию и Францию, спровоцировал разорительную войну (убито более 300 тыс. русских воинов). Был своеволен в прекращении успешных в дальнейшем военных действий. В 1758 г. лишен чинов, знаков отличия и удален в свое имение. Сторонник маленького Павла, противник (взаимно) Петра III.

При Екатерине II вельможа реабилитирован, стал генерал-фельдмаршалом, был дипломатом. Как писал о нем Манштейн, “был ума разборчивого, опыт имел и навык в государственных делах, чрезвычайно трудолюбив, горд, хитер, мстителен, неблагодарен и в жизни неводержен...”

В 1763 г. дом его перешел в казну и был приспособлен для Сената, переведенного с Васильевского острова. В 1780-1790 гг. барочный дом Бестужева-Рюмина был перестроен (предположительно И. Е. Старовым), и его фасад получил новую отделку характерную для русского классицизма.

Вплотную к зданию Сената примыкает участок д. 4, на котором построено здание — выдающийся памятник русского классицизма конца XVIII — начала XIX столетия. Участок, как и предыдущий, простирается до Галерной улицы, глубина его 120 м. В 20-х гг. XVIII в. также принадлежал А. Д. Меншикову. В 1732 г. дворцы Меншикова перешли в собственность вице-канцлера А. И. Остермана. Построенный Остерманом каменный дом по протяженности был равен центральной выступающей части (ризалиту) главного корпуса дома графини Лаваль, выходящего сейчас на набережную. В 1743 г. Елизавета Петровна подарила дом опального Остермана генералу В. Ф. Салтыкову — родному дяде императрицы Анны Иоанновны, брату жены царя Иоанна Алексеевича, генерал-адъютанту, генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга и сенатору.

Дом 4. Особняк А. Г. Лаваль

В последней четверти XVIII в. владельцами дома были А. И. Строганов, а затем его сын Г. А. Строганов (1770-1857), граф, член Государственного Совета, посол в Швеции, Испании и Турции. В 90-х гг. XVIII в. дом подвергся коренной перестройке по проекту архитектора А. Н. Воронихина.

В 1800 г. Строганов продал дом А. Г. Козицкой, дочери статс-секретаря Екатерины II, когда она вышла замуж за француза-эмигранта графа И. С. Лаваля. Служивший в Министерстве иностранных дел, Лаваль быстро и удачно сделал карьеру и стремился к высокому положению в петербургском обществе.

По заказу новой владелицы, графини А. Г. Лаваль, в 1806-1809 гг. Жак-Франсуа Тома де Томон (1759-1813) перестроил дом внутри и снаружи. Главный фасад, обращенный на набережную, он декорировал колоннадой из десяти ионических трехчетвертных колонн, равных по высоте второму и третьему этажам. В оформлении узких, в три оси, боковых крыльев были использованы мотивы трехчастных окон с низкими треугольными фронтонами — сандриками над ними, над которыми в неглубоких нишах

архитектор поместил несколько скульптурных панно на мифологические темы. Цоколь дома размещен над полуподвалом. Спокойный ритм колоннады завершен ступенчатым аттиком. Хорошо найдены пропорции членения фасада по горизонтали. По рисункам А. Н. Воронихина были созданы фигуры львов, размещенные с обеих сторон крыльца. За полтора века толщина культурного слоя выросла, и львы оказались без постаментов, прямо на тротуаре, поэтому в 70-х гг. XX в. часть набережной от д. 2 до д. 36 была реконструирована. Верхний слой срезан на 70 см, и львы теперь стоят на постаментах у крыльца. Восстановлены и пропорции зданий. Представляют интерес частично сохранившиеся интерьеры, созданные в 1810-1820 гг. Это вестибюль и парадная лестница. Вестибюль украшен мощными дорическими колоннами и пилястрами. Более богата и изыскана отделка парадной лестницы — в виде ротонды, перекрытой куполом с кессонами, украшенными розетками и звездами. Большой зал (ныне читальный зал архива) декорирован колоннами и перекрыт зеркальным сводом с полихромной росписью (по проекту архитектора Н. Шерпантье, роспись Б. Медичи и С. Безсонова). Голубой зал отделан по проектам архитектора Г. А. Боссе в 40-х гг. XIX в. Дом замыкает по периметру двор со въездом с Галерной улицы, д. 3. Фасад этого доходного дома создан архитектором Министерства иностранных дел А. М. Камуцци в 1853 г.

Дом Лавалей стал известным как центр литературно-музыкального Петербурга. В его стенах в литературном салоне графини Лаваль бывали А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов, А. С. Грибоедов, А. Мицкевич. В присутствии двух последних 14 мая 1828 г. Пушкин читал своего “Бориса Годунова”.

Дочь Лавалей, Екатерина Ивановна, вышла замуж за князя Сергея Петровича Трубецкого, полковника, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. В 1822 г. Трубецкой, вернувшись из Парижа, поселился с женой в доме тестя. С этого времени дом Лавалей оказался тесно связанным с декабристами.

У Трубецкого, комнаты которого находились в нижнем этаже западного крыла дома, собирались члены Северного общества. В марте 1824 г. у него дважды бывал П. И. Пестель, бывал у него и К. Ф. Рылеев.

Будучи в Киеве, Трубецкой (тогда он принадлежал к умеренному крылу северян) связался с Южным обществом. Вернувшись в Петербург в ноябре 1825 г., он принял деятельное участие в подготовке восстания, “диктатором” (военным руководителем) которого был избран. Накануне восстания

Рылеев вместе с Трубецким работали в его кабинете над текстом “Манифеста”. Утром в день восстания Пущин и Рылеев пришли в дом Лавалей, чтобы подтвердить согласованный накануне план действий. Вскоре Трубецкой ушел из дома и бесцельно скитался по городу. Лишь к вечеру “диктатор” укрылся в особняке австрийского посольства. В доме Лавалей всю ночь шел обыск. Трубецкой был приговорен к каторжным работам. В июле 1826 г. его отправили на каторгу в Сибирь.

Сразу за Трубецким и другими осужденными в Сибирь поехали их жены. Большое упорство проявила Екатерина Ивановна Трубецкая, добившись у Николая I разрешения на отъезд и пребывание в Сибири вместе с мужем (условия, поставленные правительством, были очень жестокими). Она была первая и уехала из Петербурга 24 июля 1826 г. (на следующий день после отправки Трубецкого) и разделила его участь. В Иркутске перед отправкой в Нерчинские рудники ей удалось увидеться с мужем. Здесь же губернатор задержал ее на пять месяцев (по указанию Николая I), чтобы заставить вернуться. Ему не удалось этого добиться. Е. И. Трубецкая прожила в Сибири 28 лет и умерла в Иркутске в 1854 г. С. П. Трубецкой дожил до амнистии. Он умер в 1860 г. в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище.

После отъезда Екатерины в Сибирь дом ее родителей стал центром, где можно было получить сведения о ссыльных. Сюда приезжали М. Н. Волконская и П. Е. Анненкова за письмами и другими сведениями о заключенных.

После смерти Лавалей домом владела их вторая дочь — графиня Борх. Последний хозяин дома, известный “железнодорожный король” С. С. Поляков, продал дом в 1900-х гг. Дом был куплен казной для размещения в нем зала заседаний Сената и других его учреждений. В настоящее время в нем, так же как и в д. 2, находится Центральный государственный архив России.

Об участке д. 6 известно, что первой постройкой на нем был дом князя Петра Черкасского (1730 г.). В 1838 г. 26-летний архитектор Г. А. Боссе (1812-1894) строит по своему проекту особняк для Е. Н. Репниной.

В 1865-1866 гг. дом перестраивал архитектор В. Е. Стуккей (1828-1898) для Э. П. Казалета. Фасад д. 6 декорирован в стиле необарокко и сохранился по настоящее время. Это особняк с высокими двумя этажами в 11 осей на цоколе с полуподвалом. В центре парадное в выступающем ступенчатом ризалите. Над парадным балконом, украшенный элементами барокко: скульптурой, колоннами, пилястрами, которые окружают большое

Дом 6. Особняк Э. П. Казалета

закругленное окно. По горизонтали здание членено карнизами. На 3-й и 9-й осях ложные балконы в пояском карнизе. По центру расположен полукруглый аттик с овальным окном. Окна украшены лепниной. На кровле 10 выступающих полукруглых слуховых окон. Над карнизом — балюстрада между кирпичными тумбами.

С 1882 г. дом стал собственностью Международного Санкт-Петербургского коммерческого банка, для которого архитектором К. И. Лоренцем помещения были перестроены. Одним из пайщиков банка был князь Вячеслав Николаевич Тенишев — богатейший промышленник, в руки которого перешло управление банком, а также перешедший в его собственность дом. Тенишев, бывший кроме того выдающимся этнографом и социологом, умер в 1903 г., и владелицей дома стала его жена Мария Клавдиевна, образованная, одаренная женщина, собравшая вокруг себя талантливых людей. В помещении первого этажа она открыла “Малый Эрмитаж” (как она его называла), куда был доступ художникам, музыкантам, политическим деятелям и коммерсантам.

В 1910 г. помещения банка были превращены в концертный зал работой архитектора Л. Ф. Геллерта (1881-после 1926). Им же построен доходный дом на участке Галерная улица, 5. Ныне здесь помещается Союз ассоциации промышленников и предпринимателей.

На доме есть мраморная мемориальная доска, посвященная железнодорожникам: “В этом доме с 20 сентября по 26 октября 1905 года происходил I делегатский Железнодорожный съезд, предъявивший правительству экономические и политические требования железнодорожников” (установлена в 30-х гг. XX в.).

После издания указа 1732 г. “О построении домов и украшений берегов Невы теми лицами, коим розданы места в Санкт-Петербурге ниже Адмиралтейства” на набережной строили только каменные дома.

На участке д. 8 в 30-х гг. XVIII в. был построен дом для князя Ивана Юрьевича Трубецкого (1670-1750). Иван Юрьевич — представитель старинного княжеского рода, генерал-фельдмаршал, любимец Петра I, начал службу в Преображенском полку. В 1698 г. назначен новгородским наместником.

В самом начале Северной войны Трубецкой взят в плен шведами и пробыл в Швеции до 1718 г. При Анне Иоанновне выступал как сторонник самодержавия. Пожалован ею званием сенатора. С 1739 г. московский генерал-губернатор.

Будучи в Швеции, Трубецкой женился на баронессе Вреде и имел сына Ивана, которому дал фамилию Бецкой. Иван Иванович Бецкой, который состоял при герцогине — матери Екатерины II в Берлине, приехал в Россию вместе с принцессой Ангальт-Цербстской (будущей Екатериной II). С 1729 г. служит в Коллегии иностранных дел. Адъютант при отце. При Екатерине II Бецкой — президент Академии художеств, представитель Комитета строений при создании памятника Петру I работы Фальконе.

В 20-х гг. XIX в. дом занимал граф Станислав Потоцкий, большой гурман, славившийся своими приемами-обедами (обеда у Потоцких).

В конце 1840 г. владельцем особняка стал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, коллекционер оружия, для экспозиции которого специально оформлены два зала.

В 1856-1857 гг. для графа Паскевича особняк перестраивают архитекторы: Александр Христофорович Пель (1809-1902, закончил Академию художеств, помощник Монферрана, академик архитектуры) и Роберт Андреевич Гедике (1829-1910, академик, профессор, ректор архитектурного отделения Академии художеств).

Дом 8. Особняк И. Ф. Паскевича

Дом этот 3-этажный, в 10 осей, на цоколе с полуподвалом. Второй этаж высокий. На 2-й и 9-й осях под балконами второго этажа слабо выступающие ризалиты. Балконные двери украшены колоннами с лучковым фронтоном. По краям здания фигурные аттики шириной в три оси и балюстрада между ними. Дом декорирован рустом разного вида. Переделкой интерьеров занимались архитекторы Р. Гедике и Р. Марфельд. Со стороны въезда (Галерная, д. 7) расположены два двора, соединенные аркой.

В 1922 г. здание занял Музей торгового мореплавания и портов. С 1960 г. здесь располагается институт "ЛенжилНИИ проект".

На участке д. 10 в первой половине XVIII столетия, в 1736-1738 гг., был построен дом для Александра Львовича Нарышкина (1694-1743) — племянника царицы Наталии Кирилловны, двоюродного брата Петра I, очень им любимого. В 14 лет Нарышкин отправлен в Голландию для изучения морского дела. Много ездил по Европе, был в Германии, Франции, Испании и Италии. В 1724 г. он назначен директором Морской академии. 1725 г. — президент камер-коллегии и директор артиллерийской конторы. При Петре II был в опале (из-за вражды с А. Д. Меншиковым). При Анне Иоанновне — снова президент камер-коллегии.

Планировка и застройка участка Нарышкина велась по градостроительным канонам, действующим в Петербурге XVIII в. (сплошная застройка набережных по регламенту, с въездом на участок с параллельной улицы (для Английской набережной это Галерная улица)).

В 70-х гг. XVIII в. дом А. Л. Нарышкина был расширен и перестроен. Главный фасад здания, который прекрасно сохранился, дает нам представление о внешнем облике богатого особняка периода раннего классицизма (архитектор неизвестен).

После смерти А. Л. Нарышкина особняк перешел к его сыну. В 1810 г. дом приобрел генерал-майор А. И. Остерман-Толстой, герой Отечественной войны 1812 г. А. И. Остерман-Толстой, графского рода из Вестфалии. В 1796 г. фамилия и титул графов Остерман перешли к А. И. Толстому, внуку Анны Андреевны Толстой — урожденной Остерман. Участвовал в боях под Бородино и под Кульмом, был ранен.

Большой интерес представляет отделка некоторых внутренних помещений, относящаяся к 70-м гг. XVIII в. Два помещения на втором

Дом 10. Особняк А. Л. Нарышкина

этаже почти полностью сохранили свою отделку. Особенно интересен небольшой кабинет смежный с лестничным помещением, выходящий окнами во двор. Там применены живописные панно для декорирования стен. Характерными являются закругленные углы, выполненные в дереве. В ряде комнат сохранились мраморные камины XVIII в., двери с резьбой, украшения над дверями (десюдепорты). Сохранились также парадный вестибюль, декорированный колоннами и барельефами, главная лестница и зал, частично сохранившие отделку XVIII в.

Дом трехэтажный, в 11 осей. Средняя часть в три оси выступает ризалитом в один кирпич, цоколь с полуподвалами. Фасад дома строгий и простой. Первый этаж рустован. Обогащает фасад сильно выступающее крыльцо с балконом. Крыльцо украшено сдвоенными колоннами ионического ордера, пилонами и пилястрами.

У Остермана-Толстого в 1825 г. жил его родственник, самый молодой из декабристов, Дмитрий Иринархович Завалишин, мачеха которого, Надежда Львовна Толстая, была родственницей генерала. Семнадцатилетним юношей Завалишин уже преподавал в Морском корпусе астрономию, высшую математику, механику, морскую технику. У него часто бывали К. Ф. Рылеев и другие декабристы.

В 1819 г. две комнаты в дворовом флигеле занял молодой поручик лейб-гвардии Павловского полка — адъютант Остермана И. И. Лажечников, будущий автор исторических романов “Ледяной дом”, “Басурман”, “Последний новик”, “Рославлев” и др. Хозяин дома поручил ему приведение в порядок его библиотеки и составление ее каталога. Здесь Лажечников познакомился с А. С. Пушкиным, который приехал к майору Денисовичу (подчиненному Остермана, занимавшему временно одну из комнат Лажечникова), чтобы договориться об условиях дуэли. Лажечников помирил Пушкина с Денисовичем, предотвратив дуэль.

В 1822 г., с 5 февраля по 13 мая, здесь жил родственник Остермана-Толстого восемнадцатилетний Федор Тютчев, который служил в Коллегии иностранных дел (Английская наб., д. 32), где за два года до того состоял на службе А. С. Пушкин. После отъезда Остермана-Толстого в 1830 г. за границу дом перешел во владение Воронцовых-Дашковых. Под этим именем дом включен был в список памятников архитектуры Ленинграда, находящихся под охраной государства.

И еще с одним дорогим российскому сердцу именем связана история этого дома. В 1841 г. с Кавказа, получив отпуск на два месяца, приехал в Петербург М. Ю. Лермонтов. На следующий день он принял приглашение

графини А. К. Воронцовой-Дашковой посетить ее бал на Английской набережной. Встретив там великого князя Михаила Павловича, опальный офицер Лермонтов получил от него предложение в 48 часов покинуть столицу (появление Лермонтова на балу после отбытия наказания показалось князю дерзким и неприличным). С тяжелым чувством поэт в середине апреля навсегда покинул город на Неве, а через три месяца погиб на дуэли.

Здание связано также с памятными днями героической обороны города в Великой Отечественной войне. К набережной возле дома были пришвартованы корабли (крейсер “Киров” и др.). В 1957 г. на доме установлена памятная доска из красного полированного гранита, в которую вмонтирован бронзовый щит с якорем и рельефной литой надписью: “Отсюда, с Невы, корабли Краснознаменного Балтийского флота вели уничтожающий огонь по врагу в годы героической обороны Ленинграда — 1941-1944”.

Ныне здание занимает Межотраслевое государственное объединение по разработке и производству химических материалов МГО “Технохим” Санкт-Петербургского “Технохим-банка”.

Соседствует с ним дом 12, на участке которого первый каменный дом был построен в 30-х гг. XVIII в. Сведений о доме не сохранилось, известно только, что его хозяином и строителем был один из первых архитекторов Петербурга Петр Михайлович Еропкин.

В 1732 г. императрица Анна Иоанновна с правительством возвращается в Петербург. Опустошительные пожары 1736 и 1737 гг. вызвали необходимость застроить выгоревшие места. С этой целью в 1737 г. была образована особая Комиссия о Санкт-Петербургском строении, руководителем которой стал П. М. Еропкин (1698-1740). Комиссия должна была составить

Дом 12. Здание резиденции Генерального консула Нидерландов

единый план развития Петербурга, улучшив существующую застройку и наметив пути дальнейшего роста города.

Еропкин был в числе одаренных русских молодых людей, таких как Земцов и Коробов, которые получили звание архитектора после обучения за границей. Проучившись год в Морской академии, он получил назначение ехать в Италию, где обучался архитектуре с 1716 по 1723 г. Еропкин создал третий луч трехлучевой системы плана города — Гороховую, определил направление Садовой улицы (создал Сенную и Покровскую площади). Он обустроил дорогу на Царское Село, произвел расквартировку по ротам параллельными улицами гвардейских Измайловского и Семеновского полков. Им создана планировка Загородного проспекта на соединении с Литейной перспективой, в районе которого размещается Преображенский полк и т. д. Им разработаны также особые проекты “образцовых” жилых домов, гостиных дворов, рынков и т. п. Проекты Еропкина касались всех частей города.

Образованный человек (Еропкин знал три языка, писал трактаты, переводил), еще в Москве, во время коронации Анны Иоанновны он познакомился с кабинет-министром Артемием Волынским. Знакомство постепенно перешло в дружбу. Не скрывая своего патриотизма, Волынский был против засилья немцев в правительстве. Но его враги не дремали (особенно Бирон), ложное обвинение привело к аресту Волынского и его друзей Еропкина и Хрущева. В 1740 г. после пыток они были обвинены в измене и казнены. Их могила, на которой в 1885 г. был поставлен памятник, находится за оградой собора Сампсония Странноприимца.

Весь участок д. 12 с большим двором и дома с воротами на Галерной, д. 11 перестраивал в 1845 г. архитектор И. Д. Корсини (1808-1876, академик архитектуры).

Дом 14. Особняк М. К. Чаплиц

Внешне современное здание представляет собой особняк в стиле петровского барокко, трехэтажный, в 11 осей, с парадным входом по центру здания. Цоколь дома из пудостского камня с полуподвалом. Фасад декорирован ризалитом, наличниками, фигурным аттиком. Между окнами в крыльях здания — пилястры дорического ордера без баз, очень похожие на лопатки в домах петровского времени. В здании помещается резиденция Генерального консула Нидерландов. В панели вдоль здания размещены под стеклом светильники для подсветки фасада.

Первая постройка на участке д. 14 относится к 30-м гг. XVIII в. В 70-е гг. XIX в. архитектором В. Ф. Эстеррейхом (1831-1881) изменен фасад (владелец особняка Е. Е. Брандт). Дом надстроен и переоборудован в 1909 г. архитектором С. Ю. Красковским (1874-1945) под особняк М. К. Чаплиц.

Флигели участка в 1898 г. перестраивал архитектор Е. А. Сабанеев (1847-1918, академик архитектуры).

Сейчас это 3-этажный на цоколе особняк в 5 осей. По бокам в одну ось ризалиты, отделанные лопатками. Дом декорирован рустовкой, филенками, гирляндами, между 2-м и 3-м этажами поясной карниз. Дом украшен треугольным фронтоном с картушем.

Дом 16. Особняк П. Н. Дурново

Участок д. 16 застроен в 20-х гг. XVIII в. первым владельцем, камергером Матвеем Наумовичем Скавронским. В 1782 г. дом был куплен Екатериной II и подарен ею президенту двух Академий (Академии наук и Российской академии) Екатерине Романовне Воронцовой-Дашковой. С начала XIX в. хозяином особняка стал П. П. Дурново — представитель старинного русского дворянского рода, ведущего начало от Толстых.

В 1872-1873 гг. дом перестраивал архитектор Императорского двора, итальянский архитектор, аттестованный Академией художеств, Людвиг Францевич Фонтана (1824-1894). Двухэтажный в 11 осей дом построен в стиле эклектики, декорирован рустом, наличниками и другими архитектурными элементами. Центр четко выделен ризалитом и более богатым украшением окон. Перед революцией 1917 г. часть особняка занимал генерал-майор П. П. Скоропадский (будущий гетман Украины). Сейчас в доме помещаются Федеральная контрактная корпорация "Росконтракт" и "Петрохим-опто" — акционерное общество по поставке химической и полимерной продукции.

Дом 18 современной постройки, жилой, на очень узком участке, всего из 5 осей в 4 этажа. Здание совершенно безликое, без всякого декора, с двумя балконами в одну дверь по центру на втором и третьем этаже. На участке расположен длинный двор с четырехэтажным невзрачным, без всякого декора в 5 осей флигелем, выходящим на Галерную 17, где въезд во двор.

Дом 20 самый большой по протяженности фасадов. Он стоит на углу с переулком Леонова, где еще два

Дом 18. Жилой дом

Дом 20. Угловой с пер. Леонова

флигеля замыкают квартал по периметру участка с флигелем на Галерной улице 19.

Дом на набережной 3-этажный на низком цоколе с полуподвалом, в 16 осей, угол срезан в 1 ось. В первом этаже два парадных на 6-й и 12-й осях. Над парадными балконы. Третий этаж низкий. Декор скромный: наличники, сандрики, немного рустовки. Весь комплекс домов участка принадлежал владельцу многих доходных домов Петербурга В. П. Орлову-Давыдову. Здания перестраивались в 1866 г. по проекту архитектора К. К. Кольмана (1835-1889, академик профессор архитектуры), служившего строителем в МВД во II и III отделениях собственной ЕИВ канцелярии.

Переулок Леонова (так называли Замятин переулок в 30-х гг. XX в.) протянулся от Английской набережной, пересекая Галерную, до Конногвардейского бульвара. А. П. Леонов, работник Василеостровского трамвайного парка, занимался революционной деятельностью, член РСДРП с 1912 г. Активно боролся с оружием в руках против царизма в дни февральской революции. Член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во время гражданской войны воевал на Южном и Западном фронтах, в одном из боев погиб смертью храбрых.

На другой стороне переулка — угловой дом 22. Напротив дома, по оси переулка, спуск к Неве с двумя полукруглыми площадками по бокам. Дом 3-этажный, угловой, на полуподвале, в 9 осей по набережной, декорирован в стиле эклектики — руст, наличники, сандрики, лепка в виде гирлянд.

*Дом 22. Угловой дом
западной стороны пер. Леонова*

В 1869 г. дом принадлежал С. П. Горсткому. В это время архитектор Ц. А. Кавос (1824-1883, академик архитектуры) перестроил дом, изменив фасад. В 80-х гг. XIX в. особняк приобрел С. М. Толстой. В 1884 г. архитектор И. П. Маас (1825-1892, академик архитектуры) осуществил надстройку дома. В 1885 г. популярный, много построивший в Санкт-Петербурге архитектор и художник-акварелист А. С. Хренов (1860-1926) отделал фасад этого дома, декорировал его в стиле эклектики.

На участке д. 20 со стороны Галерной улицы и переулка Леонова в 1899 г. техником Городской управы Н. А. Дрягиным (1870-1935) был построен доходный дом.

Дом 24 построен был в первой четверти XIX столетия. В 1866 г. уже как особняк О. Н. Воргуниной перестраивается А. Ф. Занфтлебенем (1815-1881), служителем Гофинтендантской конторы, строителем и архитектором.

Особняк 3-этажный, на полуподвале, в 7 осей. Построен он симметрично, с парадным в центре ризалита. На втором этаже балкон. По центру здание венчает треугольный фронтон.

Дом 24. Особняк О. Н. Воргуниной

Дом 26. Жилой дом

В конце XVIII в. на этом месте стоял дом, владелицей которого была графиня Скаржинская.

На участке д. 24 со стороны Галерной улицы, где расположены въездные ворота во двор, был жилой дом, который перестраивал в 1825 г. архитектор А. П. Щедрин (1796-1847, академик архитектуры). Щедрин строил здания различных учебных заведений, Публичную библиотеку, перестраивал внутренние помещения Университета и строил Университетский ректорский флигель.

Дом 26 построен в 20-х гг. XVII в., был сдан в аренду английским купцам. До самой революции использовался как доходный дом с отдельными недорогими квартирами и комнатами. Весь

участок по периметру застроен флигелями без всякого декора. Нет декора и на фасаде дома, выходящего на Галерную улицу, д. 25. Надстроенный двумя этажами, он стал 4-этажным.

Фасад дома 26 на набережной членен по горизонтали поясным карнизом над первым этажом и карнизом над вторым этажом. Фасад со стороны Невы выделяется только сильно выступающим (3×9 м) по центру парадным, дверь которого в начале XX в. была заложена и появилось новое окно. Разнообразный, совершенно невыразительный, да еще и плохого исполнения декор делает фасад контрастирующим с остальными домами Английской набережной. Дом и по сей день жилой.

Дом 28 — это великолепный особняк. На этом участке в 20-х гг. XVIII в. построен каменный дом, первым владельцем которого был А. И. Полянский. Во второй половине XVIII в. дом унаследовал его сын, генерал А. А. Полянский. Он умер в 1818 г., не оставив прямых наследников. При разделе имущества между дальними родственниками дом достался семье Всеволожских. В начале 30-х гг. XIX в. английский посол Д. Г. Дерен снимал в этом доме парадные комнаты со стороны набережной.

В середине 30-х гг. XIX в. владельцем особняка стал Н. В. Всеволожский (друг А. С. Пушкина Никита Всеволожский) камер-юнкер, театрал и

переводчик, член общества “Зеленая лампа” — “вольного общества”, ранней декабристской организации — “Союза благоденствия”, членами которого были С. П. Трубецкой и А. С. Пушкин. Поэт писал в одном из своих стихотворений, что на собраниях общества можно было поговорить:

*“Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного...”*

Никита Всеволожский (как называл его А. С. Пушкин, “балованное дите свободы”) и его брат Александр, получив огромное состояние, не сохранили его, и после долгих тяжб с Опекунским советом были объявлены в 1854 г. полными банкротами. Тогда же дом пошел с молотка. Приобрел его Павел Григорьевич фон Дервиз — действительный статский советник. П. Г. Дервиз 1826 года рождения, добился положения трудом и способностями. В 1847 г. он закончил училище правоведения с золотой медалью и поступил в Сенат. Получив концессию на постройку Рязанско-Козловской железной дороги, завершил ее удачно и в короткое время, получил громадные дивиденды и стал одним из самых богатых людей России. После трагической смерти П. Г. Дервиза в 1881 г. его жена Вера Николаевна Дервиз окончательно обосновалась в доме по Английской набережной. Она завещала дом младшему сыну Павлу Павловичу и решила коренным образом его переделать, а сама поселилась в соседнем доме 34 по Английской набережной, в особняке, принадлежащем ее старшему сыну.

В 1889 г. она обращается к одному из крупнейших архитекторов Санкт-Петербурга А. Ф. Красовскому. Всеми работами по реконструкции особняка, так же, как и дома со стороны Галерной улицы 27, оформленного как доходный, руководил сам А. Ф. Красовский. С согласия заказчицы он самостоятельно выбирает архитектурное решение. Архитектор предпочел

Дом 28. Особняк П. П. фон Дервиза

модный флорентийский стиль (в этой манере уже был создан дом для Великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной 26). Он блестяще справился со своей задачей — возвел великолепный особняк, выделяющийся среди лучших зданий Английской набережной и даже превосходящий дворец Великого князя. Сохранились созданные им интерьеры, не уступающие дворцовым по своему великолепию. Красовский выдвинул здание во двор, в глубь участка, создав Зимний сад, богато украсил анфилады комнат, выходящих окнами на Неву: золотую гостиную, Белый зал, Танцевальный зал и т. д. Красота и богатство отличают все помещения дворца.

Дворец привлекал всеобщее внимание петербуржцев и был закончен уже в 1890 г., но Павел Павлович так и не поселился в нем. Его потянула к себе любимая Рязанщина. Пока жива была мать, Вера Николаевна, она удерживала его от продажи. Сделка была совершена лишь после ее смерти, в 1903 г.

Новым хозяином дворца стал Великий князь Андрей Владимирович, сын Владимира Александровича Романова — очень деловитый, умный, трудолюбивый человек. Он окончил Военно-юридическую академию. В своем доме он так и не поселился. Но в его дворце часто собирались члены царской фамилии. Здесь, на Английской набережной в д. 28, на семейном совете было решено, что князь Павел как старейший в роде и любимец их Величеств должен поговорить с Николаем II и предложить ему от имени семейного совета решение. На аудиенции 16 декабря 1916 г. Павел Александрович предложил Николаю II упорядочить российскую конституцию. Но этим предложением император не воспользовался.

После 1917 г. здание занимали различные учреждения: детский сад, госпиталь, проектная организация и др. 1 ноября 1959 г. здесь открылся первый в стране Дворец бракосочетаний. Дворец реставрировали, он по-прежнему великолепен и функционирует до сей поры как место заключения союза сердец.

Участок дома 30 был застроен в 30-х гг. XVIII в. Первым его владельцем был член Военной коллегии генерал И. И. Бутурлин. Он сдал дом в аренду английскому резиденту.

В начале XIX в. дом занимало Морское министерство. В конце 20-х гг. XIX в. хозяином особняка стал известный мореплаватель и географ Федор Петрович Литке (1797-1882), президент Петербургской Академии Наук, адмирал, граф. Литке участвовал в кругосветной экспедиции В. М. Головина в 1817-1819 гг., исследовал Новую землю, Баренцево и

Белое моря. Он один из основателей и руководителей Русского Географического общества, председатель Морского ученого комитета. Его именем названы острова в Карском море, остров архипелага Земли Франца-Иосифа, а также ледокол "Федор Литке".

В 1859 г. здание приобретает баварский генеральный консул Эдуард Морицович Мейер. В 1871-1872 гг. здание перестраивают инженер-архитектор Р. Б. Бернгард (1819-1887) совместно с архитектором К. К. Рахау (1830-1880). Дом трехэтажный, на цоколе, с полуподвалом, в 9 осей. Декорирован в стиле эклектики.

Дом 30. Особняк Э. М. Мейера

Следующим стоит дом 32, участок которого был застроен в 1730 г. и принадлежал двум владельцам. В 50-х гг. XVIII в. оба участка перешли в

Дом 32. Здание коллегии Иностранных дел

собственность князя Б. А. Куракина, для которого архитектор М. А. Башмаков построил большой двухэтажный дом, обращенный своим главным фасадом на набережную Невы, и двухэтажный флигель по Галерной улице. Изображение 1760-1770 гг., дошедшее до нас, дает ясное представление об архитектурном облике дома. Пышные фасады великолепно декоративно оформлены многочисленными статуями и скульптурными группами трофеев, венчавшими парапет и фронтоны главного фасада. Монументальный портал, обрамленный колоннами, оформил въезд во двор со стороны Галерной улицы.

После смерти Куракина дом перешел в казну, и в нем разместилась Иностранная коллегия.

В 1782-1783 гг. дом перестраивал архитектор Д. Кваренги (1744-1817). В архитектуре это был период раннего классицизма, апологетом которого был Кваренги. Архитектор полностью уничтожил отделку фасадов и интерьеров, срубил все фигурные наличники окон и другие лепные детали, стены гладко отштукатурил. Значительный по протяженности фасад по центру украсили колоннадой из восьми ионических колонн, поддерживающих фронтоны.

В XIX в. здание переделывалось внутри. Сохранившаяся до нашего времени отделка относится ко второй половине XIX в. Здесь, в коллегии Иностранных дел, служили Д. И. Фонвизин, Н. П. Румянцев, Ф. И. Тютчев, А. С. Пушкин (числился на службе в течение 7 лет после окончания Лицея), В. К. Кюхельбекер, А. М. Горчаков. Здесь А. С. Пушкин познакомился с А. С. Грибоедовым, Н. В. Всеволожским, К. Н. Батюшковым. Начальником Пушкина был И. Каподистрия, будущий президент Греции.

В 1832-1904 гг. в здании размещалась Академия Генерального штаба, где учились М. Д. Скобелев, Н. Н. Обручев, А. А. Игнатьев, Н. М. Пржевальский, а также командующий вооруженными силами Парижской Коммуны Ярослав Домбровский. В память о нем в 1990 г. на фасаде установлена мемориальная доска: "В этом доме бывшей Академии Генерального штаба в 1856-1861 годах учился польский революционер-демократ Ярослав Домбровский, генерал, главнокомандующий вооруженными силами Парижской Коммуны. Погиб в 1871 году в бою с версальцами".

На довольно большом участке, где сейчас расположен д. 34, в первые годы застройки набережной находились два совершенно самостоятельных особняка. Оба дома были двухэтажные, имели одинаковые крытые подъезды с балконами. Левый дом завершался фронтоном, а правый — невысокой балюстрадой.

Дом 34. Единый фасад домов 34а и 34б

Первым хозяином левого дома был кабинет-министр Анны Иоанновны Артемий Петрович Волынский. Боровшийся с засильем немцев при дворе, он был обвинен в государственной измене и казнен. Наследницей дома стала его дочь, в замужестве Воронцова. Ее мужем был Иван Илларионович Воронцов (младший из братьев Воронцовых). Его потомки, породнившись с князьями Дашковыми (по линии Екатерины Романовны), и были владельцами д. 10 по Английской набережной.

С 1781 г. домом владели купцы Яков Овандер, а затем Шитта. В начале XIX в. дом приобретает генерал Балабин, а в 1858 г. хозяйкой становится княгиня Репнина, для которой архитектор Н. П. Гребенка изменяет интерьеры.

В 1870 г. новая хозяйка, Долгорукова Луиза Николаевна, переделывает интерьеры по своему вкусу, пригласив архитектора Ф.-Ф. Л. Миллера.

В 1876 г. особняк приобретает Н. С. Вилярлярская, она также перестраивает интерьеры по проекту архитектора Е. А. Сабанеева.

Соседний дом первой заселила “девица Нарышкина” — родственница Александра Львовича Нарышкина, владевшего домом 10 на набережной.

Хозяином дома во второй половине XVIII в. стал князь П. А. Щербин, а после его смерти он перешел к сыну, у которого дом был куплен М. П. Голицыным. С 1796 г. его хозяйкой стала княгиня В. А. Шаховская, после нее — жена генерала Балабина, В. О. Балабина (для нее переделывали интерьеры К. Лоренцен и Л. Феррацини).

В 80-х гг. XIX в. оба дома приобрел старший сын фон Дервизов — Сергей Павлович. По его желанию была произведена реконструкция домов 34а и 34б, получивших единый фасад в 1885 г. (архитектор Петр Павлович Шрайбер (1841-1903)).

Дом с Галерной улицы С. П. Дервиз предназначил специально для музыкальных представлений. Заново были оформлены все интерьеры: великолепный большой Белый зал, зимний сад в виде грота и мавританская гостиная. Двери отделаны черным резным деревом. Все помещения богато отделаны резьбой по дереву, различными сортами мрамора, позолоченной лепниной, украшены панно и т. п. В конце 90-х гг. XIX в. здесь ставил спектакли “Дом интермедий”, созданный активом общества Интимного (камерного) театра под руководством доктора эстетики Б. К. Пронина и В. Э. Мейерхольда. Здесь Мейерхольд осуществил свои творческие эксперименты. В этом доме бывали К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, Е. Б. Вахтангов, В. И. Качалов, И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, А. П. Чехов и многие другие деятели искусства.

В 1909 г. при новом владельце дома, Н. Н. Шебеко, концертный зал подновлен архитектором А. Ф. Сысоевым. “Дом интермедий” стал называться Театральным залом Н. Н. Шебеко, а в 1915 г. — Концертно-театральным залом Поллак, по фамилии художника, арендовавшего зал. Здесь устраивались концерты с участием Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова и известной танцовщицы Айседоры Дункан.

В 1907 г. “главный дом” — объединенный — вырос на два этажа. Надстройку произвел архитектор А. Р. Гавеман (1868-?).

В 1907 г. фон Дервизы продали свой особняк. Он опять разделился: дом 34а приобрела графиня Елена Владимировна Игнатьева, а 34б купил шталмейстер двора Н. Н. Шебеко. Для реконструкции зданий были привлечены архитекторы, соответственно, Л. Л. Фуфаевский и А. К. Максимов.

В послереволюционный период здания занимали партийные и профсоюзные организации. В настоящее время в двух его половинах размещаются две разные поликлиники, а со стороны Галерной улицы — клуб “Маяк”.

Рядом стоящий д. 36 (с Галерной — 37) в конце XIX в. тоже принадлежал С. П. фон Дервизу. История этого дома представляет значительный интерес.

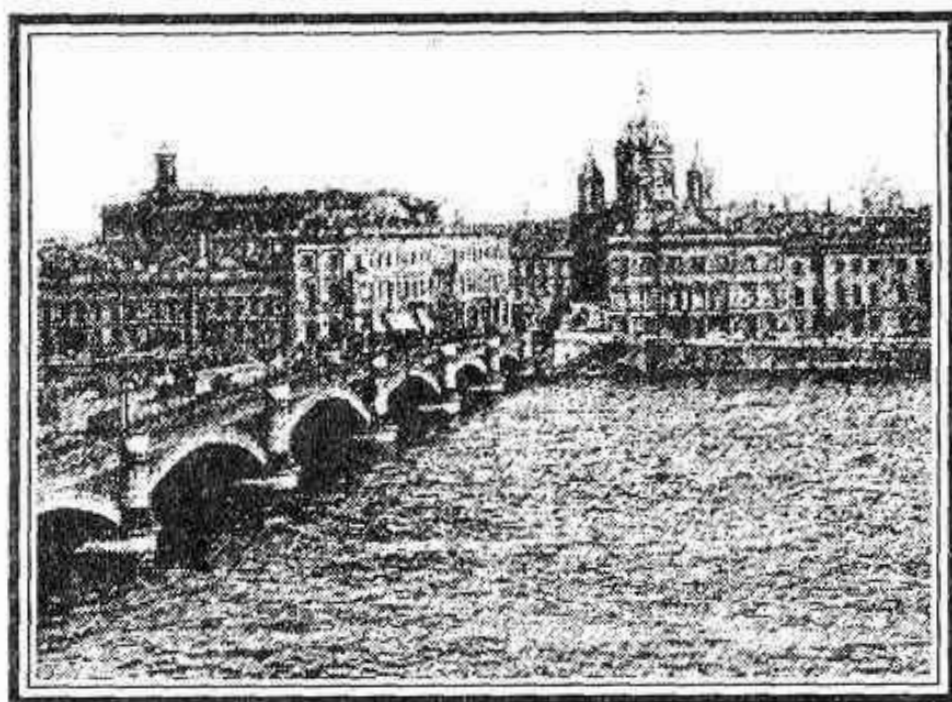
Первым владельцем всего участка с 1721 г. был С. А. Салтыков — сенатор, близкий к правящим кругам и царствующему дому.

В 30-х гг. XVIII в. на некоторое время хозяином дома стал его сын, граф П. С. Салтыков (1696-1773) — генерал-фельдмаршал, участник семилетней войны, командующий русской армией. В 1764-1771 гг. он занимал пост генерал-губернатора Москвы. С конца 70-х гг. XVIII в. домом владел его сын И. П. Салтыков — фельдмаршал, ставший, как и отец, в дальнейшем московским губернатором.

В начале XIX в. домом владел барон Шабо, ближе к Галерной улице рядом с ним стоял дом статской советницы Холдовской.

В 20-х гг. дом 36 был довольно протяженным зданием в два этажа, строгим и торжественным, построенным в стиле классицизма, с нарядным портиком, поднятым на цоколь. Этим домом заканчивался квартал, его правое крыло раньше было угловым с набережной Крюкова канала.

Площадь Труда

В

связи со строительством первого постоянного моста через Неву для образования площади у съезда с моста в створе Крюкова канала казной были куплены оба дома, барона Шабо и статской советницы Холдовской. Их продали на слом с публичного торга с условием, что покупатель построят за сломанным домом новый по высочайше утвержденному 27 февраля 1844 г. плану с фасадом определенной высоты — в семь сажен. После многократно производив-

Дом 36. Особняк В. А. Вонлярлярского

шихся торгов в мае 1844 г. отставной поручик Вонлярлярский вызвался дать за дома Шабо и Холдовской сумму, определенную оценкой идущих на слом домов (31 500 рублей серебром), с обязательством возвести здание по плану, который он сам представит на утверждение.

Проект этого здания создал архитектор М. Д. Быковский (1801-1805, академик архитектуры, преподаватель и директор Московского дворцового архитектурного училища). Проект Быковского был утвержден императором. Интенсивная работа по постройке дома была закончена уже в 1847 году. Интерьеры дома выполнены по проекту художника И. Шарлеманя.

Хозяином нового дома стал поручик Василий Александрович Вонлярлярский, сын богатого помещика, по происхождению из немецких рыцарей (из города Ляр вблизи от Баден-Бадена). Он прожил короткую, но яркую и необычную жизнь. Получивший домашнее воспитание, закончивший благородный пансион при Петербургском университете, юнкер школы гвардейских подпрапорщиков учился вместе с М. Ю. Лермонтовым и был другом поэта. Служба его не привлекала, и он, будучи в чине подпоручика, попросился в отставку. В это время он и купил дом 36 по Английской набережной, куда въехал с молодой женой Анной Карловной, урожденный Фридебург. Счастье было недолгим, менее чем через год он овдовел. Василий Александрович уехал за границу, а вернувшись, поселился в Москве. В нем проснулась жажда творчества (тоска по жене искала выхода), и он начал писать.

За три года он создал 4 романа, 3 повести, 5 больших рассказов и 7 пьес и достиг колоссального успеха. Однако он умер в возрасте 38 лет.

Дом перешел к статскому советнику Н. П. Шитову. В его доме открывается фешенебельный ресторан Бореля под названием "Канкальский утес". Он просуществовал два года.

В конце XIX в. в доме находились самый дорогой и знаменитый ресторан "Старый Донон" (известный тем, что там скрывался известный анархист П. А. Кропоткин, бежавший из тюремного госпиталя), а также аптека и магазин одежды.

В 1877 г. хозяином дома стал генерал-майор в отставке А. Д. Фалькенгаген, для которого архитектором А. Гроссом были изменены интерьеры. К началу XX в. дом заняли Санкт-Петербургское коммерческое общество, контора русско-богемских керамических заводов (печи, камины, глазурованные и терракотовые изразцы). В это время владельцем дома был Сергей Павлович фон Дервиз. Он переделывает фасад, делая его более нарядным, и красиво оформляет углы дома со стороны набережной и

Галерной эркерами по чертежам архитектора В. П. Цейдлера. Измененный со стороны Невы, дом сохранился до наших дней.

В 1910 г. домом владел, купив его у С. П. фон Дервиза, шталмейстер В. И. Охотников. Он тоже переделывал интерьеры по своему желанию. По всему зданию был надстроен четвертый этаж, искаживший пропорции дома.

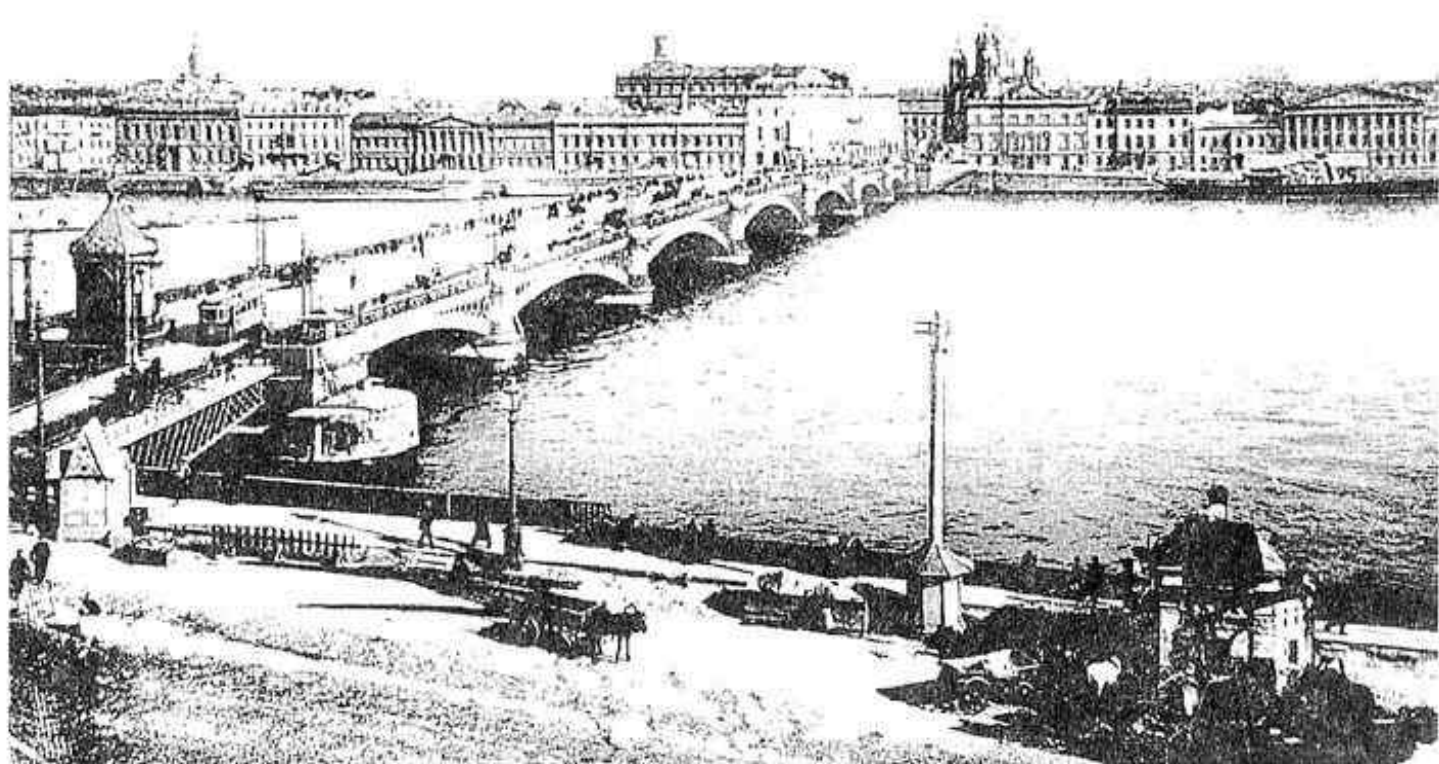
Сегодня фасады, созданные М. Д. Быковским, сохранились (если не учитывать последний этаж и небольшие изменения, внесенные Цейдлером). Главный фасад с плавными переходами по углам обращен на площадь Труда. Центр дома выделен портиком-балконом, облицованным темным мрамором и украшенным четырьмя фигурами кариатид, поддерживающих балкон третьего этажа. В первом этаже большие витринные окна. Наиболее наряден декор окон второго этажа. Фасад декорирован в духе эклектики. Дом занимают гастроном, и другие учреждения.

Постройка постоянного моста через Неву была насущной необходимостью для растущего Петербурга. Более шестидесяти лет предлагались разные проекты мостов как русскими, так и иностранными инженерами. Работа над проектом стала более интенсивной после создания в 1809 г. в России Корпуса инженеров путей сообщения и при нем института. Педагоги, а затем и воспитанники института предложили ряд интересных проектов.

В состязание включился молодой инженер-капитан Станислав Валерианович Кербедз, предложивший несколько проектов, из которых проект моста с чугунными арками один был утвержден 15 октября 1842 г. В 1843 г. началось строительство. Мост решили соорудить в том месте, где исток Крюкова канала. Он должен был соединить Адмиралтейский район с Васильевским островом. Постройка моста стала важным событием в жизни Петербурга.

Часть канала вблизи Невы заключили в каменную трубу, благодаря чему на левом берегу образовалась небольшая предмостная площадь — Благовещенская (по имени церкви там находящейся). Сейчас она называется площадью Труда.

Сложной и ответственной задачей было строительство опор моста. Место опоры ограждалось перемычкой из деревянного шпунта. Под ее защитой забивались многочисленные сваи, и вся нижняя часть опоры укреплялась мощной обсыпкой из камня. Верхушки свай соединили ростверками, на которых были возведены каменные массивы опор, облицованных гранитом. Пролеты моста были перекрыты арками из чугунных блоков с прокладками из свинца между ними.

Николаевский (Благовещенский) мост. Фото 1907 г.

За возведение каждой опоры Кербедз повышался в чине (якобы, так распорядился царь). Представив свой проект в чине капитана, Кербедз закончил сооружение моста генералом (вообще строительство моста было настоящим подвигом). Через семь лет, 4 декабря 1850 г., мост был торжественно открыт.

Архитектурный облик моста был очень выразительным: семь пологих чугунных арок опирались на мощные гранитные быки. Мост обладал прекрасными пропорциями. Размеры пролетов постепенно нарастали к середине, и это хорошо сочеталось с повышением проезжей части. Во всех отношениях это было выгодно: чем больше глубина реки, тем выше и дороже получают опоры моста. Поэтому на середине реки, где большая глубина, опоры поставлены реже. Для пропуска судов с высокими мачтами у правого берега Невы был создан разводной пролет, состоящий из двух ферм, отводимых в разные стороны к берегу. Механизм поворота находился в береговом устое.

Мост ограждала чугунная решетка, спроектированная архитектором А. П. Брюлловым. В центре каждого звена расположены символы моря: раковина и трезубец Нептуна, а также два морских конька. Мост был освещен газовыми фонарями по проекту инженера Д. Цветкова: столб фонаря выполнен в виде колонны коринфского ордера, поставленной на полый чугунный пьедестал. Мост был назван Благовещенским.

В 1854 г. на правом быке моста в промежутке между крыльями разводных пролетов была построена часовня "во имя святого Николая

Реконструкция, в которой нуждался старый мост, была проведена после почти столетней его службы. Повывисшиеся транспортные нагрузки и современное судоходство требовали капитальной перестройки. Ее осуществили в 1936-38 гг. профессор Г. П. Передерия (перед тем построивший Володарский мост), В. И. Крыжановский и архитектор Л. А. Носков.

Не перестраивая опор, создали между центральными опорами двукрылый разводной пролет. Прежний разводной пролет был заменен железобетонной аркой, облицованной гранитом, боковые пролеты по сторонам разводного перекрыты едиными неразрезанными стальными рамами. Такие длинные пролетные балки созданы методом электросварки. Часовню и фонари удалили (фонари сейчас установлены на Марсовом поле). Все старые чугунные арочные конструкции были перевезены в Тверь и использованы для постройки моста через Волгу. Новые фонарные столбы разработал архитектор Л. А. Носков. Перила для ограждения остались старые. В настоящее время мост Лейтенанта Шмидта — единственный на Неве, опирающийся на деревянные сваи середины XIX в.

Продолжим знакомство с предмостной площадью. Дом Вонлярского как бы замыкает половину пройденного по Английской набережной пути и выводит нас на площадь своим основным фасадом (дом 2 по площади Труда). Правое крыло его выходит на Галерную улицу (дом 37), которая также прерывается площадью.

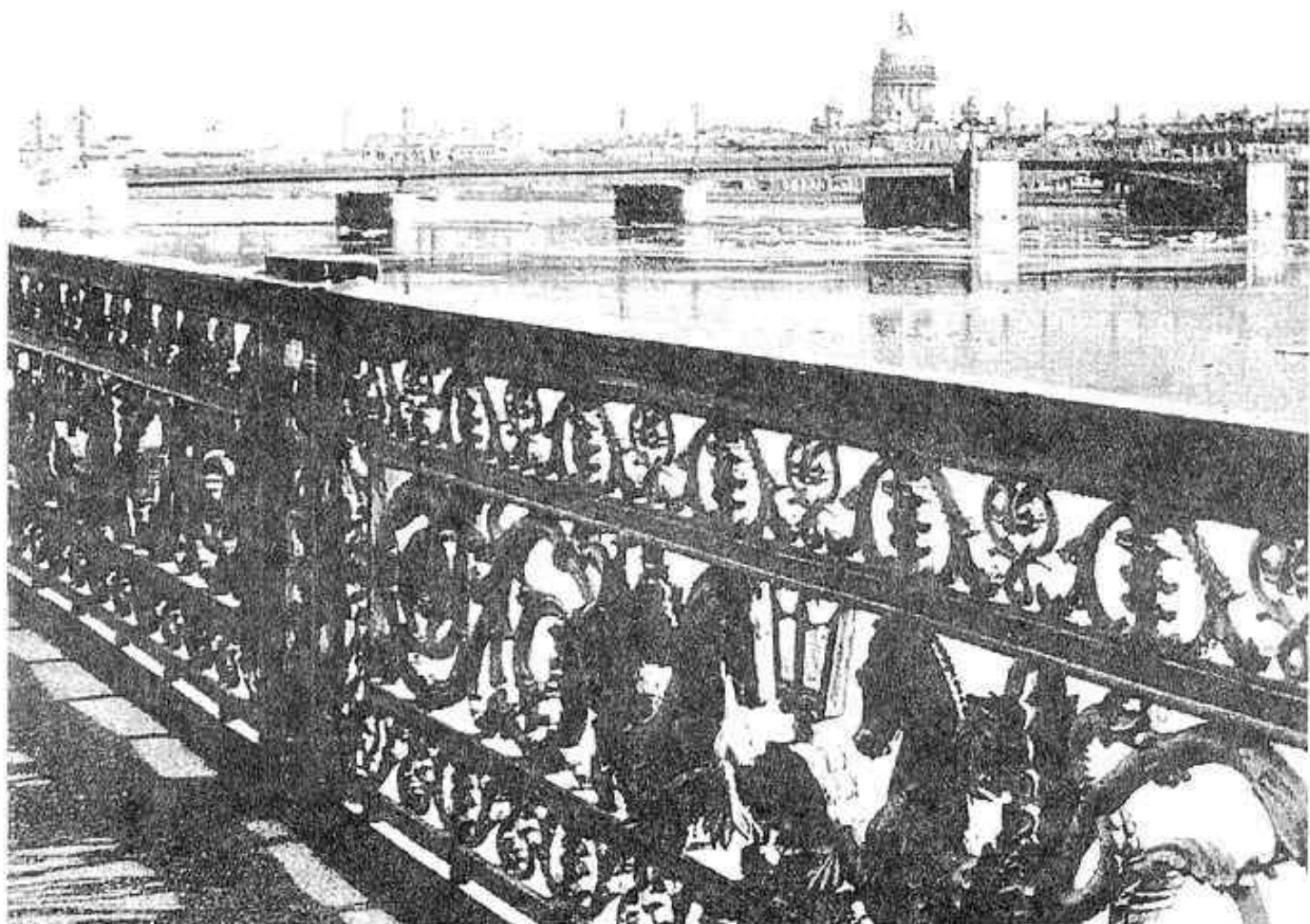

Дворец Труда (пл. Труда, 4)

Мост Лейтенанта Шмидта. Фото 1960-х гг.

“Чудотворца” работы архитектора А. И. Штакеншнейдера. После смерти Николая I в 1855 г. мост был переименован в Николаевский. Имя Лейтенанта Шмидта присвоено мосту в 1918 г., о чем повествуют две мемориальные доски, установленные на павильонах моста в 1956 г.

Решетка ограждения моста Лейтенанта Шмидта

Дом 6 на правой стороне Конногвардейского бульвара

Высота фигуры 3,5 м. Отлитая из гипса, материала недолговечного, статуя простояла 4 года. Тогда же Благовещенская площадь переименована в площадь Труда. Во время блокады Ленинграда снарядами была разбита чугунная решетка дворца Труда. Восстановлена в конце 50-х гг.

Южная сторона пл. Труда. Фото 1936 г.

По другую сторону Конногвардейского бульвара (в 1923-1994 гг. он назывался Бульваром Профсоюзов) стоит дом 6, занимающий целый квартал. Он имеет три фасада, выходящие на южную сторону Конногвардейского бульвара, на улицу Якубовича (б. Ново-Исаакиевскую) и въезд во двор с площади Труда. Это огромное здание бывшего корпуса Конногвардейских казарм было реконструировано в 1929-1933 гг. для жилого массива. На фасаде дома в 1949 г. установлена мраморная мемориальная доска: "В этом доме с 1933 по 1943 год жил и работал народный артист Союза ССР академик Борис Владимирович Асафьев".

По другой стороне ул. Якубовича стоит дом, замыкающий южную сторону площади (ее восточное крыло). Этот дом построен на участке (между улицей Труда — ранее Благовещенской улицей и Конногвардейским переулком — ранее Провиантским), принадлежавшем голландскому купцу Брунбергу в 60-х гг. XVIII в. После его смерти в 1773 г. по инициативе генерала Баура участок куплен казной для устройства Генерального штаба. Построенное для этой цели здание тыльной частью было обращено на восточную сторону Благовещенской улицы и называлось Бауерским домом. После дислокации полка Конной гвардии в этом районе для его нужд перестроили Бауерский дом. Теперь это был один из корпусов казарменного комплекса, построенного на месте кавалерийского плаца и Бауерского дома архитектором И. Д. Черником (1811-1874, академик, профессор, архитектор военного министерства и Главного управления военно-учебных заведений). Стройка велась в 1843-1848 гг. (дом расширен при перестройке архитектором В. П. Апышковым в 1914 г.).

Появившийся проезд — Благовещенская улица — соединил Благовещенскую площадь с Театральной площадью через перекинутый над Мойкой Поцелуев мост. В 1923 г. Благовещенская улица была переименована в улицу Труда.

Когда еще существовал на месте Конногвардейского бульвара Адмиралтейский канал, в старинной постройке, стоящей на канале, размещалась полковая церковь Благовещения. Из перестроенных казарм ее решили перенести в отдельное, для нее построенное здание. Николай I одобрил проекты архитектора К. А. Тона, опубликовавшего альбом рисунков различных видов церквей в русско-византийском стиле, как образцовые. Один из этих образцов К. Тон использовал при сооружении на площади церкви Благовещения для личного состава Конногвардейского полка. Церковь начали строить в июле 1844 г., и в 1849 г. 20 марта она была освящена. В плане церковь почти квадратная, на очень небольшом пятне

застройки, пятиглавая с шатровыми главками. Главный вход подчеркнут ризалитом, украшенным сдвоенными пилястрами и широкой одномаршевой лестницей. Церковь стояла в юго-западной части площади, у Крюкова канала, перед красной линией южной границы. В 1929 г. Благовещенская церковь была разобрана. Уже были переименованы улица, площадь, мост, и теперь ничто не напоминает о существовании храма, давшего название улице, площади, мосту.

За церковью, на участке между Благовещенской улицей и набережной Крюкова канала, до реки Мойки были построены еще в 1756 г. государственные винные склады. В 1766 г. эти склады использовали для продажи хлеба населению. Это новшество не привилось. Складские помещения, или, как их называли, Крюковские магазины, просуществовали до 1832 г. Тогда на этом участке началось строительство морских казарм по проекту и под руководством архитектора И. Д. Черника в сотрудничестве с немецким архитектором К. Ф. Шинкелем, который создал оригинальный карниз над фасадом, обращенным к реке Мойке. В этих зданиях вскоре разместился Балтийский флотский экипаж, в котором формировались военно-морские части, личный состав кораблей Балтийского флота. Здесь же находились прибывающие новобранцы до принятия военной присяги, квартировали команды строящихся и ремонтирующихся кораблей, матросы, обслуживающие учреждения и учебные заведения флота. Со стороны площади в этом здании с 1880 г. находится Матросский клуб.

Переходим к западной части площади. Она была ограничена Крюковым каналом, за которым находились строения складов и жилых домов. При создании предмостной площади часть канала была заключена в трубу и засыпана от Невы до Адмиралтейского канала. Адмиралтейский канал пересекал перпендикулярно Крюков канал и продолжался по старому руслу Глухого протока. Между пересекающимися протоками — рекой Мойкой,

*Благовещенская церковь (арх. К. А. Тон).
Фото 1902 г.*

Крюковым каналом и Глухим протоком — образовался треугольный остров. Низменный остров специально подсыпался землей. На нем разместилась одна из резиденций Петра I с небольшим садом и деревянным дворцом, которым он пользовался при посещении Галерной верфи. Этот островок был назван им Новой Голландией. Это название стало официальным.

Строительство кораблей на Адмиралтейской и Галерной верфях требовало леса, специального режима хранения в складах. Склады должны стоять недалеко от верфей, быть доступными для подвоза и безопасными в пожарном отношении. Всему этому соответствовал остров Новая Голландия. В 1732 г. при участии архитектора И. К. Коробова начали строить склады, приводить в порядок территорию, углублять каналы. Глухой проток (так назывался канал Круштейна) выпрямили, углубили и сделали продолжением Адмиралтейского канала (который засыпали на участке от Крюкова канала до Адмиралтейства в середине XIX в.). К 1738 г. были построены семь “сараев” — складов для леса. К 1750 г. деревянные помещения отсырели, обветшали. Началась интенсивная засыпка болотных и низких мест, их утрамбовка.

Строительство новых складов поручили Савве Чевакинскому, который в 1752 г. представил свои планы. Только в 1763 г. ему предложили разработать проекты построек. Проект его, представленный в 1765 г., предусматривал новый порядок хранения леса: не штабелями, а вертикально — стоймя с небольшим наклоном к стенам склада и отдельное складирование бревен разного размера. Проект был утвержден. Чевакинский, начав строить, поселился рядом, в доме 58 по Галерной улице (дом сохранился). Им было предложено устройство со стороны каналов специальных пологих помостов для втаскивания бревен на склады и их выемки. Внутри острова спроектированы бассейн и два протока: в реку Мойку и в Крюков канал (получились два острова, названные Коломенским и Покровским). Все это облегчало погрузку и разгрузку леса. Чевакинский предложил не только производственные функции складов, но и их архитектурный облик в городском окружении. В 1765-1770-х гг. вдоль берегов Мойки было выстроено 30 отсеков складов, а по Крюкову каналу — 20 отсеков. Окончено строительство по реке Мойке было в 1784 г. Склады были построены различной высоты, они поднимались уступами, нарастая от 6 до 8 сажен. В 1771 г. на острове созданы мастерские по ремонту и постройке мелких судов.

Над каналом шириной 8,6 м, соединяющим внутренний бассейн с Мойкой, была запроектирована арка, которая выполняла не только

декоративную функцию, но и являлась распором торцевых стен складов, на которые опирались бревна. В 1770-1779 гг. величественная, в 23 м высотой, арка со стороны Мойки была построена. Арка со стороны Крюкова канала осталась неосуществленной. Проект монументальной арки со стороны Мойки выполнил Ж.-Б. Валлен-Деламот. По сторонам арки сооружены каскадом корпуса высотой от 17 до 13 м. По бокам арки попарно установлены мощные колонны дорического ордера, составленные из блоков красного оттенка. Ниши между колоннами декорированы наличниками и гирляндами. Колонны увеличили силу сопротивления весу бревен, опирающихся на стенки корпуса.

Волнения в армии после событий 14 декабря 1825 г. и усилившаяся реакция увеличили потребность в тюремных помещениях, и в 1829 г. в незастроенной западной части Новой Голландии соорудили трехэтажное кольцообразное в плане здание по проекту архитектора военного ведомства А. Е. Штауберта — военную тюрьму.

К 1807 г. под руководством знаменитого каменотеса Самсона Суханова был одет в гранит Крюков канал. В 1842 г. часть Адмиралтейского канала от Крюкова канала до Адмиралтейства была засыпана. В подпорной стенке Крюкова канала сохранилась арка трубы, в которую был взят Адмиралтейский канал. Благовещенская площадь больше не имела пересекающих ее каналов и приобретала все более респектабельный вид. Вскоре после устройства Конногвардейского бульвара в Новой Голландии на углу, образуемом Крюковым каналом и оставшейся частью Адмиралтейского канала, в 1848-1849 гг. построили еще один кирпичный корпус в стиле ранее сооруженных на острове.

Похожая на крепость, Новая Голландия вошла в историю и как научная база судостроения. В ней находился бассейн, в котором под руководством ученого корабеля А. Н. Крылова, проводились исследования по проблемам непотопляемости судов, остойчивости и др. Это было одноэтажное здание с крытым бассейном значительной (120 м) протяженности при ширине 6,7 м и глубине 3 м. Так называемый Опытовый бассейн начал функционировать в 1894 г. под заведованием А. Н. Крылова, который возглавлял работы в нем до 1908 г.

В 1915 г. для нужд Главного морского штаба фирмой “Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов” была сооружена радиостанция в специальном трехэтажном здании на берегу Крюкова канала против зданий Флотского экипажа у протока к внутреннему бассейну острова. Эта радиостанция была использована в революционный 1917 год.

По ней в эфир передавались материалы революционного правительства, выступал и В. И. Ленин. С 1 декабря 1920 г. радиостанция “Новая Голландия” из Петрограда начала разносить по всей стране точное пулковское время.

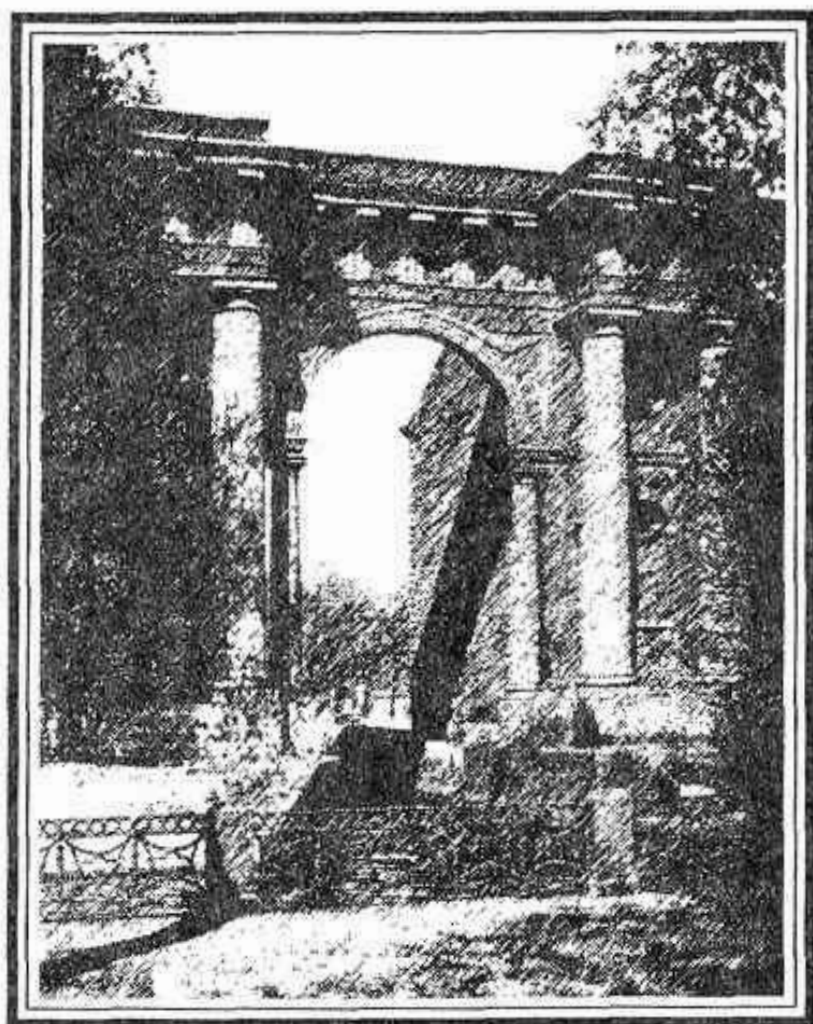
В 1957-1959 гг. деревянные набережные и перила канала Круштейна были заменены железобетонными облицованными гранитом стенками и чугунной оградой на гранитных тумбах. В 1922 г. Адмиралтейский канал был назван каналом Круштейна в память о Карле Яковлевиче Круштейне — военном моряке эстонского командного полка, комиссаре Главного управления мореплавания, этом стойком солдате революции, злодейски убитом эсерами 3 ноября 1921 г. Похоронен Круштейн в сквере на Никольской площади.

На западной границе площади Труда находится дом 5. Это угловой дом с фасадом более протяженным на площади и частично выходящим на набережную канала Круштейна. Дом стоит по красной линии застройки. Засыпанная часть Крюкова канала увеличила ширину предмостной площади. Дом двухэтажный, протяженный, в 23 оси, постройки 1838 г. Реконструировал его архитектор М. А. Пасыпкин. Дом являлся местом расположения множества фирм, в том числе конторы “Художественно-керамического производства Гольдвейн и Ваулин”, выпускавшего красочные майолики, покрытые глазурью (это было модным украшением фасадов зданий, построенных в стиле модерн). Организатором этой фирмы был П. К. Ваулин, который создал в 90-х гг. XIX в. Художественно-керамические мастерские, где сотрудничали художники М. А. Врубель, В. М. Васнецов. В 1906 г. фирма обосновалась вблизи Петербурга на станции Кикерино. Там изготавливали многоцветные керамические детали для облицовки Петербургской мечети. Вход в контору фирмы был украшен красивым панно. При разборке обветшавшего дома в 60-х гг. нашего столетия панно сохранили как образец рекламы (находится в фондах музея истории города). В этом доме также находились “Коммерческая скоропечатня” (типолитография), контора журнала “Отдых”, магазин “Триумф” по продаже велосипедов и пишущих машинок “Денсмор”, булочная и др.

В 70-х гг. XX в. на месте этого дома был построен новый четырехэтажный дом по проекту, разработанному в институте Ленжилпроект архитекторами К. А. Шарлыгиным, В. А. Зубовым, Л. И. Осиповым и инженером Н. Б. Ежовым. Дом декорирован в стиле 40-х гг. прошлого века.

Вплотную к д. 5 стоит д. 3/26, угловой к Галерной улице. Дом жилой, четырехэтажный, скромного декора. В первом этаже находится столовая. До революции в доме располагался трактир "Херсонский". Дом перестраивался в конце XIX в., в него вошел дом, построенный как доходный в 1838 г. по проекту архитектора Я. И. Реймерса (1818-1877).

На пути
к «Талерной верфи»

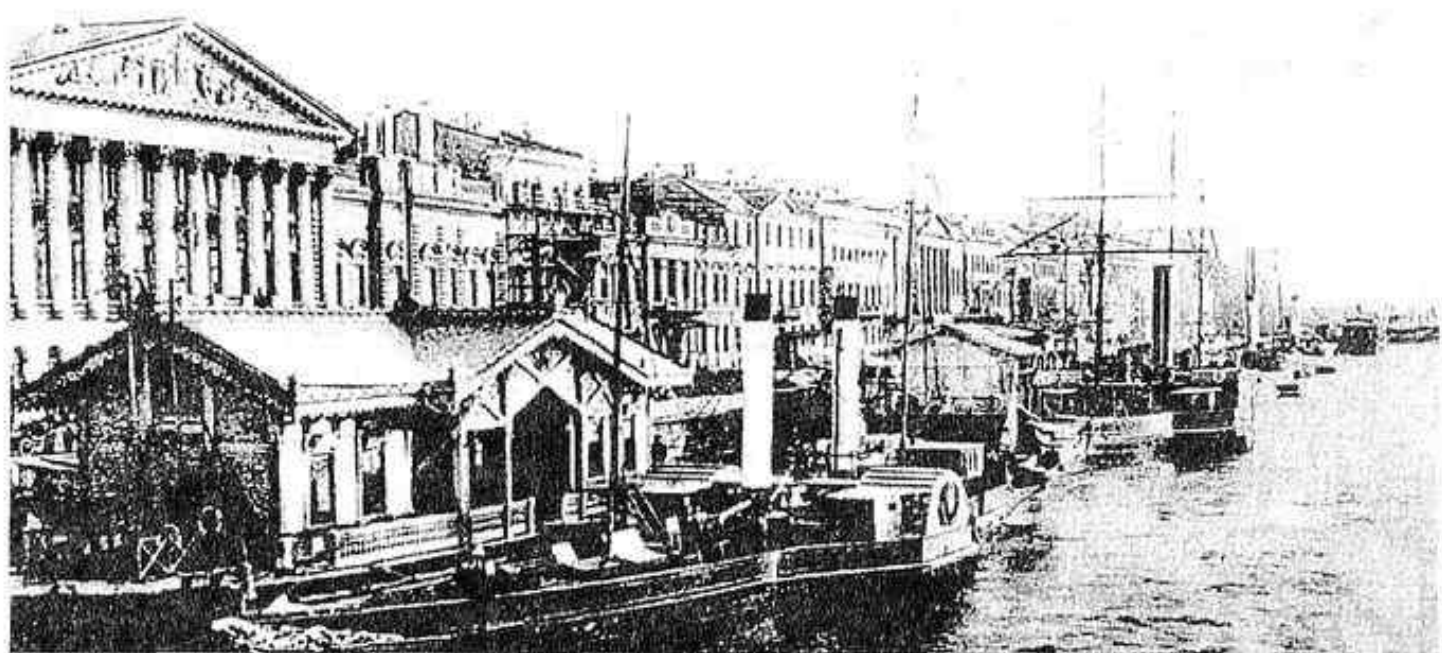

ерейдя Галерную улицу, мы встречаемся с домом 1 по площади Труда, угловым к Английской набережной (дом 38) и Галерной улице (дом 39). Протяженная сторона, обращенная к площади, определяет глубину участков следующего квартала Английской набережной. Дом был построен в 30-х гг. XVIII в., когда уже существовали Крюков канал и гранитный мост через него вдоль Английской набережной. Первой владелицей участка была княжна Мария Вяземская, сдавшая дом в аренду “грузинскому царевичу”.

Дом 38. Дом А. Ф. Кларка

Западный квартал Английской набережной

С середины XVIII в. домом владел купец И. И. Роговиков, затем с 1774 г. его дочь, бывшая замужем за Д. И. Фонвизиним. Он прожил в этом доме до 1789 г. Здесь им была написана комедия “Недоросль”. Все это время он ходил на службу в Коллегию иностранных дел через подъемный мост в дом 32 по Английской набережной.

В 1789 г. дом продали английскому купцу Руту.

В 30-х гг. XIX в. дом принадлежал младшей дочери Лавалей Софье — жене видного сановника, дипломата А. М. Барха. Когда после смерти родителей Софья Ивановна унаследовала особняк Лавалей, она продала этот дом полковнику Черткову, который перепродал его американскому подданному коммерции советнику А. Ф. Кларку. Для него дом был перестроен и расширен на всем участке. Проект всех работ создал архитектор Виктор Александрович Шретер (1839-1901) в 1889-1890 гг. Шретер — академик, профессор, служил в департаменте уделов, главным архитектором Дирекции императорских театров. Крупный архитектор, построивший много доходных домов в Петербурге.

Соседним с ним домом 40 в 1737 г. владел камергер, князь В. П. Хованский. После его смерти владельцем становится сын, А. В. Хованский, который в 1761 г. продает его английскому купцу Генриху Клаузингу. Затем владельцем дома стал негоциант Фома Боннар. Купец 1-й гильдии Генрих Томсон — иностранный гость — стал следующим хозяином.

За сто лет стоимость дома возросла более чем в десять раз. Каждый новый владелец предъявлял свои требования, заключая договор с

Дом 40. Жилой дом (арх. Бонштедт)

архитектором на различные перестройки по своему вкусу. Когда дом стал особняком А. И. Томсон-Боннара то его перестройку в 1850 г. проводил архитектор Л. Л. Бонштедт (1822-1885, академик, профессор, архитектор департамента водных и сухопутных сообщений, много строил в Будапеште, Берлине, Гельсингфорсе, Милане и др.).

В 1852 г. здание приобрел камергер Иван Дмитриевич Асташев, разбогатевший на добыче золота. Он купил дом за баснословную сумму (раз в пять дороже самого дорогого дома на набережной). Как отмечает историк Петербурга М. П. Пылаев, в стоимость дома входила стоимость винного погреба с вековым вином. После смерти Ивана Дмитриевича дом унаследовал его сын, генерал-майор Вениамин Иванович Асташев.

Перестройку дома производили в 60-е гг. архитектор К. К. Вергейм (1840-1912), затем в 1870 г. архитектор Г. Ф. Гросс (1824-1877), архитектор Дворцового ведомства. В 1888 г. инженер-подполковник В. М. Карлович (1834-1892) на месте флигеля старой постройки на Галерной 41 возводит новый дом и трехэтажный надворный флигель.

В 90-х гг. дом Асташева купил Павел Павлович фон Дервиз. Здесь жила вторая жена Дервиза Любовь Александровна с тремя детьми. Сын его Павел Павлович Дервиз (младший) был научным сотрудником

Дом 42. Особняк Полежаева

Эрмитажа. Он умер во время блокады Ленинграда в 1942 г.

Фасад, созданный архитектором Л. Л. Бонштедтом, сохранился. В дворовом флигеле четырехкомнатную квартиру на втором этаже с окнами во двор с 1907 по 1910 г. снимал А. А. Блок.

Фон Дервизы владели домом до 1916 г. и только перед самой революцией продали его А. К. Наумовой.

Дом 42 — это типичный образцовый дом “именитых” горожан XVIII в. в 7 осей и 2 этажа. Перестраивался он в 1869-1870 гг. с включением существовавшего дома архитектором П. П. Мижуховым (1832-1885). В это время хозяином здания был А. Яковлев.

Особняк А. Яковлева купил Полежаев и переделал интерьеры по своему вкусу по проекту архитектора В. А. Гартмана (1834-1873) в 1871 г.

Сейчас это двухэтажный дом, по центру имеет выступающий на 1,5 м парадный вход с наружным навесом. Декорирован рустом, скромно, но аккуратно выполненной лепниной наличников и сандриков. В здании расположено Санкт-Петербургское Морское собрание.

Участок дома 44 был застроен в 30-х гг. XVIII в. первым хозяином, Михаилом Васильевичем Голицыным, представителем одного из самых

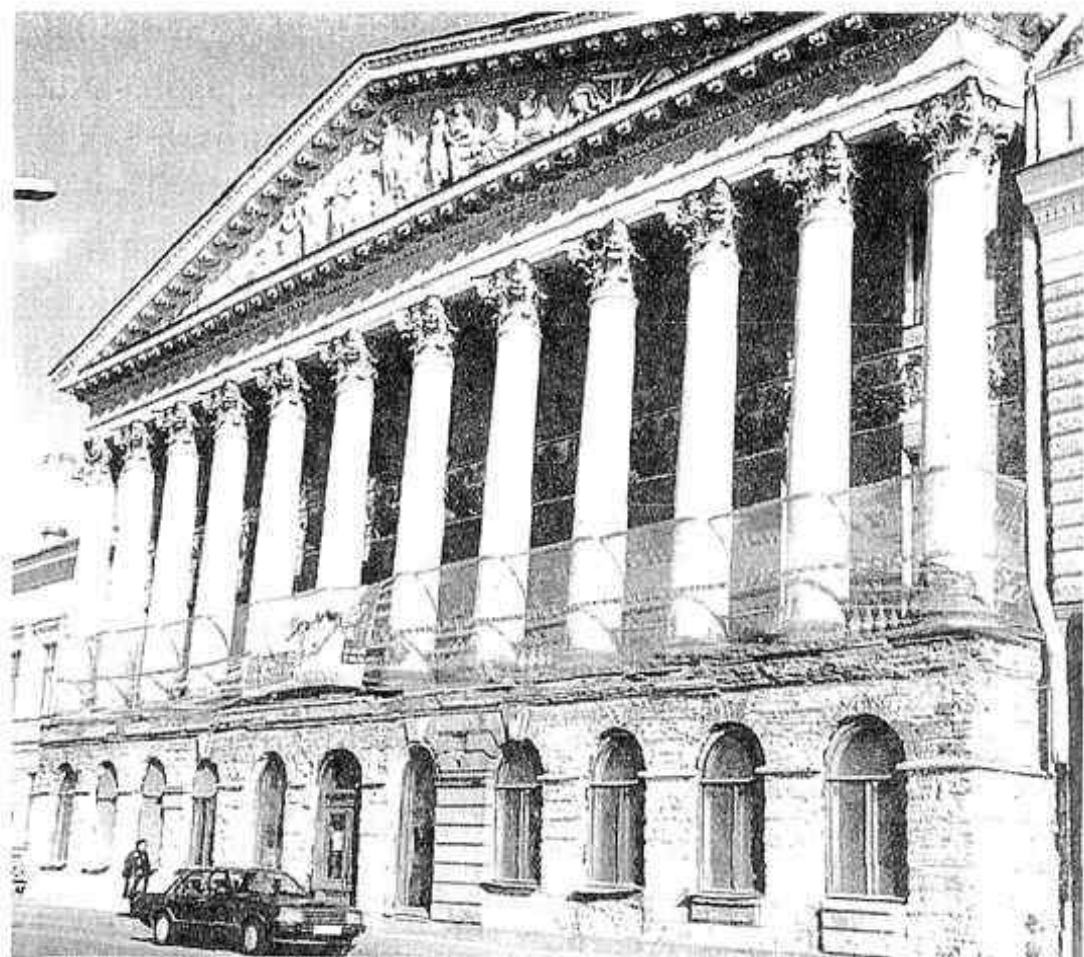
знатных дворянских российских родов, самого разветвленного рода, разросшегося к XIX в. Многие из представителей этого рода занимали государственные посты, а также имели родственные связи с царской фамилией. Один из представителей рода, Борис Алексеевич Голицын, приходился дядей Петру I. Михаил Васильевич был на должности камергера императорского двора. В середине XVIII в. хозяином дома стал наследник — третий сын Александр Михайлович. Он умер в 1774 г. Дом приобрел англичанин Фаркварсан, затем продал его английскому купцу Варе. Участок был окончательно застроен, и дом на набережной был переделан. На гравюре Б. Петерсена мы видим трехэтажный особняк с центральным четырехколонным портиком.

В 1802 г. дом покупает граф Николай Петрович Румянцев. С этих пор и поныне дом называется Румянцевским. Н. П. Румянцев — министр иностранных дел, председатель Государственного Совета, государственный канцлер. Был крупным коллекционером книг, минералов, монет, медалей. В своем завещании он “на благое просвещение” передавал городу все коллекции вместе с домом. В 1831-1861 гг. здесь размещался Румянцевский музей. Впоследствии перевезенный в Москву он явился основой Российской государственной библиотеки. С 1863 г. хозяином дома стал журналист А. В. Старчевский. После смерти Старчевского в 1870 г. дом покупает потомственный почетный гражданин Е. И. Дрябин. В 1882 г. герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский купил этот участок для своей невесты, Зинаиды Дмитриевны Скобелевой. Закон рода Лейхтенбергских требовал женитьбы только на женщине с фамилией Богарне. Поэтому, став невестой, Скобелева получила фамилию Богарне. Вот ей, будущей жене, Зинаиде Дмитриевне Богарне, и был “преподнесен подарок” — этот особняк. Для герцогине З. Д. Богарне (Лейхтенбергской) в 1882-1886 гг. с большим вкусом перестроил интерьеры архитектор А. А. Степанов (1856-1913).

Последним владельцем Румянцевского дома был сын Долли — приемной дочери Зинаиды Богарне — Евгений Львович Кочубей. В 1916 г. дом перешел к обществу “Товарных складов”.

После 1917 г. здание взято под государственную охрану. В нем находились многочисленные учреждения и жилые квартиры.

В 1918 г. Декретом Народного комиссара просвещения А. В. Луначарского учреждается Музей города. В 1938 г. ему передается особняк бывшего Румянцевского музея, где он под названием “Музей истории города” с небольшой экспозицией, посвященной дням блокады Ленинграда,

Дом 44. «Румянцевский дом»

находится и поныне. Это шикарное здание дворцового характера перестроено из старого дома с монументальным фасадом, украшенным мощным двенадцатиколонным коринфским портиком, поднятым на рустованный цоколь и увенчанным треугольным фронтоном. Эту перестройку в 1824-1826 гг. провел архитектор В. А. Глинка (1790-1831). Он создал фасад в стиле высшего классицизма. Помещенный в тимпане

фронтон горельеф “Аполлон на Парнасе” изваял скульптор И. П. Мартос.

В 1863-1865 гг. особняк перестраивался внутри архитектором И. И. Цимом (1810-1895). В этом здании с 1946 г. работало Общество по изучению истории Петербурга — Петрограда — Ленинграда (или Совет содействия Музею истории города). Много лет обществом руководил известный знаток города всеми уважаемый Сергей

Памятная стела у спуска против д. 44

Михайлович Вяземский. В память о нем общество продолжает действовать и помогать музею и ныне.

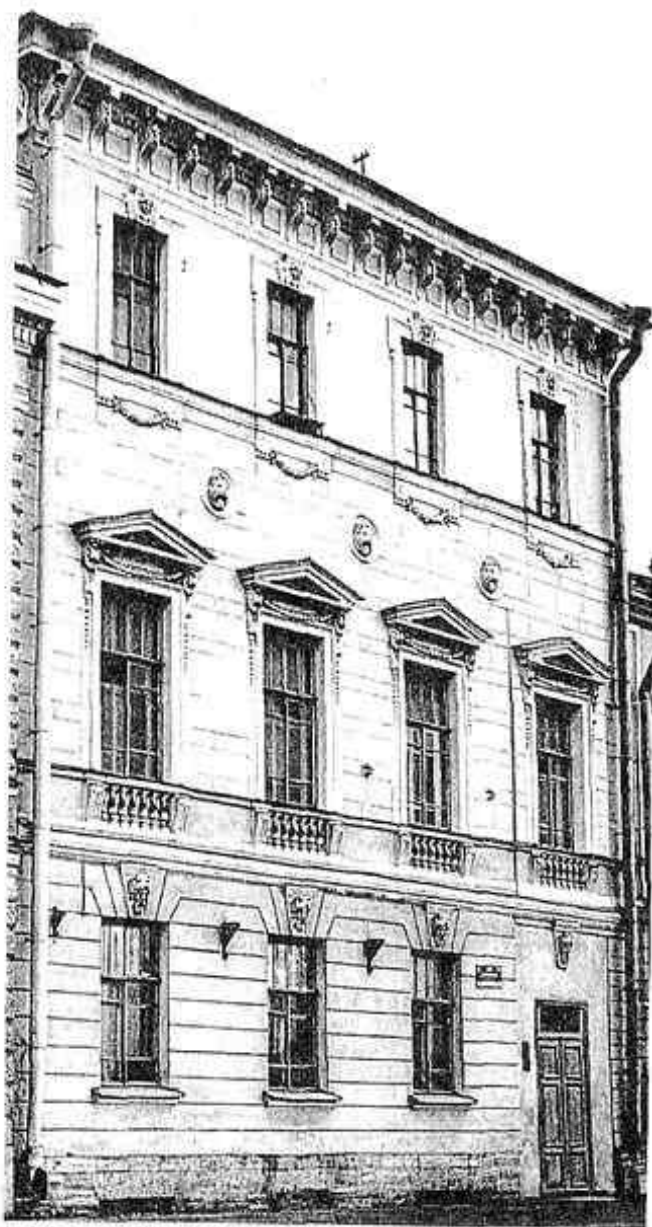
24 октября 1917 г. по указанию Временного правительства были разведены мосты, чтобы отрезать северные районы от центра города. Разведенный Николаевский мост был сведен бойцами Военно-революционного комитета. Юнкера, охраняющие мост, имели преобладающие силы и вновь развели мост. Восстановить движение по мосту было поручено экипажу крейсера "Аврора". 25 октября крейсер вошел в Неву и отдал якорь у Благовещенской площади. Под защитой орудий крейсера движение по мосту было восстановлено и охранялось.

В память об этих событиях 26 ноября 1939 г. против д. 44 по Английской набережной в полуциркульном выступе спуска к Неве установлен памятник в форме стелы высотой 2,45 м и шириной 1,5 м из красного кованого гранита с небольшим сужением кверху, поставленный на рустованные подпятники. На обращенной к Неве стороне стелы высечена надпись, описывающая это событие. На обратной стороне в вырубленном кругу рельефное изображение крейсера. Проект памятника разработал архитектор А. И. Гегелло.

Участок д. 46 простирается до д. 47 по Галерной улице, где въезд на участок. Владелец участка Булычев решил перестроить старые (XVIII в.) здания. Перестройку дома с включением существовавшего осуществил в 1847 г. архи-

Дом 46. Особняк С. Б. Кафтя

Дом 48. Особняк А. И. Васильчикова

тектор Царскосельского дворцового управления Д. Е. Ефимов (1811-1864).

В 1911 г. для нового хозяина С. Б. Кафталя особняк перестроил и расширил инженер-строитель А. И. Клейн (1878-1961), фасад сохранился и ныне. Это двухэтажный в 7 осей дом со ступенчатым ризалитом, с балконом в центре. Декорирован скромно.

Участок дома 48 был застроен в 20-х гг. XVIII в. В 30-х гг. следующего века хозяином особняка был П. К. Ферзен, который в 1838 г. перестроил старый дом. Это осуществил архитектор-строитель П. С. Садовников (1796-1877), а в 1848 г. особняк Ферзена со стороны Галерной 49 был перестроен архитектором Г. А. Боссе (1812-1894). В 1880 г. особняк принадлежал А. И. Васильчикову. В это время дом был надстроен со стороны Галерной архитектором В. А. Кенелем.

В 1885 г. новый хозяин особняка А. Я. Прозоров переделывает интерьеры, пользуясь услугами архитектора В. М. Карловича (1834-1892). Декор фасада — руст, наличники, сандрики и маскароны.

Первый дом на участке, занятом сейчас домом 50, построен в 20-х гг. XVIII в. Хозяйкой его была вдова генерал-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева, и по наследству он достался ее внуку А. И. Долгорукову.

Дом 50. Дом В. В. Капниста

В начале XIX в. здесь жил генерал В. В. Левашев. В 30-х гг. домом владели выходцы из Шотландии графы Стенбок-Ферморы. В 1859-1862 гг. дом снимал прусский посланник Отто фон Бисмарк (будущий рейхсканцлер Германской Империи). В существующем здании легко прослеживается связь с проектом “образцового дома для именитых людей”, разработанным в 1717 г. Такими двухэтажными, в семь окон по фасаду, домами “для именитых” предполагалось застроить набережную на всем ее протяжении.

В 30-х гг. XIX в. особняк был перестроен. Внешний облик дома, за исключением некоторых деталей, сохранился до нашего времени. Главный фасад решен без применения ордерных элементов — колонн или пилястров. Этим он отличается от наиболее распространенного в русской архитектуре начала XIX в. типа жилого дома, украшенного портиком и фронтоном. В центральных ризалитах главного и дворцового фасадов подчеркнуты примыкающие к залу лестницы. В зале сохранилась роспись плафона, выполненная в первой половине XIX в. Жилые флигеля, выходящие во внутренние дворы и на Галерную улицу, построены во второй половине XIX в.

Дворовый флигель, выходящий на Галерную 51, как и д. 50 по набережной, в 70-х гг. XVIII в. занимал В. В. Капнист — русский драматург и поэт. Дом перестраивал в 1902 г. архитектор В. П. Цейдлер (1857-1914, академик архитектуры, скульптор).

Въезд с Галерной — в два двора, соединенных аркой поперечного флигеля. Во втором дворе — крыльцо подъезда дома на набережной. В каталогах архитектуры дом обозначен как дом Капниста.

Первый дом на месте д. 52 был возведен в 30-х гг. XVIII в. сподвижником Петра I А. М. Головиным. Автоном Михайлович Головин был при малолетнем Петре комнатным стольником, потом помогал ему в создании регулярной армии. Был полковником лейб-гвардии Преображенского полка, участвовал во взятии Азова и в Северной войне. В сражении под Нарвой в 1700 г. был пленен и отвезен в Стокгольм. Обменяли его только в 1718 г. Род свой Головин ведет от греков,

Дом 52. Особняк Я. А. Потемкина

живших в России с 1393 г. Головиных было четыре рода с XVII в. и 16 родов позднейшего происхождения.

Головин сдал дом голландскому купцу П. Томсену. В конце XVIII в. в доме жила светская красавица О. А. Жеребцова — противница императора Павла I. В доме собирались ее единомышленники. Затем хозяином дома стал герой Отечественной войны 1812 года генерал-майор Я. А. Потемкин. Он впал в немилость у Александра I за отмену в своем полку телесных наказаний.

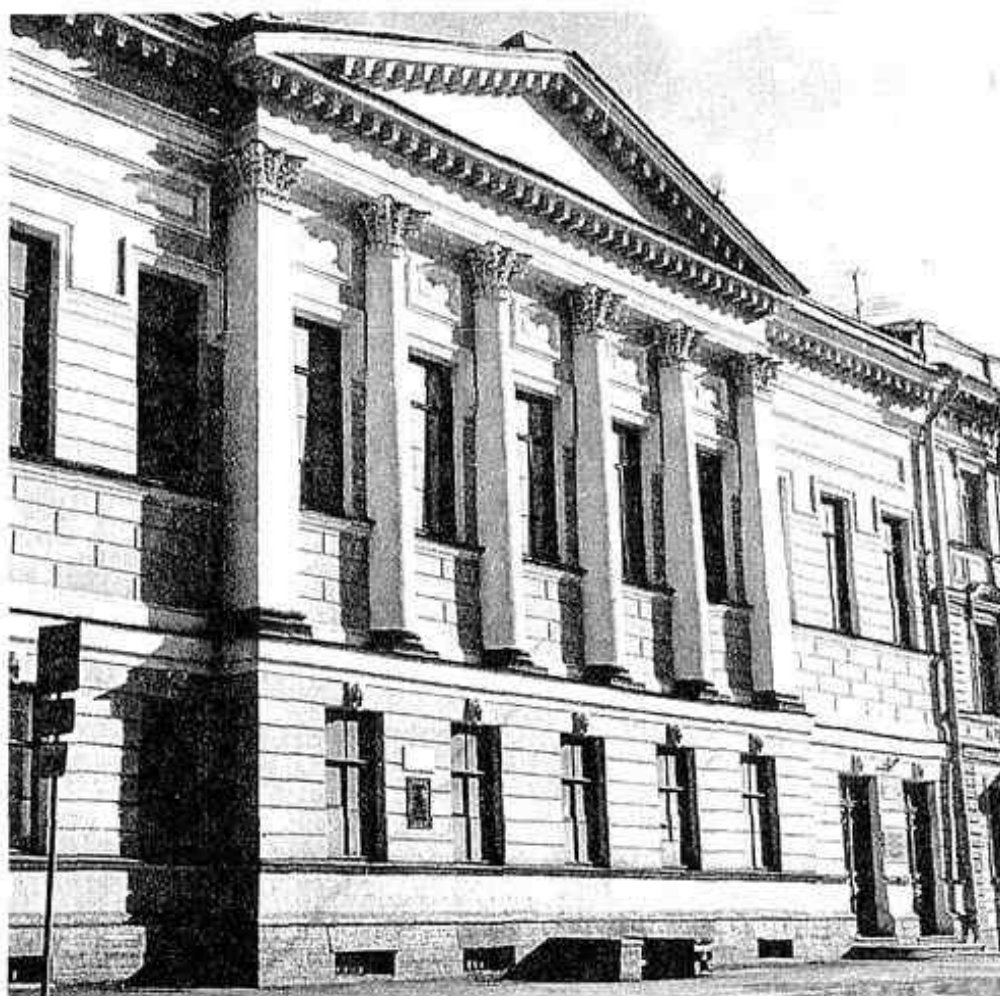
В 20-х гг. XIX в. особняком владела его теща Брискори. У нее 1831-1832 гг. в корпусе на Галерной улице 53 снимал квартиру А. С. Пушкин. В начале XIX в. дом Головина подвергся перестройке и приобрел черты, характерные для архитектуры русского классицизма. Главный фасад дома украсили пилястры и фронтоны. Нижний этаж, трактованный как цоколь, отделали рустом. Из-за многократных перестроек полностью утрачена внутренняя отделка дома. Некоторые интерьеры начала XIX в. в художественном отношении интересны и ценны — бывшая спальня во втором этаже, украшенная дорическими колоннами из искусственного мрамора, лепнина в вестибюле первого этажа и наборный паркет в некоторых помещениях.

Свою историю дом 54 ведет с начала XVIII в., когда первым хозяином участка был генерал-майор Матюшкин. С 1782 г. владелицей числилась бывшая фрейлина Екатерины II, племянница Г. А. Потемкина Татьяна Васильевна Юсупова. В 1837 г. в особняке разместилось Морское министерство. Начальником Главного Морского штаба был правнук светлейшего князя А. Д. Меншикова Александр Сергеевич Меншиков. Когда министерство переехало в другое здание, этот дом был подарен императором А. С. Меншикову в вечное пользование. После его смерти здание перешло к наследнику — сыну Владимиру. Владимиром Александровичем закончился прямой род Меншиковых. Все личные вещи знаменитого родственника (А. Д. Меншикова) он передал Эрмитажу.

Первый дом участка просуществовал много лет, только в 70-х гг. XIX в. большие переделки в нем произвел старший городской архитектор К. К. Рахау (1830-1880). Старшая дочь Владимира Александровича, вышла замуж за А. И. Корейшу, к которому перешли все титулы Меншиковых, а также этот дом. Окончательный облик здание приобрело в 1910-1913 гг. после реконструкции, проведенной архитектором Высочайшего двора Р. Ф. Мельцером (1860-1943) в стиле модерн, когда здание приобрел великий князь Михаил Александрович Романов, младший брат императора

Николая II, февральский кандидат на царский престол России. Как известно, в его пользу отрекся последний самодержец. После февральской революции М. Романов жил в Гатчинском дворце. В ноябре 1917 г. ему был выдан документ о “свободном проживании” как рядовому гражданину России. Когда в феврале 1918 г. общая ситуация в республике ухудшилась (германское наступление на Петроград), Петроградским Советом М. Романову было предписано выехать на жительство в Пермь.

В Перми он жил в богатых номерах гостиницы с секретарем Джонсоном, камердинером и шофером (в Пермь был привезен личный автомобиль “роллс-ройс”). Вначале М. Романов ежедневно отмечался в штабе Красной гвардии, затем в июне 1918 г. с него сняли это ограничение. Вольготная жизнь князя с выездами, пикниками, вечеринками и т. п. раздражала местное население, особенно рабочих. На заводских собраниях и митингах требовали расправы над ним. Органы власти мер не приняли, и рабочие предсказали возможность самосуда. Так и случилось. Романова захватили в гостинице вместе с секретарем. На двух фаэтонах (в одном везли Михаила, в другом — секретаря) их отвезли за город в лес и зверски расстреляли 13 июля 1918 г. Двух человек из свиты Михаила Александровича расстреляла ЧК. Это была, по существу, незаконная расправа.

Дом 56. Здание Английской церкви

В 1918 г. особняк был национализирован и передан Дому просвещения глухих.

Первый дом на участке, занятом домом 56, возведенный в 1718 г., принадлежал П. Б. Шереметеву. В 1721 г. дом был продан англичанам, купившим его в складчину: в нем обосновалось Английское торговое общество, переехавшее из Москвы в Санкт-Петербург в 1718 г. Уже через год общество приглашает сюда, в новую столицу, пастора Т. Конфетта, который начал проводить богослужения в этом доме.

Здание английской церкви — одна из последних построек архитектора Д. Кваренги — воздвигнуто в 1814-1815 гг. При сооружении были использованы стены старого здания. Кваренги перестроил не только главный корпус, но и все дома в глубине длинного двора участка.

Весь второй этаж занимает бывший церковный зал, он декорирован пилястрами и колоннами коринфского ордера, облицованными искусственным мрамором. Потолок плоского перекрытия зала расписан, в окнах витражи, привезенные из Англии. Особую ценность представляют четыре мозаичных панно на библейские сюжеты и орган фирмы “Бриндли энд

Фостер”. Главный фасад решен Кваренги по излюбленной для него композиционной схеме: центр выделен ризалитом, обработанным полуколоннами и пилястрами, ризалит завершен фронтоном с тремя статуями. Первоначальный облик здания был искажен в 1876 г. при перестройке архитектором Ф. К. Болтенгагеном (1837-1885, архитектор Академии наук). Изменены формы и размеры оконных проемов во втором этаже, в котором находился двухсветный зал церкви, окна второго света заложены, а плоскости стен расчленены грубоватыми по рисунку филенками и рустовкой. Тогда же перестраивался и жилой дом на Галерной 57. Сейчас в здании находится городское экскурсионное бюро.

Дом 58 построен в 20-х гг. XVIII в. как образцовый дом для “именитых”.

Дом 58. Жилой дом

Перестроен под доходный дом. Перестроены и все флигеля участка, а также стоящий в длинном дворе поперечный флигель с аркой, что увеличило количество квартир. Перестройку осуществил в 1858 г. академик архитектуры Ю. О. Дютель (1824-1910), строивший в Санкт-Петербурге и Царском Селе доходные дома. Фасады обоих домов (с набережной и с Галерной) имеют по 7 осей (как положено для образцовых домов XVIII в.). Оба дома трехэтажные. В доме на набережной декор скромный, есть руст, наличники и сандрики, небольшой ризалит в 5 осей по центру с парадным.

Дом 60 — это очередной дом в ряду каменных образцовых построек 20-х гг. XVIII в. для “именитых”. Первым владельцем участка был Степан Васильевич Лопухин (вице-адмирал, двоюродный брат царицы Евдокии). Воспитание получил в Лондоне. Служил губернатором в Астрахани, был женат на красавице, статс-даме Елизаветы Петровны Наталье Федоровне.

Дом 60. Особняк Н. Н. Теплова

Был привлечен по “Лопухинскому делу”, лишен языка и сослан в Сибирь, где умер в 1748 г. Его жена и сын возвращены из ссылки Петром III.

Лопухин сдавал дом в аренду, а затем продал английскому подданному, купцу П. Я. Лобри. При Петре I иностранцам строить дома на набережных было запрещено. В данном случае указ обошли. При Анне Иоанновне этот указ был отменен, и иностранцы, арендовавшие дома, стали их хозяевами. Следующей владелицей дома была баронесса Жомини, вдова военного историка Г. В. Жомини.

В середине XIX в. домом владел Почтовый департамент.

В 1864 г. его приобрел полковник Н. Н. Теплов. Фасад дома сохранился с того времени без изменений. Он создан при перестройке, проведенной в 1876 г. архитектором П. П. Мижуховым (1832-1885) — одним из учредителей Русского технического общества. Мижухов — автор трудов по строительным материалам и производству работ, аттестован как архитектор в 1865 г. Академией художеств.

В 1864 г. особняк Теплова со стороны Галерной переделывался архитектором Л. Ф. Фонтана (824-1894, архитектор императорского двора).

Дом 62. Жилой дом

Дом 62 — один из домов 20-х гг. XVIII в., построен как особняк. До 1858 г. не перестраивался, имел несколько разных хозяев. В 1858 г. для владельца особняка М. Н. Челищева был перестроен архитектором Н. В. Трусовым (1820-1886, академик архитектуры). Здание в 3 этажа, число осей сохранилось первоначальное — 7 осей. Ризалит по центру в 3 оси, на втором и третьем этажах балкон по ширине ризалита. Декорировано здание элементами середины XIX в. (эkleктика). Со стороны д. 63 по Галерной улице в 1908 г. архитектор М. Ю. Капелинский (1874-1930) строит доходный дом в 4 этажа с двумя эркерами 2-го и 3-го этажей. Дом декорирован, с аттиком, арка ворот высокая, обрамлена глазурованным кирпичом.

Дом 64 — один из группы домов, построенных по типовым проектам в 20-х гг. XVIII в. По фасаду так и сохранилось 7 осей. В 80-х гг. XIX в. весь участок принадлежал С. В. Линдес, который внес некоторые изменения во внешний облик и интерьеры флигелей. Эти изменения осуществил архитектор В. А. Шрейтер (1839-1901). В 1913 г. здание перестроено для посольства Швеции. Перестраивал шведский архитектор Фредерик Лилльеквист (1863-1932).

Здание трехэтажное, в 7 осей, на цоколе с полуподвалом, богато декорировано рустом, филенками, гирляндами. На втором этаже широкий балкон. Дом венчает лучковый фронтон с гербом в тимпане. Сейчас здание занимает Электромеханический колледж.

Дом 64. Здание бывшего Шведского посольства

Дом 66. Жилой дом

Дом 68. Особняк А. Л. Штиглица

На соседнем участке стоит дом 66. Он также построен в 20-х гг. XVIII в. За некоторыми, незначительными изменениями, фасад дошел до нашего времени. Дом в 2 этажа, 7 осей (как все дома XVIII в., по набережной). По центру ризалит в три оси, с балконом. Декор скромный. Сильно выступающий карниз венчается низким аттиком.

Дом 68 — особняк А. Л. Штиглица (так он значится в каталогах архитектуры) выделяется среди ряда других домов, расположенных в конце Английской набережной. На

этом участке стояли два жилых дома. Один из них был построен в 1716 г. и являлся первым по времени постройки каменным домом на набережной. Его строителем был один из лучших корабельных мастеров петровского времени Иван Немцов. После Немцова этот дом принадлежал его зятю — известному архитектору С. И. Чевакинскому. Второй дом принадлежал В. А. Волынскому (сыну кабинет-министра А. П. Волинского), затем его хозяином был купец Михаил Сердюков — строитель Вышневолоцкой системы каналов.

Дальнейшая судьба обоих домов связана с именем А. Л. Штиглица, купившего оба дома в 30-х г. XIX в. Придворный банкир Людвиг Иванович Штиглиц известен своей безукоризненной честностью и незапятнанной репутацией. Эту высокую марку держал и его сын А. Л. Штиглиц, превративший дом в роскошный особняк, постройкой которого прославил себя архитектор А. И. Кракау (1817-1888). Архитектор создал особняк, фасаду которого придал сходство с некоторыми дворцами итальянского ренессанса. Постройка дома датируется 1859-1862 гг. Сильная горизонтальная тяга подчеркивает деление фасада на два этажа. Стены нижнего этажа обработаны рустами. Штукатурка стен верхнего этажа имитирует облицовку тесаным камнем. Наличники с прямыми сандриками на кронштейнах просты и строги по рисунку. В бельэтаже наличники в виде портиков из двух колонн на пьедесталах, поддерживающих треугольный фронтон. Центр фасада украшен портиком из двух колонн по сторонам входа. Широкий фриз под карнизом, украшенный лепкой, завершает

плоскость фасада. Декор фасада выполнен скульптором Д. И. Иенсенем.

Художественную ценность представляют интерьеры дома. Среди них по богатству композиционного замысла выделяется парадная лестница из белого мрамора, декорированная коринфскими пилястрами. Арка, украшенная колоннами, оформляет выход на улицу. Парадная анфилада, окна которой выходят на Неву, состоит из нескольких комнат: танцевального зала, гостиной, приемной — все они украшены лепниной, колоннами и т. д. Наиболее эффектен танцевальный зал с коринфскими каннелированными колоннами (каннелюры — желобчатые идущие сверху вниз углубления на стержнях колонн, пилястр и др.). В отделке широко использовались штофные драпировки, золоченая лепка и резьба. Библиотечная комната была отделана дубом.

Существенную роль в декоративном оформлении парадных комнат играли каминные из белого и цветного мрамора со скульптурными деталями. Мастер русской живописи Ф. А. Бруни исполнил эскизы для живописных панно интерьеров “Четыре времени года”. В ряде помещений отделку произвела в 1898 г. английская фирма “Мэйпл и К°”.

А. Л. Штиглиц наполнил свой особняк произведениями искусства. Богатый человек, он вкладывает деньги в предприятия, необходимые России, особенно в строительство железных дорог. Им создано Центральное училище технического рисования (ныне Государственная художественно-промышленная академия), которому создатель завещал огромную сумму в восемь миллионов. По тому времени это был самый большой дар.

В 1845 г. архитектор А. М. Кузи (1800-1855), ученик Шарлеманя, перестроил флигели со стороны двора. После смерти барона А. Л. Штиглица в 1884 г. его приемная дочь продала особняк великому князю Павлу Александровичу (1860-1919). П. А. Романов — великий князь, шестой сын Александра II, командующий лейб-гвардии Гусарского полка и лейб-гвардии Конного полка, генерал-адъютант. Павел Александрович — почетный председатель Русского общества охраны народного здоровья и покровитель конно-заводских учреждений в России. Был женат на своей двоюродной племяннице — Греческой Александре Георгиевне, имел двух детей, Дмитрия и Марию. После смерти жены женился вторично в 1902 г. на Ольге Валерьяновне Песстолькорф (по первому браку), которая получила титул графини Гогенфельзен, а в 1915 г. княгини Палей. У них был сын Владимир — князь Палей. Их брак был морганатическим. Павел Александрович не смог продвигаться по служебной лестнице и был отставлен от занимаемых должностей. Он уехал с женой за границу, но

Дом 70. Жилой дом

Дом 72. Жилой дом

вернулся в Россию до первой мировой войны.

В формах барокко были оформлены фасады со стороны двора (Галерная улица, д. 69-71). В 1938-1939 гг. правый дворовый флигель был надстроен на один этаж. В 1946-1947 гг. возведен дополнительный этаж над Мавританским залом.

Дом 70 — один из образцовых домов для “именитых”, построенных в 20-х г. XVIII в. Дом двухэтажный, в 7 осей, с надстроенным при перестройке особняка С. В. Гвейера архитектором К. И. Реймерсом (1812-1886) в 1871 г. третьим этажом. Декор дома скромный — деление по вертикали фигурными лопатками. По — центру балкон на втором этаже (в одну дверь). По горизонтали дом расчленен карнизами после каждого этажа. Дворовый флигель объединен с флигелем дома 69, они имеют общие въездные ворота (дом 69-71).

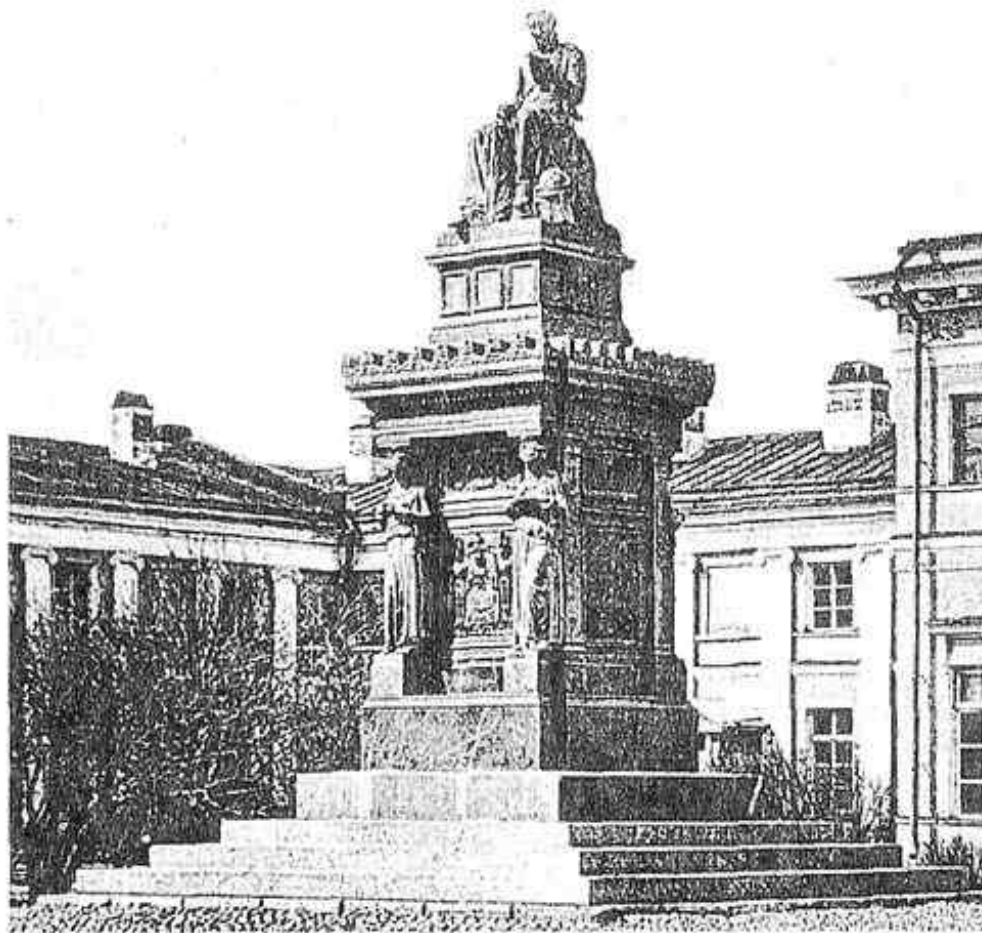
В первом доме (на участке, занятом домом 72) хозяином был А. Гендриков. Во второй половине XVIII в. домом владел барон А. Раль. Затем здание принадлежало Купеческому обществу. Одну из квартир этого доходного дома занимал художник Орест Кипренский. В 90-х гг. XIX в. владелицей дома была титулярная советница А. Ф. Рыжова — жена потомственного почетного гражданина Е. Ф. Молво. Дом перестраивал в

1881 г. архитектор А. Н. Бенуа (1852-1936), академик живописи. Сейчас это жилой дом. С набережной он двухэтажный, в 9 осей, центр выделен ризалитом в три оси с балконом в одну богато декорированную дверь. В первом этаже выпуклый руст. Окна второго этажа закруглены. По горизонтали — поясковый карниз, над верхним этажом — выступающий карниз с широким фризом. В 1896 г. архитектором А. С. Хреновым (1860-1926) надстроен дворовый флигель.

Участок, занятый домом 74, был освобожден от хозяйственных построек Шневенской слободы только в 1735 г. Расположенный на углу Ново-Адмиралтейского канала, вначале он простирался от набережной Невы до Галерной улицы, но затем был разделен на два участка — 74 с набережной и 75 с Галерной улицы. В 1738 г. здесь был сооружен двухэтажный каменный дом для сына известного горнозаводчика Никиты Акинфиевича Демидова, в 1720 г. получившего дворянство, — Никиты. Дом построен с увеличением на две оси (в отличие от типового проекта для “именитых”). У него 9 окон по фасаду и мезонин. Главный фасад украшало крыльцо с 4-колонным портиком. В 1809 г. дом был продан наследниками Демидовых баронету Виллие и перестроен в духе классицизма в конце 20-х гг.

Дом 74. Дом баронета Виллие

Памятник Я. В. Виллие.

Фото с открытки из коллекции автора

Яков Васильевич Виллие (1765-1854) — русский военный врач, по национальности шотландец, с 1790 г. живший в России. Виллие — главный военно-медицинский инспектор, президент Петербургской медико-хирургической академии, почетный член Петербургской Академии наук. Участвовал в Отечественной войне 1812 года. Основатель “Военно-медицинского журнала”. В 1798 г. основал на свои средства Военно-медицинскую академию (ныне Военно-медицинская академия на Выборгской стороне).

В 1859 г., 9 декабря, в сквере перед центральным зданием Академии (по оси улицы Симбирской — теперь Комсомола) был открыт памятник видному врачу и общественному деятелю Якову Васильевичу Виллие. Он изображен сидящим на скале с карандашом и свитком в руках, у ног каска и написанная им книга “Военная фармакопея”.

Памятник работы скульптора Д. И. Иенсена отлит из бронзы, высота с пьедесталом 8 м. Пьедестал архитектора Штакеншнейдера украшают 4 гения здоровья. На лицевой стороне постамента помещен бронзовый барельеф с гербом и медалями Виллие. Под барельефом надпись: “Лейб-медику, действительному тайному советнику баронету Виллие. Декабрь

9 дня 1859 г.» На боковых сторонах бронзовые горельефы: первое заседание конференции Академии под председательством Виллие, Виллие с русскими врачами, питомцами Академии, оказывает помощь раненым в войне 1812-1814 гг.

Памятник был разобран после 1946 г. (восстановлен во внутреннем дворе Военно-медицинской академии). Я. В. Виллие долго был личным врачом Александра I. Им был подписан документ, констатирующий смерть императора в Таганроге 19 ноября 1825 г.

Одним из его лучших учеников, адъюнктов Академии, был А. Д. Бланк, которому Виллие предложил квартиру в своем дворовом флигеле (со стороны Ново-Адмиралтейского канала, д. 2, где был въезд на участок д. 74). В семье А. Бланка в 1835 г. родилась дочь Мария — Мария Александровна, мать В. И. Ульянова-Ленина. Умерла она в 1916 г. и похоронена на мемориальном Волковом кладбище.

В 90-х гг. XIX в. в здании были произведены новые переделки, главным образом дворовых флигелей. В начале XX в. здесь жил художник А. Ф. Гауш, один из основателей Музея Старого Петербурга. Сейчас это двухэтажный жилой дом на подвале, в 9 осей, с небольшим в три оси ризалитом. Фасад скромно декорирован, первый этаж отделан рустом, на втором этаже по центру балкон, окна в пределах ризалита закруглены. Над ризалитом треугольный фронтон.

По другой стороне Ново-Адмиралтейского канала (прорыт в 1717 г.), там, где находилась Галерная верфь, в 1800 г. производились основные судостроительные работы, так как на Адмиралтейской верфи было уже тесно для производства крупных линейных кораблей. Бывшая Галерная верфь стала именоваться Новым Адмиралтейством, при этом изменили план территории, построили новые эллинги, слипы, разные подсобные мастерские и т. п. Потребность в создании более современного флота с новыми паровыми двигателями выявила необходимость в переоборудовании Нового Адмиралтейства. В 1860 г. с его стапелей было спущено последнее деревянное судно — линейный в 111 пушек корабль “Император Николай I”. Новое Адмиралтейство стало предприятием “железного судостроения”. В 1863 г. там был заложен и в 1864 г. спущен на воду первый русский броненосный корабль водоизмещением 3840 тонн. Корпус корабля над ватерлинией был обшит броневым поясом.

На рубеже XIX-XX вв. на верфи Нового Адмиралтейства сооружались эскадренные миноносцы, броненосцы и канонерские лодки. Здесь был построен знаменитый крейсер “Аврора”, спущенный на воду 11 мая 1900 г.

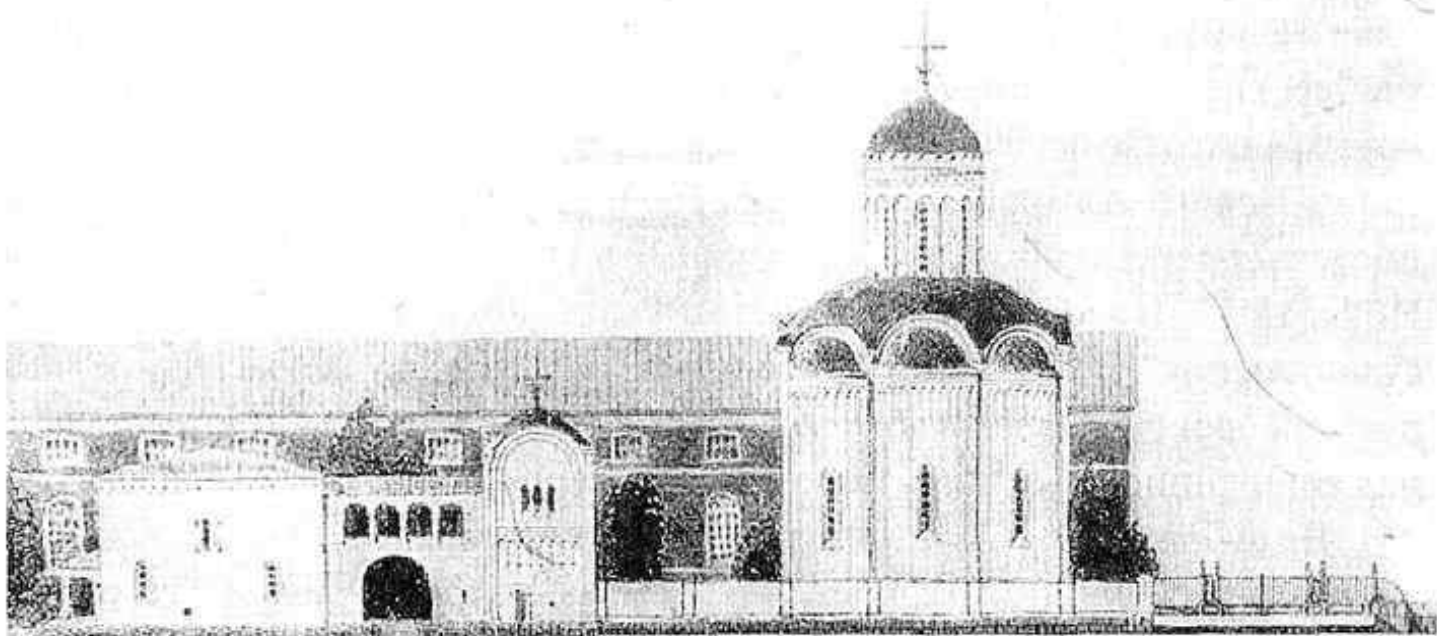
и 16 октября 1903 г. вошедший в состав военного флота России. В январе 1908 г. Новое Адмиралтейство объединили с соседними судостроительными предприятиями: Франко-Русским обществом, расположенным на левом берегу Мойки, и Адмиралтейским заводом на Галерном острове (между рукавами Фонтанки у ее устья) — в результате образовалось единое крупное предприятие — Адмиралтейский завод. С 1972 г. он назывался Ленинградским Адмиралтейским объединением, а сейчас это Государственное предприятие «Адмиралтейские верфи».

К пятилетию окончания войны с Японией в 1904-1905 гг. было решено создать храм-памятник морякам, погибшим в эту войну. Для этого был создан специальный комитет под председательством Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны. В комитет вошли инженер-строитель Сергей Николаевич Смирнов, архитектор Марьян Марьянович Перетяткович, скульптор Борис Михайлович Микешин, Капитолина Николаевна Макарова — вдова адмирала Макарова, адмирал Путятин Николай Сергеевич и вице-адмирал Николай Оттович фон Элен.

По почину вдовы доблестно погибшего командира крейсера “Светлана” Е. А. Шеиной был организован сбор пожертвований на постройку храма под непосредственным руководством Ея Величества Королевы Эллинов Ольги Константиновны.

По всей России распространили воззвание: “Вам, родителям, вдовам, сиротам и присным моряков, за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших, сей храм-памятник, “храм-могила” будет воздвигнут”.

Комитет решил создать чисто русский храм в духе ростовских, владимирских, суздальских церквей, например Покровской церкви на

Проект храма (вид вдоль Адмиралтейского канала)

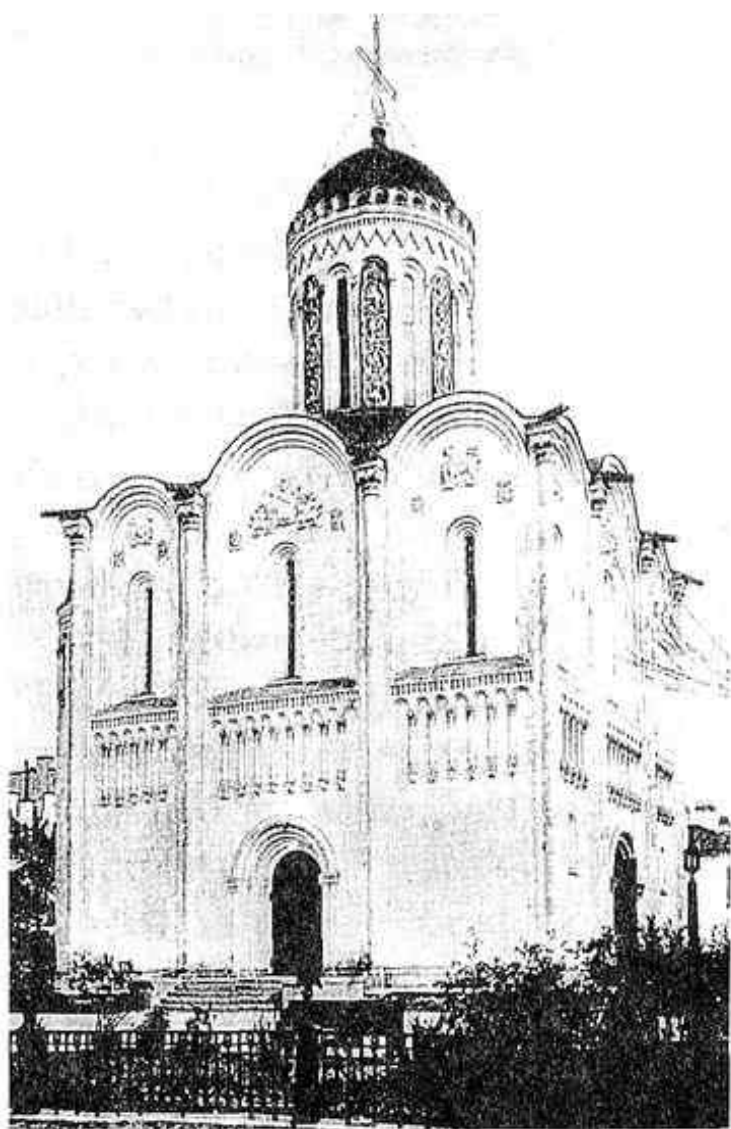
Нерли, построенной великим князем Андреем Боголюбским в XII в. (1165 г.). Предварительная безвозмездная работа комитета состояла в увековечении имен всех погибших. По указанию адмирала Григоровича было выбрано место на левом берегу Невы напротив Морского корпуса (б. Морского училища им. Фрунзе). Оба эти здания явились как бы пропилеями входа в приморскую столицу со стороны моря по Неве.

Инженер-строитель Сергей Николаевич Смирнов, художник-архитектор Марьян Марьянович Перетяткович, скульптор Борис Михайлович Микешин приняли безвозмездный труд по построению храма. Строительной комиссией под руководством Великого князя Константина Константиновича Романова в марте 1910 г. был подготовлен проект. Проект был одобрен.

В 1910 г. началась расчистка места, выделенного Ново-Адмиралтейской верфью вдоль Ново-Адмиралтейского канала от Невы. На этот участок был перекинут деревянный широкий мост, продолжающий Английскую набережную. Храм начали строить по типу Дмитриевского

собора во Владимире и храма Покрова на Нерли. Снаружи храм был облицован белым камнем из каменоломен Тверской губернии и украшен рельефными изображениями из того же камня.

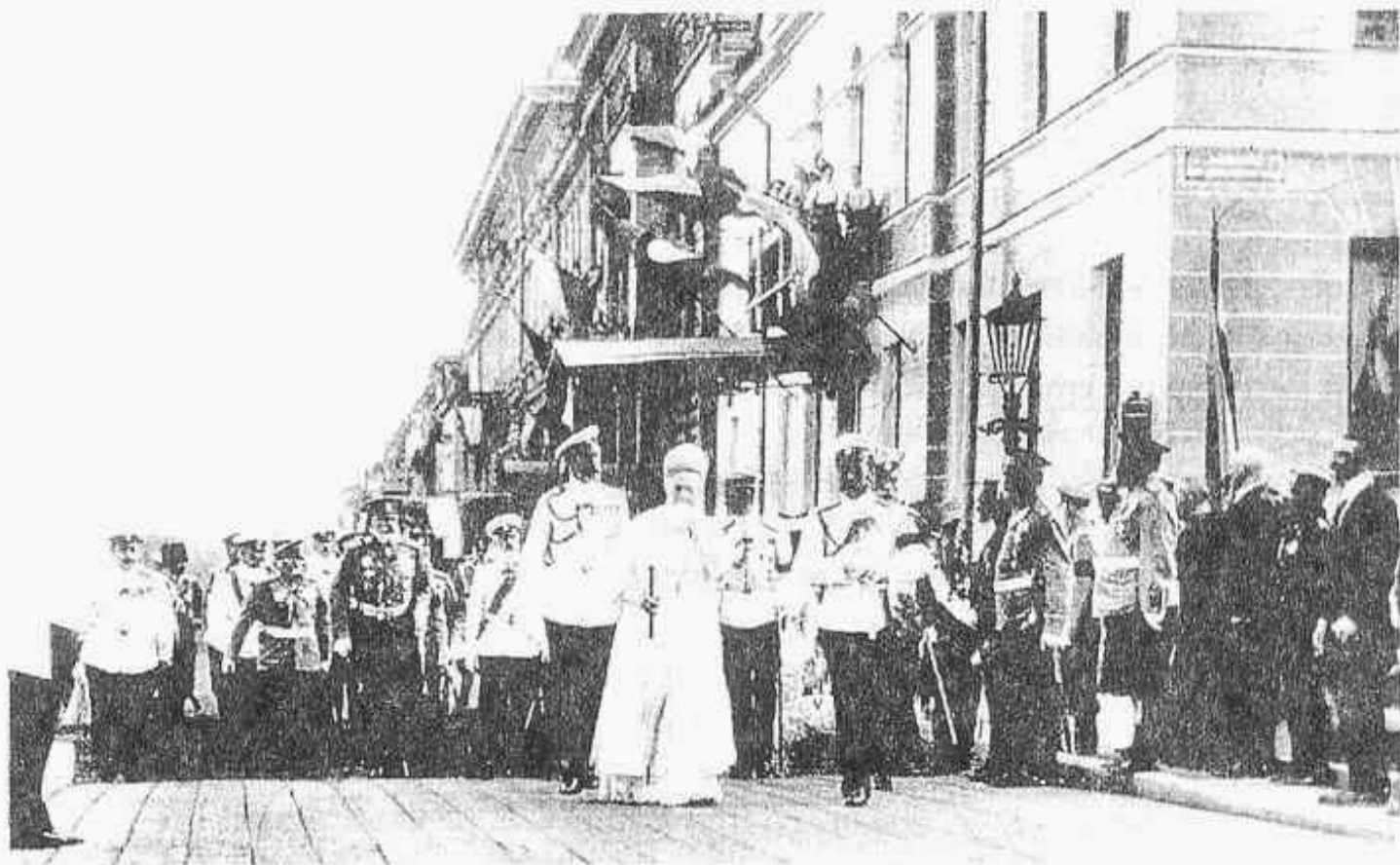
Уже 14 сентября 1910 г. на купол водрузили ажурный с резными фигурами и сидящим наверху голубем крест. Высота храма — 16 сажень, ширина 7 сажень, длина 9 сажень. Церковь нижняя и верхняя с хорами. Храм одноглавый, без колокольни. Небольшая галерея соединяет его с особым зимним ходом и раздевальной — древнего вида звонницей над аркой и далее — с домиком для причта. Северные ворота изготовлены в Москве из металла, на них 28 рельефных изображений на библейские и евангельские мотивы,

Храм «Спас на водах» (вид с реки Невы)

заимствованные с древних (XIV в.) Васильевских Новгородских врат в г. Александрове Владимирской губернии. Над убранством храма работали студенты-художники А. Г. Джорогов и Н. А. Трикуленко. Настенная мозаичная роспись создана академиком Н. А. Бруни. В храме много приделов, на стенах которых помещены судовые иконы и бронзовые доски с именами погибших. В алтаре громадное изображение Спасителя, шествующего по водам — мозаикой (исполнена по рисунку Н. А. Бруни). Оно имеет символическое значение и по нему церковь кратко именуется храмом Христа Спасителя, “Спас на Водах”. Мозаичные иконы созданы по эскизам В. М. Васнецова. Храм построен на откосе, покрытом дерном (так как это храм-могила). Над воротами звоницы мозаичная на золотом фоне надпись: “Вечная память морякам, живот свой на брани положивших в 1904-1905 годах”. О сущности сего храма написаны стихи Веселковой-Кильштет:

*“Янтарный сумрак, тишина,
Скрижали вдоль колонн,
А на скрижалях — имена...
Ряды, ряды имен...
О, где вы, те, кто их носил,
Где ныне ваши приют —
Ряды зеленых волн — могил
В ответ кругом встают.
Над их несметною толпой
По лону бурных вод
Воздушно легкою стопой
Христос идет вперед...
Идет сюда, в далекий храм,
Где каждую скрижаль
Воздвигла братским именам
Народная печаль.
Печален сумрак золотой,
Печален белый стяг.
И полон скорби лик святой,
И скорбен Божий шаг...
Пройди, пройди Благой Христос
По волнам мук людских,
Чтоб океан скорбей и слез
Улегся и затих...”*

*Прибытие Императора и Высочайших особ на торжество освящения храма
31 июля 1911 г.*

Освящение храма состоялось 31 июля, а поднятие колокола — 28 июля 1911 г. В церковь был перенесен знаменный флаг б. Квантунского флотского экипажа (находился при осаде в крепости Порт-Артур, перевезен в Чифу и затем в Санкт Петербург). На церемонии присутствовали Император и члены семьи Романовых (их императорские высочества, Великие княжны, Великие князья, князья).

К 10-летию Цусимы в храме собраны фотографии, сделанные на фронте. Он стал своеобразным музеем боевой славы русских моряков.

К освящению храма поэт — Великий князь К. К. Романов — написал: “России слава, гордость и любовь, за подвиг ваш, страдания и кровь мы скорбью платим вам и восхищением”.

В 1918 г. храм был уничтожен, мост через канал разобран, и судостроительный завод построил на территории храма пристройку к цеху по всей длине набережной канала. Уничтожение храма равносильно осквернению могил воинов. Наш нравственный долг — восстановить утраченное.

Прекрасная панорама набережной, по которой мы прошли, потеряла свой парадный вид (особенно если смотреть с Васильевского острова) из-за постройки пирса вдоль последнего квартала набережной.

Список литературы

- Архитектурный путеводитель по Ленинграду/ Под ред. В. И. Пилавского. Л.: Стройиздат, 1971.
- Захаров О. Н. Архитектурные панорамы невских берегов. Л.: Стройиздат, 1984.
- Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: Справ./Под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб.: Пилигрим, 1996.
- Вяземский С. М. Английская набережная// Блокнот агитатора. 1972. Л.: Политиздат, 1972.
- Виды Петербурга и его окрестностей середины XVIII века: Гравюры по рис. М. Махасва/ Сост. Г. Н. Комелова. Л.: Сов. художник, 1968.
- Канн П. Я. Площадь труда. Л.: Лениздат, 1981.
- Бунин М. С. Мосты Ленинграда: Очерки истории и архитектуры. Л.: Стройиздат, 1986.
- Бартенев И. А. Зодчие и строители Ленинграда. Л.: Лениздат, 1963.
- Памятники архитектуры Ленинграда/ Ред. Г. Н. Булдаков и В. И. Пилявский Л.: Стройиздат, 1975.
- Бутиков Г. П., Хвостова Г. А. Исаакиевский собор. Л.: Лениздат, 1979.
- Соловьева Т. А. Фон Дервизы и их дома/ ООО "Белос и чернос" СПб., 1995.
- Витязева В. А., Кириков Б. М. Ленинград: Путеводитель. Л.: Лениздат, 1986.
- Йогансен М., Лисовский В. Ленинград. Л.: Искусство, 1979.
- Ленинград. Монументальная и декоративная скульптура XVIII и XIX веков/ Сост.: И. В. Крестовский, Е. Н. Петрова М.; Л.: Искусство, 1951.
- Кочедамов В. И. Набережные Невы. Л.; М.: Госстройиздат. 1954.
- Степнов П. П. Мосты и набережные Ленинграда. Л.: Лениздат, 1991.
- Мавродин В. Основание Петербурга. Л.: Лениздат, 1978.
- Пушкинский Петербург: Альбом/ Сост. М. А. Гордин. Л.: Художник РСФСР, 1974.
- Каганович А. Медный всадник. История создания монумента. Л.: Искусство, 1975.
- Весь Петербург: Адресные справ. книги за 1896-1916 гг. СПб.; Пг., 1896-1916.
- Тумлович Е. В., Алтушин С. Е. Мосты и набережные Ленинграда. М.: Изд-во МКХ, 1963.
- Гордин А. М. Город глазами художников. Л.: Художник РСФСР, 1978.
- Сашонко В. Н. Адмиралтейство. Л.: Лениздат, 1982.
- Очерки истории Ленинграда: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1.
- Балог Г. П. А. С. Пушкин и его время. Л.: Художник РСФСР, 1985.
- 225 лет Академии художеств СССР. 1757-1917 гг.: Каталог выставки. М.: Изобраз. искусство, 1983.

Оглавление

Введение	5
Как это было	7
М.и, где город стал на .иоре	15
Адмиралтейский остров	21
Сенатская площадь	37
Вдоль по Английской набережной	99
Площадь Труда	127
По пути к «Галерной верфи»	145